

ВЕСТНИК РФФИ

Гуманитарные и общественные науки

Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

Гуманитарные и общественные науки

ISSN 2587-6090 eISSN 2587-8956

№ 2 (91) апрель – июнь 2018 года

Основан в 1995 году

Зарегистрирован Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций, свидетельство ПИ № 77-12977 от 25.12.2002

Учредитель

**Федеральное государственное бюджетное учреждение
«Российский фонд фундаментальных исследований»**

Главный редактор В.Я. Панченко,
заместители главного редактора В.Н. Фридлянов, В.В. Квардаков

Редакционная коллегия:

И.Ю. Алексеева, Л.А. Беляева, И.А. Виноградов, Ю.Л. Воротников,
П.Г. Гайдуков, В.П. Гребенюк, А.А. Демидов, Н.Г. Денисов, В.Н. Захаров,
М.В. Иванова, Г.Б. Клейнер, А.А. Малышев, Н.И. Пикуров, Д.А. Рубвальтер,
Н.Л. Селиванова, Д.В. Трубочкин, Д.В. Ушаков, В.А. Хащенко, В.В. Шелохаев

Редакция:

Р.А. Казакова, И.Л. Ровинская

Адрес редакции:

119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а

Тел.: +7 (499) 941-01-15 (доб. 3003)

E-mail: rovir@rfbr.ru

Russian Foundation for Basic Research Journal

Humanities and social sciences

ISSN 2587-6090 eISSN 2587-8956

No 2 (91) April – June 2018

Founded in 1995

Registered by the Ministry of the Russian Federation for printed media, television and radio
broadcasting and mass media, certificate ПИИ No. 77-12977 dated December 25, 2002

The Founder

Federal State Institution

“Russian Foundation for Basic Research”

Chief editor V.Ya. Panchenko,

Deputy chief editors V.N. Fridlyanov, V.V. Kvardakov

Editorial board:

I.Yu. Alekseeva, L.A. Belyaeva, I.A. Vinogradov, Yu.L. Vorotnikov,
P.G. Gaidukov, V.P. Grebenyuk, A.A. Demidov, N.G. Denisov, V.N. Zakharov, M.V. Ivanova,
G.B. Kleyner, A.A. Malyshev, N.I. Pikurov, D.A. Rubvalter, N.L. Selivanova,
D.V. Trubochkin, D.V. Ushakov, V.A. Khashchenko, V.V. Shelokhaev

Editorial staff:

R.A. Kazakova, I.L. Rovinskaya

Editorial office address:

32a, Leninskiy Ave., Moscow, 119334, Russia

Tel.: +7 (499) 941-01-15 (3003)

E-mail: rovir@rfbr.ru

Панченко В.Я. В будущее — с оптимизмом!	9
--	---

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСОВ РФФИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Мясников В.С. Развитие исторической науки при поддержке РГНФ–РФФИ	13
Храпунов Н.И. Крымские древности глазами западноевропейских путешественников конца XVIII – начала XIX в.	21
Табарев А.В. Вознаграждение вечностью: особенности погребальной практики в древних культурах тихоокеанского бассейна на рубеже эр	34

ЭКОНОМИКА

Гринберг Р.С., Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Циклическая экономическая динамика и дефляционные явления: анализ и прогнозы	48
Каранина Е.В., Рязанова О.А. Развитие системы диагностики и мониторинга экономической безопасности хозяйствующих субъектов территорий (на примере Кировской области)	63

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВОВЕДЕНИЕ

Дёмин А.В. Диспозитивность в праве: общий концепт, тенденции, перспективы	77
Шиповалова Л.В. Проблема эффективности научных исследований	87

ФИЛОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Степихов А.А. Сегментация спонтанной речи и индивидуальность эксперта	98
Рыбаков А.А. Великий Устюг — центр художественной культуры Русского Севера XIII–XVIII веков ...	108

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА

Моросанова В.И., Фомина Т.Г., Ованесбекова М.Л. Взаимосвязь осознанной саморегуляции, мотивации и личностных диспозиций с успеваемостью школьников	124
Егоров И.В., Наумова Д.В. Гражданское мировосприятие студенческой молодёжи	134

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Седов Вл.В. Княжеские саркофаги Георгиевского собора Юрьева монастыря	142
---	-----

Дмитренко С.Ю.

- Бахнарические языки Камбоджи: лексика, грамматика, тексты
(по материалам лингвистической экспедиции) 159

КОНФЕРЕНЦИИ. КОНГРЕССЫ. СИМПОЗИУМЫ**Мельникова Е.А.**

- Международная научная конференция «Восточная Европа в древности
и средневековье. XXX Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто»
(Москва, 17–20 апреля 2018 г.) 171

Васильев С.А., Кулаков С.А.

- Международная конференция «Памятники Кавказа в контексте нижнего
и среднего палеолита Евразии» (Санкт-Петербург, 15–16 января 2018 г.) 176

МИР КНИГИ РФФИ**Шашкова О.А. —**

- Россия в 1917 году: Энциклопедия / Отв. ред. А.К. Сорокин.
М.: Политическая энциклопедия, 2017. — 1095 с.: ил. 179

Косенкова Ю.Л. —

- Конышева Е.В. Европейские архитекторы в советском градостроительстве эпохи
первых пятилеток. Документы и материалы. М.: БуксМАрт, 2017. — 360 с.: ил. 183

Валькова В.Б. —

- А.Т. Гречанинов. Воспоминания. Публикации. Переписка. В 2 т. Т. 1 /
Сост., вступ. статья и комм. Е.Б. Сигейкиной. М.: Музыка, 2017. — 720 с.: ил. 187

Сергиенко Е.А. —

- Знаков В.В. Психология понимания мира человека. М.: Изд-во
«Институт психологии РАН», 2016. — 488 с. 191

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ**ЗАСЕДАНИЕ ГЛОБАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО СОВЕТА**

- (МОСКВА, 14–16 МАЯ 2018 Г.)** 195

**Официальные документы заседания Глобального исследовательского совета
(на английском и русском языках)**

- Пояснительная записка относительно пересмотра заявления ГИС
о принципах научной экспертизы 198
- Заявление о принципах научной экспертизы 2018 202
- Научная дипломатия: роль исследовательских советов и Глобального
исследовательского совета 206

CONTENTS

<i>Panchenko V.Ya. Into the Future – with Optimism!</i>	9
--	---

WHAT THE WINNERS OF RFBR COMPETITIONS ARE WORKING ON

HISTORICAL SCIENCES

Myasnikov V.S.

Development of Historical Science with the Support of the Russian Foundation for Humanities – the Russian Foundation for Basic Research	13
---	----

Khrapunov N.I.

Crimean Antiquities Seen through the Eyes of West-European Travelers of the Late 18 th – Early 19 th centuries	21
--	----

Tabarev A.V.

Awarded with Eternity: Specifics of the Burial Practices in the Ancient Cultures of the Pacific Region at the Turn of the Eras	34
--	----

ECONOMICS

Grinberg R.S., Grinin L.E., Korotaev A.V.

Cyclic Economic Dynamics and Deflationary Phenomena: Analysis and Forecasts	48
---	----

Karanina E.V., Ryazanova O.A.

Developing the System of Diagnostics and Monitoring of Business Performance in the Regions (Case of Kirov Region)	63
---	----

PHILOSOPHY. SOCIOLOGY. POLITICAL SCIENCE. JURISPRUDENCE

Demin A.V.

Discretion in Law: General Concept, Trends, Prospects	77
---	----

Shipovalova L.V.

Scientific Research Efficiency	87
--------------------------------------	----

PHILOLOGY. ART CRITICISM

Stepikhov A.A.

Segmentation of Spontaneous Speech and Individuality of the Expert	98
--	----

Rybakov A.A.

Veliky Ustyug – the Center of Artistic Culture of the Russian North of the 13 th –18 th Centuries	108
---	-----

COMPLEX HUMAN STUDY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY

Morosanova V.I., Fomina T.G., Ovanesbekova M.L.

Interrelation between Conscious Self-Adjustment, Motivation and Personality Dispositions, and Performance of Schoolchildren	124
---	-----

Egorov I.V., Naumova D.V.

Civil Worldview of the College Youth	134
--	-----

FIELD RESEARCH

Sedov V.V.

Princely Sarcophagi of St. George’s Cathedral at St. George’s Monastery	142
---	-----

Dmitrenko S.Yu.

- Bahnaric Languages of Cambodia: Vocabulary, Grammar, Texts
(Based on the Materials of a Linguistic Expedition) 159

CONFERENCES. CONVENTIONS. SYMPOSIA**Melnikova E.A.**

- International Academic Conference “Eastern Europe in the Ancient Times
and Middle Ages. The 30th Readings to Commemorate the Associate Fellow
of USSR’s Academy of Sciences V.T. Pashuto” (Moscow, April 17–20, 2018) 171

Vasilyev S.A., Kulakov S.A.

- International Conference “Monuments of Caucasus in the Context of the Lower
and Middle Paleolithic Periods of Eurasia” (St. Petersburg, January 15–16, 2018) 176

THE RFBR BOOK WORL**Shashkova O.A. —**

- Russia in 1917: Encyclopedia / Editor-in-Chief A.K. Sorokin.
M.: Politicheskaya Entsyklopediya, 2017. – 1095 p.: ill. 179

Kosenkova Yu.L. —

- E.V. Konyshcheva. European architects in Soviet Urban Construction
of the Epoch of the First Five-Year Plans. Documents and Materials.
M.: BooksMArt, 2017. – 360 p.: ill. 183

Valkova V.B. —

- A.T. Grechaninov. Memoires. Publications. Correspondence.
In 2 Vol. Vol. 1 / Composition, Introductory Article and Comments by E.B. Sigeykina.
M.: Muzyka, 2017. – 720 p.: ill. 187

Sergienko E.A. —

- V.V. Znakov. Psychology of Understanding the World of a Human.
M.: Publishing house “Institute of Psychology of the RAS”, 2016. – 488 p. 191

OFFICIAL DEPARTMENT**SESSION OF THE GLOBAL RESEARCH COUNCIL**

- (MOSCOW, MAY 14–16, 2018)** 195

**Official documents of the session of the Global Research Council
(in English and Russian)**

- Background Paper on the Revision of Global Research Council Statement
of Principles on Scientific Merit Review 196
- Statement of Principles on Peer / Merit Review 2018 200
- Discussion Paper Science Diplomacy: the Role of Research Councils
and the Global Research Council 204

DOI: 10.22204/2587-8956-2018-090-01-9-12

*В.Я. Панченко,
академик РАН,
председатель Совета
Российского фонда
фундаментальных
исследований,
председатель
Управляющего Совета
Global Research Council*

В будущее — с оптимизмом!

Оптимизм — этим ёмким и точным словом выразил общее впечатление от недавно завершившегося в Москве ежегодного саммита Глобального исследовательского совета (ГИС, Global Research Council, GRC) президент Национального научно-исследовательского совета Канады Марио Пинто, экс-председатель GRC.

Основанный в 2012 г., ГИС представляет собой неформальное объединение фондов разных стран, финансирующих научные исследования. С момента создания Глобального исследовательского совета РФФИ активно участвует во всех его мероприятиях.

Международная встреча ГИС — крупное событие для мирового научного сообщества. На московском саммите многое происходило впервые.

Впервые ежегодная встреча ГИС состоялась в России.

Впервые её организатором выступил Российский фонд фундаментальных исследований совместно с Национальным исследовательским фондом Республики Корея.

Впервые для участия в форуме собралось рекордное число участников за всю его историю: в Москву приехали руководители 60 научных фондов и других финансирующих науку организаций из более чем 50 стран Европы, Америки, Африки, Азии и Ближнего Востока.

В церемонии открытия форума участвовали помощник Президента России А.А. Фурсенко, заместитель Министра образования и науки России Г.В. Трубников, председатель Комитета Государственной Думы по международным делам Л.Э. Слуцкий. Все они подчеркнули важный как для науки, так и для нынешней напряжённой мировой обстановки характер встречи в Москве, её представительный формат и актуальность обсуждавшихся тем: «Научная дипломатия», «Научная экспертиза», «Соседи по исследованиям» и «Женщины в науке».

А.А. Фурсенко (фото 1) отметил, что «для России большая ответственность и большая честь принимать столь представительное и значимое сообщество коллег. Наука — одна

Фото 1. Выступление А.А. Фурсенко

научной дипломатии в этом году будут работать в российской столице. РФФИ примет участие в организации этого мероприятия.

Понятие «научная дипломатия» до сих пор не имеет чёткого определения, и нынешний форум ГИС ещё раз подтвердил это. Одни участники заседания воспринимают её как научную дисциплину, которая призвана стать хорошей научной основой для дипломатии традиционной. Другие же полагают, что это должна быть дипломатия науки, дипломатия, вырастающая из научного сотрудничества учёных разных стран и способствующая достижению целей внешней политики государства, решению международных проблем. Многие говорили о необходимости дипломатической поддержки международного научного сотрудничества для обеспечения представителям науки определённых преференций в рамках международных контактов, в частности, для исключения задержек с визами при поездках на научные конференции.

Тема, как видно, большая, если не сказать необъятная. А потому на саммите было озвучено предложение РФФИ создать в рамках ГИС рабочую группу, которая могла бы на постоянной основе заниматься этой темой в контексте роли, которую научные фонды играют в качестве субъектов научной дипломатии.

Обсуждая вторую основную тему саммита — «Научная экспертиза», — специалисты говорили о том, как правильно оценивать научные исследования и возможности их финансирования. Ведь исследовательская деятельность — довольно затратное занятие. Финансируют же исследования, как подчеркнули участники саммита, налогоплательщики, а государство является лишь посредником. Потому важно понимать, насколько полезны будут стране и обществу те или иные исследования.

Представители более 20 стран участвовали в заседании круглого стола «Соседи по исследованиям». Открылась встреча фундаментальным, глубоким и всесторонним обзором положения нашей страны на научной карте мира. Доклад под названием «Наука в России: настоящее и будущее» сделал президент Курчатовского института М.В. Ковальчук (фото 2). Михаил Валентинович убедительно доказал, что место нашей страны в мировой науке более чем значимое.

Развернувшиеся дискуссии показали, что представители разных стран — как продвинутых в научном отношении, так и пока ещё развивающихся — прекрасно понимают, что

из ценностей для нашей страны. В этом свете сохранение науки становится одной из важнейших задач национальной политики».

Г.В. Трубников рассказал о том, что Минобрнауки России работает сегодня над государственной концепцией международного научно-технического сотрудничества. Среди его основных задач — создание совместных исследовательских групп, развитие механизмов научной дипломатии, обеспечение условий для полноправного участия российских учёных в международной кооперации.

Л.Э. Слуцкий выразил уверенность, что общение учёных разных стран послужит делу мира, формированию безопасной и стабильной мировой архитектуры нового столетия. Глава Комитета Госдумы сообщил, что в декабре нынешнего года в Москве состоится научный форум ЮНЕСКО, и таким образом обе ключевые мировые площадки для обсуждения проблем

научные коллаборации значительно раздвигают горизонты возможностей. В наше время, когда наука, что называется, малых лабораторий уходит в прошлое, эти горизонты всё чаще расширяются за счёт использования уникальных крупных исследовательских установок для меганауки. А такие установки стоят недёшево, поэтому необходимо кооперироваться. Вот лишь один пример успешной кооперации. Не так давно в Германии возле Гамбурга заработал самый большой в Европе лазер на свободных электронах XFEL. Россия внесла в данный проект треть средств, и сегодня она является одним из собственников этой уникальной установки. Это означает, что российские учёные практически бесплатно могут проводить там свои эксперименты.

Самым представительным по числу участников и продолжительным по времени стало заседание круглого стола «Женщины в науке». И хотя эта тема в большей степени актуальна для арабских и африканских стран, в её обсуждении приняли активное участие глава Национального научного фонда США Франс Кордова, академик РАН Ольга Донцова и целый ряд других экспертов. Не успев детально обсудить все аспекты проблемы, участники круглого стола решили продолжить дискуссии на следующих форумах.

Впервые в практике ГИС на его заседаниях с развёрнутыми докладами выступили ведущие учёные академики РАН А.А. Дынкин, А.В. Торкунов, А.О. Чубарьян, Ю.Ц. Оганесян. Блестящую лекцию прочитал член Лондонского королевского общества, профессор химии сэр Мартин Полякофф. С большим вниманием участники саммита выслушали выступления академиков В.А. Тишкова и А.Г. Габибова, члена-корреспондента РАН С.М. Деева.

Важно подчеркнуть, что значение московского форума ГИС выходит далеко за рамки обсуждавшихся тем. Главное, что учёные разных стран и континентов получили отличную возможность познакомиться друг с другом, обменяться опытом, найти новых коллег, заключить соглашения о сотрудничестве. РФФИ, например, в ходе саммита заключил рамочные соглашения о взаимодействии при организации совместных конкурсов с Технопарком имени короля Абдул-Азиза из Саудовской Аравии, бразильским Национальным советом научного и технологического развития, Чешским научным фондом. В ходе встречи с президентом Национального исследовательского фонда Ирана Носратоллой Заргамом стороны договорились расширить сферу взаимодействия при организации конкурсов, в частности объявить совместный конкурс по социогуманитарным дисциплинам, инициировать сотрудничество учёных прикаспийских стран в изучении проблем освоения природных ресурсов Каспийского моря.

К открытию саммита РФФИ подготовил тематический выпуск журнала «Вестник РФФИ», посвящённый проблемам научной дипломатии (на английском и русском языках).

Издан не имеющий аналогов аннотированный каталог «Мир в исследованиях российских учёных» в двух томах: на русском и английском языках. В каталог вошли аннотации свыше 600 книг, отражающих проведённые отечественными учёными исследования истории и культуры стран, входящих в ГИС. Значительная часть этих научных трудов была представлена на развёрнутой в кулуарах заседания книжной выставке (фото 3),

Фото 2. Выступление М.В. Ковальчука

Фото 3. На книжной выставке
«Мир в исследованиях российских учёных»

Не только зрелищной, но и очень познавательной оказалась экскурсия на теплоходе по Москве-реке, во время которой директор Института археологии РАН академик Н.А. Маркарв рассказал много интересного о российской столице, её прошлом и настоящем.

Яркие впечатления оставила специально организованная для участников саммита экскурсия в Суздаль — памятник древнерусской истории и культуры.

Высоко оценивая научный уровень состоявшихся дискуссий, чёткую организацию всех мероприятий и предоставленные возможности для знакомства с нашей страной, участники форума (фото 4) заявили, что единственное, чего им не хватило, так это времени.

Фото 4. Участники саммита после завершения его работы

Следующий саммит ГИС решено провести в мае 2019 г. в Сан-Паулу (Бразилия).

вызвавшей неподдельный интерес участников саммита.

Не осталась без внимания и подготовленная к началу работы форума экспозиция археологических открытий мирового значения, осуществлённых российскими учёными при поддержке РФФИ.

Помимо заседаний и дискуссий организаторы форума подготовили обширную познавательную и культурную программу. Участникам саммита была предоставлена уникальная возможность посетить один из флагманов российской науки — Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт».

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСОВ РФФИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

В.С. МЯСНИКОВ*

Развитие исторической науки при поддержке РГНФ–РФФИ

УДК 93.94

ГРНТИ 03.09

DOI: 10.22204/2587-8956-2018-091-02-13-20

В статье рассматриваются значимые итоги конкурсной деятельности Российского гуманитарного научного фонда и Российского фонда фундаментальных исследований на протяжении 25 лет.

Ключевые слова: Российский фонд фундаментальных исследований, Российский гуманитарный научный фонд, историческая наука

История – это фундамент национального самосознания любого народа. Вместе с тем историческая наука является важнейшей скрепой, соединяющей народ и созданное им государство. Поэтому государственная власть, как правило, озабочена состоянием исторической науки. Например, в Китае осуществляется выдвинутый Мао Цзэдуном лозунг: «и гу вэй цзинь» – «поставить прошлое на службу современности». И нынешние поколения китайского народа гордятся тем, что их цивилизация насчитывает свыше четырёх тысяч лет. И не просто гордят-

ся, но и знают свою историю в полном объёме и используют эти знания. Для них история – это огромный банк данных, который воздействует на их сегодняшнее поведение, помогает в принятии решений. Не случайно самый грандиозный экономический и политический проект XXI в., выдвинутый Китаем, назван «Новый Шёлковый путь».

Для нас национальная история подобна Байкалу: она резервуар живой воды, к которому припадали и припадают все поколения граждан нашей страны. И так же, как «священный Байкал», она нуждается в защите и охране. В за-

* **Мясников Владимир Степанович** — академик РАН, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, председатель Экспертного совета РФФИ по истории, археологии и этнографии.
E-mail: vsmyasnikov@yandex.ru

щите в соответствии с законом и в охране — усилиями всего общества. Фальсификация истории должна рассматриваться как одно из тяжких преступлений. Ещё древние римляне говорили: «Praetèrita mutare nemo potest» — «Никто не может изменить прошлое».

Что касается нашей исторической науки, то следует отметить возросшее значение архивных источников в реконструкции исторического процесса, протекавшего в нашем Отечестве. Документальные публикации играют решающую роль в борьбе с попытками фальсифицировать этот процесс [1]. Объективное освещение истории нашей страны — это крупная государственная проблема. Не случайно ещё в 2001 г. Правительство РФ приняло постановления «О патриотическом воспитании» и «О подготовке учебников по истории». Кстати, одно с другим тесно связано.

Хотелось бы напомнить, с какой строгостью относились к изложению и преподаванию истории великие архитекторы нашего сознания, нашей культуры. А.С.Пушкин считал, что отечественную историю нужно изучать по Н.М.Карамзину [2]. Н.В.Гоголь в 1832 г. опубликовал специальную статью «О преподавании всеобщей истории». «Предмет её велик, — объяснял он своим читателям, — она должна обнять вдруг и в полной картине всё человечество, каким образом оно из своего первоначального, бедного младенчества развивалось, разнообразно совершенствовалось и наконец достигло нынешней эпохи. Показать весь этот великий процесс, который выдержал свободный дух человека кровавыми трудами, борясь от самой колыбели с невежеством, природой и исполинскими препятствиями: вот цель всеобщей истории!» [3].

Один из крупнейших наших философов XX в. Г.Федотов, размышляя об истории нашей страны, отметил, что «первый национальный образ России, в большом стиле, был создан Карамзиным. Его сравнительная недолговечность не должна

нас обманывать. За ним, в прошлом, стоял весь XVIII в., историки которого влились в “Историю государства Российского”. Карамзин завершитель. Это поэт Империи на вершине её славы. Он дал классическое одеяние России, построил её форум в стиле ампира — параллель: Захаров и Росси, — заставив её героев говорить языком римлян. Сейчас нам не пристало глумиться над русским ампиром. Это последний большой стиль России. Такой видел Россию Пушкин. Карамзин зачаровал Пушкина и был водителем его поколения на повороте от декабрьского либерализма к николаевскому консерватизму» [4]. Эти слова и сегодня звучат, на мой взгляд, более чем актуально.

Историко-культурное наследие, духовные ценности народа формируют его историческую память и историческое сознание. Без них нация утрачивает свою самобытность (идентичность), теряет способность к сплочению и, как следствие, утрачивает возможность самосохранения. Поэтому сбережение исторического и культурного наследия народа входит одним из главных составляющих элементов в категорию национальных интересов, наравне с территорией — материальной основой существования нации, а также с восстановлением и сохранением её генофонда [5].

В первые годы после расчленения СССР руководство нашей страны было озабочено проблемой сохранения научного потенциала России. Для спасения науки были созданы два фонда. Первый, Российский Фонд фундаментальных исследований, был образован указом Президента от 27 апреля 1992 г. Второй, Российский Гуманитарный научный фонд, появился благодаря постановлению Правительства РФ от 8 сентября 1994 г. Распоряжением Правительства от 29 февраля 2016 г. РГНФ был присоединен к РФФИ. Следует отметить, что оба фонда и до объединения взаимодействовали в поддержке крупных гуманитарных проектов. Например, при издании великолепной кни-

ги «Сокровища академических собраний Санкт-Петербурга», выход в свет которой был приурочен к 300-летию города на Неве. Таких примеров достаточно много.

В создании Российского гуманитарного научного фонда участвовали выдающиеся историки. Академик Никита Ильич Толстой был первым председателем совета РГНФ (1994–1996 гг.). Беседуя с нами – сотрудниками только что созданного Фонда – он закладывал основы деятельности этой новой для нас организации. Так он определил, что Фонд должен поддерживать в первую очередь крупные научные проекты, которые требуют многотомного издания. Разумеется, все исторические дисциплины были равно значимы.

Академик Валентин Лаврентьевич Янин стал вторым председателем совета РГНФ. Большой удачей было то, что директором Фонда работал в те же годы доктор философских наук Евгений Васильевич Семёнов, на плечи которого пал тяжкий груз взаимоотношений Фонда с чиновным людом всякого рода учреждений, интересовавшихся делами нашего сообщества, в первую очередь расходованием финансов.

Наука, как и культура в целом, нуждается в государственной поддержке. Чтобы получить такую поддержку, учёным пришлось разъяснять, что такое наука. Не случайно М.В.Ломоносов, опираясь на мысль Цицерона, дал классическое определение, что наука «есть ясное познание истины, просвещение разума, непорочное увеселение в жизни, похвала юности, старости подспорье» («Риторика», 1748). На склоне лет К.А.Тимирязев, обращаясь к этому ломоносовскому определению, писал, что весь его жизненный опыт свидетельствует о том, что «наука является самой лучшей, прочной, самой светлой опорой в жизни, каковы бы ни были её превратности».

Сегодня российским учёным превратности жизни помогает преодолевать Российский фонд фундаментальных исследова-

ований (РФФИ). Аналогичные госбюджетные фонды существуют и за рубежом. Например, Фонд Японии, Фонд Кореи (в Республике Корея), Фонд Цзян Цзинго на Тайване. Если же говорить о частных фондах, то их насчитываются тысячи, так как спонсирование науки, культуры и здравоохранения даёт значительное освобождение от налогов на прибыль.

Разница между российскими и зарубежными фондами заключается в первую очередь в суммах средств, выделяемых ими учёным. Если зарплата зарубежного учёного во много раз превышает зарплату российского, то и размеры грантов различаются соответственно. Кроме того, российские фонды созданы для поддержки в первую очередь отечественных учёных, хотя, как и зарубежные фонды, предоставляют гранты на проведение совместных работ с иностранными исследователями, способствуя расширению научного обмена. Как отметила в своей инаугурационной речи 21 февраля 2000 г. президент Фонда Кореи профессор Ли Ин Хо (кстати, до этого два года работавшая послом в Москве), «для процветания важно, чтобы мы помогли миру хорошенько узнать Корею, и в то же время мы добиваемся глубокого понимания окружающего нас мира».

РГНФ существовал двадцать два года. Итоги его деятельности впечатляющи: изданы тысячи прекрасных книг, проведены сотни важнейших научных конгрессов и конференций, продолжаются экспедиционные работы. Одним словом, гуманитарные науки в России, подобно фениксу, возродились из пепла, оставшегося к началу 1990-х гг. от бывшего идеологического и финансового патернализма. Фонд адресно, на конкурсной основе, профинансировал тысячи проектов, что явилось эффективной поддержкой государством фундаментальных и перспективных исследований. Одним из главных достижений Фонда является то, что он дал возможность гуманитарному научному сообществу России сплотиться

на основе самоорганизации и сохранить важнейшие научные школы, направления, оживить многие дисциплины, без которых невозможна была бы комплексность и системность гуманитарного знания. Как отметил американский профессор Блэр Рубл, бывший тогда директором вашингтонского Института им. Кеннана, благодаря деятельности РГНФ «российские обществоведы и гуманитарии имеют беспрецедентную возможность самим формировать общество, в котором они живут, и заново пересматривать основные вопросы в своих дисциплинах».

Ещё одним важным аспектом деятельности РФФИ и РГНФ являются их усилия, направленные на сохранение единого научного пространства в рамках СНГ и на взаимодействие с зарубежными фондами. Так, например, в первой половине 1999 г. заключено специальное Соглашение о сотрудничестве между РГНФ и Международной ассоциацией академий наук. На основе этого соглашения осуществляются постоянные научные контакты.

Кстати, Фонд постоянно работал в условиях жёсткого финансового дефицита. Ситуация на заседаниях экспертных советов зачастую сводилась к решению задачи: как пятью хлебами суметь накормить пять тысяч изголодавшихся. Разумеется, секции экспертных советов и экспертные советы отнюдь не формально подходят к определению сумм, выделяемых на проекты. Критериями служат объём научного задела, количественный и качественный состав научного коллектива, наличие необходимого оборудования или необходимость его приобретения для выполнения проекта, обеспеченность источниками, статистической информацией и др. При этом экспертные советы не могут выходить за рамки квот, каждый год определяемых решениями Совета Фонда для финансирования индивидуальных и коллективных исследовательских проектов.

В дополнение к этому необходимо отметить, что экспертиза носит «многослой-

ный» характер — каждая заявка и отчёт после экспертизы двух или трёх экспертов (обязанных дать письменное заключение по качественным характеристикам проекта, оценить его приоритетность, актуальность, новизну подходов и возможные не только фундаментальные, но и прикладные результаты) обсуждается на Экспертном совете. Затем председатели экспертных советов делают аналитические сообщения на заседаниях Совета Фонда.

Лучшие работы по итогам конкурсов публикуются в «Вестниках» и в специализированных научных журналах.

Эффективность работы Фонда обеспечивается не только системой экспертизы, но и дополняющей её системой санкций: если грантодержатель отстывает от требований в определённые сроки представить в Фонд промежуточные или итоговые отчёты, качество которых определяется экспертизой, то Фонд прекращает финансирование этих работ. Даже при наличии удовлетворительных промежуточных отчётов, если итоговый отчёт представлен позднее обозначенных сроков, то грантодержатель лишается права в течение 5 лет участвовать в конкурсах Фонда.

Итак, система РГНФ, действовавшая 20 с лишним лет, себя оправдала. Опыт работы РГНФ доказал главное — научное сообщество России может и должно развиваться при государственной поддержке, но без бюрократизации, опираясь на принципы самоорганизации, но не бесконтрольно. В наступившем столетии повысилась роль Интернета в гуманитарных исследованиях. Это может потребовать и развития соответствующих направлений в деятельности объединённого Фонда.

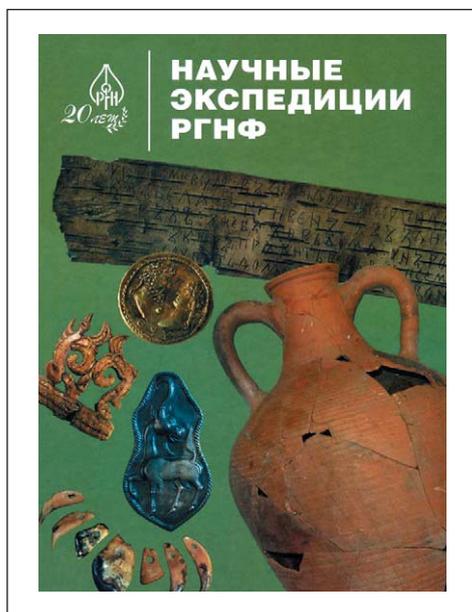
Хотел бы отметить и то, что работа в Фонде помогает научному росту сотрудников. В своё время сотрудниками Фонда были академик, вице-президент РАН, директор Института археологии РАН Николай Андреевич Макаров, член-корреспон-

дент РАН, заместитель директора Института археологии РАН Пётр Григорьевич Гайдуков; доктор филологических наук Владимир Николаевич Захаров возглавляет Международное Общество изучения Ф.М. Достоевского.

В 2012 г. Фонд вошёл в состав учредителей и попечительского совета Российского исторического общества, созданного под руководством Председателя Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации С.Е. Нарышкина. Ответственным секретарём Российского исторического общества стал сотрудник РГНФ в 90-е – начале 2000 гг. к.и.н. Андрей Евгеньевич Петров.

Неоспоримым показателем правильности курса, проложенного РГНФ–РФФИ, является, на мой взгляд, то, что целый ряд направлений в исторической науке и работ, поддержанных Фондами, были удостоены Государственных премий.

Выдающиеся открытия и труды в области изучения древнейшей истории человечества в Евразии и формирования человека современного анатомического типа (А.П. Деревянко), открытие и исследование уникальных комплексов пазырыкской культуры VI–III вв. до нашей эры на территории Горного Алтая (В.И. Молодин) получили высочайшую оценку на государственном уровне.

К 20-летию РГНФ панорама экспедиционных проектов Фонда была реализована в специальном издании.

Много лет экспертный совет РГНФ по историческим дисциплинам возглавлял замечательный учёный, член-корреспондент РАН Рауф Магомедович Мунчаев, прославившийся раскопками на Ближнем Востоке. В 1999 г. за цикл трудов «Древнейшая история и культура Месопотамии VIII–IV тыс. до н.э. (Вклад российской науки в изучение Древней Месопотамии) Р.М. Мунчаев удостоен Государственной премии. В том же году мне довелось в составе группы наших востоковедов побывать в Дели, где у нас были встречи с индийской общественностью. Как раз США начали «Войну в заливе», чтобы свергнуть иракского лидера Саддама Хусейна. Вся Индия была возмущена, наши коллеги говорили нам: «Как эти американцы могут бомбить междуречье Тигра и Эфрата, ведь это же Месопотамия, древнейшая колыбель человечества!» Да, глубина культурного слоя там, по словам Рауфа Магомедовича, свыше 30 метров.

За блестящее исследование одной из главнейших проблем истории нашего Отечества в монографии «Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса» в 2000 г. Государственную премию получил академик Леонид Васильевич Милов. Его книга произвела огромное впечатление на научную общественность. Развёрнутая рецензия о ней была опубликована в «Литературной газете».

В 2002 г. Государственная премия России была вручена известнейшему специалисту по политической истории нашей страны доктору исторических наук, профессору Валентину Валентиновичу Шелохаеву за фундаментальный труд «Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Документальное наследие».

Госпремии РФ был удостоен В.А. Тишков за достижения в области этнологии и социально-культурной антропологии,

разработку метода этнологического мониторинга, предупреждения и разрешения этнополитических конфликтов.

Доля проектов по истории, поддерживаемых на конкурсах по гуманитарным и общественным наукам РГНФ—РФФИ, традиционно высока и составляла 20–25%. За 18 лет работы Фонда поддержано около 5 тыс. научно-исследовательских проектов по исторической тематике.

Не менее ярким примером эффективной деятельности Фонда стали *целевые междисциплинарные конкурсы*. В последние годы они являются одним из приоритетных направлений деятельности Фонда, потому что позволяют гибко реагировать на вызовы современности, ориентированы на поддержку глубинных процессов в развитии научного сообщества.

Опыт их реализации показал, что они стали своеобразными локомотивами развития исторической мысли, позволили во многом переосмыслить роль важнейших событий и явлений Российской истории, России — в мировом историческом прогрессе.

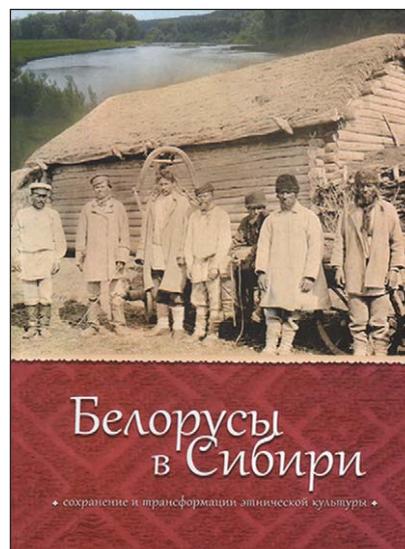
Серия добротных изданий — сборников и коллективных монографий — является свидетельством успешной реализации конкурсов: «Россия в Первой мировой войне (1914–1918 гг.)», «1150 лет российской государственности», «1812 год в истории

и культуре России», «70 лет Победы в Великой Отечественной войне». В 2017 г. финишировали не менее значимые: «Россия в 1917 году» и «Крым в истории, культуре и экономике России». Успешно реализуются проекты конкурса «Российское китаеведение: история, современное состояние и перспективы развития».

О положительном научном резонансе результатов целевых конкурсов свидетельствует, в частности, переиздание в 2017 г. в Германии сборника «Русь в IX–X вв.: археологическая панорама (территория, культура, центры власти)» (рук. Н.А.Макаров), подготовленного в рамках проекта целевого конкурса 2012 г. «1150 лет российской государственности».

О высоком научном уровне и качестве исследований свидетельствует постановление РАН № 11 от 15.01.2013 г., согласно которому коллектив новосибирских исследователей под руководством Е.Ф.Фурсовой, подготовивший научный труд «Белорусы в Сибири: сохранение и трансформации этнической культуры», удостоен премии Российской академии наук и Национальной академии наук Беларуси 2012 г.

Особое значение для гуманитарных исследований в целом и исторических наук в частности имеет издательская программа Фонда по исторической тематике.

Издания, выпущенные при поддержке Фонда, можно найти в списках Лауреатов национальной премии «Лучшие книги и издательства года».

В 2015 г.: «Генерал Власов: История предательства» (в 2 т., 3 кн.). — Изд-во «РОССПЭН» (председатель редколлегии, ответственный редактор А.Н.Артизов), Исследовательские работы по истории российского крестьянства. («Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 гг.»; «Современная российско-украинская историография голода 1932–1933 гг. в СССР» и др.) (В.В.Кондрашин), «Патриотизм и национализм как факторы российской истории»: Коллективная монография (ответственный редактор В.В.Журавлёв) — Изд-во «РОССПЭН».

В 2016 г.: «Реформы с древнейших времён до конца XX века в России»: В 4 т. (ответственный редактор В.В.Шелохаев). — Изд-во «РОССПЭН».

В 2017 г.: «Россия в 1917 году. Энциклопедия»; «История Новороссии. Крым в истории, культуре и экономике России» /

Коллектив авторов. Ответственный редактор В.Н.Захаров. Издание Центра гуманитарных инициатив. Москва; Санкт-Петербург; «Страна в огне. Панорама событий Великой Отечественной войны в тематических очерках»: В 4 т. / Коллектив авторов. — Изд-ва «Олма Медиа Групп», «Просвещение».

Востребованы научным сообществом серийные издания, подготовка и публикация которых ведётся в рамках проектов Фонда, к примеру, серия «Народы и культуры».

Благодаря поддержке Фонда систематически проводятся крупнейшие научные форумы РФ, среди которых — Международная научная конференция «Комплексный подход в изучении Древней Руси», Научная конференция «Общество и государство в Китае», Всероссийские археологические съезды, Конгресс антропологов и этнологов России.

Хотелось бы пожелать объединённому Фонду (РГНФ–РФФИ) успехов в благородном деле поддержки российской науки.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В качестве примера такого рода издания приведу опубликованный группой сотрудников Росархива под руководством А.Н.Артизова двухтомник в трёх книгах «Генерал Власов: история предательства». М.: РОССПЭН, 2015.
2. Пушкин А.С. Собр. соч.: В 15 т. М.: ТЕРРА, 1998. Т. 10. С. 52–53.
3. Гоголь Н.В. О преподавании всеобщей истории // Собр. соч.: В 9 т. Т. 6 / Сост. и комм. В.А.Воропаева и И.А.Виноградова. М.: Русская книга, 1994. С. 258.
4. Федотов Г. Россия Ключевского // Федотов Г.П. Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии, русской истории и культуре: В 2 т. СПб.: София, 1992. Т. 1. С. 429–448.
5. Мясников В.С. Кастальский ключ китаевода. Т. 6: У науки нрав не робкий. М.: Наука, 2014. С. 243.

ENGLISH

Development of Historical Science with the Support of the Russian Foundation for Humanities – the Russian Foundation for Basic Research

Vladimir Stepanovich Myasnikov – member of the Russian Academy of Sciences, chief researcher of the Institute of Far Eastern Studies of the RAS, chair of the Expert Council on history, archeology and ethnography, the Russian Foundation for Basic Research (RFBR).

E-mail: vsmyasnikov@yandex.ru

The article examines significant results of competitive activities carried out by the Russian Foundation for Humanities and the Russian Foundation for Basic Research throughout the past 25 years.

Keywords: Russian Foundation for Basic Research, Russian Foundation for Humanities, historical science

REFERENCES

1. V kachestve primera takogo roda izdaniya privedu opublikovannyy gruppy sotrudnikov Rosarkhiva pod rukovodstvom A.N. Artizova dvukhtomnik v tryokh knigakh «General Vlasov: istoriya predatel'stva». M.: ROSSPEN, 2015 (in Russian).
2. Pushkin A.S. Sobr. soch.: V 15 t. M.: TERRA, 1998. T. 10. S. 52–53 (in Russian).
3. Gogol' N.V. O prepodavanii vseobshchey istorii // Sobr. soch.: V 9 t. T. 6 / Sost. i komm. V.A. Voropaeva i I.A. Vinogradova. M.: Russkaya kniga, 1994. S. 258 (in Russian).
4. Fedotov G. Rossiya Klyuchevskogo // Fedotov G.P. Sud'ba i grekhi Rossii: Izbrannye stat'i po filosofii, russkoy istorii i kul'ture: V 2 t. SPb.: Sofiya, 1992. T. 1. S. 429–448 (in Russian).
5. Myasnikov V.S. Kastal'skiy klyuch kitaeveda. T. 6: U nauki nprav ne robkiy. M.: Nauka, 2014. S. 243 (in Russian).

УДК 902 + 910.4(477.75)(09) + 908(477.75)
ГРНТИ 03.23.31
DOI: 10.22204/2587-8956-2018-091-02-21-33

Н.И. ХРАПУНОВ*

Крымские древности глазами западноевропейских путешественников конца XVIII – начала XIX в.

В статье рассматриваются различные аспекты описаний прошлого и археологических памятников Крыма, подготовленных путешественниками, которые побывали на полуострове в первые десятилетия после его присоединения к России в 1783 г. Показано, что ранее почти неизвестный европейской публике Крым стал популярным местом для образовательных поездок во многом благодаря уникальной концентрации культурного наследия на своей территории. Анализ записок путешественников выявил, что иностранцев привлекали памятники, связанные с Древней Грецией и Римом, скифами, сарматами и таврами, крымскими готами и византийцами, средневековыми генуэзскими колониями, Золотой Ордой и Крымским ханством. Популярности Крыма способствовали мода на античность, а также увлечённость европейцев загадочным и романтичным мусульманским Востоком.

В результате исследования продемонстрировано, что путешественники создали обширный, но весьма разнородный комплекс источников, авторы которых имели разный интеллектуальный уровень, разнообразные интересы, находились в разных жизненных обстоятельствах, преследовали различные цели и работали в разных жанрах. Изучение путевых записок позволило раскрыть неизвестные страницы истории археологического изучения Крыма, в частности, историю поисков древнего Херсонеса или открытия столицы государства поздних скифов. Показано значение рисунков путешественников для современных архитектурно-археологических исследований и реставрационных проектов. Выявлено, что путешественники превращали отдельные памятники в туристические достопримечательности, создавали и транслировали стереотипы и легенды. Продemonстрировано, что некоторые иностранцы обращались к истории и археологии Крыма в поисках аргументации для своих экономических и политических проектов.

Ключевые слова: записки путешественников XVIII–XIX вв., история и археология Крыма, античные и средневековые памятники Крыма, воображаемая география, культурное наследие

* **Храпунов Никита Игоревич** — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, руководитель проекта «Крымские древности в описаниях европейских путешественников конца XVIII – начала XIX в.: историко-археологическое исследование» (15-01-00104а).
E-mail: khrapunov@mail.ru

Записки путешественников и их значение

После присоединения Крыма к России в 1783 г. полуостров стал в буквальном смысле местом паломничества путешественников, большей частью иностранцев (см. каталоги: [3, с. 23]). Прежде о Крыме европейцы почти ничего не знали. Не случайно Монтеस्कье использовал его имя как синоним «белого пятна» на карте [5, с. 122]. В западной культуре путешествие понималось как поиск знаний, способ образования и совершенствования личности, а публикация путевых заметок считалась хорошим тоном [21, с. 30]. В Европе античность стала модной, а Древнюю Грецию и Рим начали воспринимать как колыбель европейской цивилизации [25, с. 63–88].

Однако Балканский полуостров оставался относительно закрытым для европейцев, поскольку находился под властью Османской империи. Отсюда их большой интерес к памятникам античности в Крыму, где можно было познакомиться с наследием других культур — средневековой генуэзской, золотоордынской и Крымского ханства. Путешественники уделили немало внимания прошлому Тавриды. Они собрали обширную информацию, создали текстуальные описания, рисунки и интерпретации. С их трудами связан начальный этап научного изучения прошлого Крыма как особого историко-культурного региона. В сочинениях путешественников сохранились описания и зарисовки памятников культурного наследия, впоследствии пострадавших от антропогенных и природных факторов, что очень важно для современных научно-реставрационных проектов.

Путешественники осмыслили отдельные памятники как туристические достопримечательности, обратив на них внимание многочисленных читателей. В эпоху, когда не было современных средств массовой информации, именно травелог рассказывали широкой публике о дальних странах. Так был создан образ Крыма

в зарубежной культуре. Наконец, некоторые путешественники использовали описания крымских памятников как «идеологическое оружие», иногда направленное против России, а иногда — призванное обосновать необходимость совместных с Россией экономических проектов. Всё это и обуславливает актуальность изучения травелогов как особой группы источников.

Отметим жанровое разнообразие путевых записок, среди которых — энциклопедические описания, дневники, подборки писем, литературные проекты и даже рассказы о никогда не совершавшихся поездках. Понятно, что эти сочинения имеют различную информативность и нередко больше говорят об авторе, чем о наблюдаемых им объектах и явлениях. Некоторые путешественники приезжали в Крым лишь на несколько дней, другие проводили здесь годы как частные лица или находясь на государственной службе. Определяющим фактором представляется позиция авторов как внешних по отношению к региону наблюдателей.

Изучая записки путешественников, приходится иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, их рассуждения и интерпретации всегда сочетали эмпирические наблюдения с привезёнными с собой стереотипами, шаблонами мышления и предубеждениями, подтверждения которым искали и зачастую находили в дальних странах. Во-вторых, любые путевые записки субъективны, и, как правило, степень этой субъективности определить невозможно. Методический инструментарий исследования записок травелогов успешно разрабатывается современными гуманитарными дисциплинами [29, с. 261–273; 12, с. 50–76] (рис. 1).

Археологические открытия

Благодаря путешественникам удалось получить информацию об открытии в 1827 г. одного из ключевых памятников крымской археологии — столицы государства поздних скифов (предполагае-

Рис. 1. Мыс Фиолент. Литография неизвестного художника (К. Кюгельхена? 1806?).
На переднем плане — монахи Георгиевского монастыря демонстрируют путешественнику древнюю колонну, найденную неподалёку

мого Неаполя) на окраине Симферополя. Известия об этом сохранились в периодической печати и у первого раскопщика памятника И.П.Бларамберга [13, с. 538–542]. Рассказ шотландца Дж.Уэбстера раскрыл прежде неизвестные подробности. Местный помещик Александр Султан-Крым-Гирей обнаружил в дорожном полотне трассы Симферополь — Алушта рельеф с изображением всадника и греческую надпись. Сопоставив её со словами античного географа Страбона о крепостях скифского царя Скилура, он пришёл к выводу, что камни взяли из скифского Неаполя [31, с. 94]. Явно гордясь находкой, он не только сообщил о ней директору Одесского музея древностей Бларамбергу, но и рассказывал приезжающим в Крым иностранцам. Бларамберг же никогда не упоминал имени первооткрывателя крепости. Возможно, дело в ревности учёного мужа к дилетанту, случайно совершившему блестящее открытие.

Записки путешественников доказывают, что к XVIII в. уже забыли, где именно находился древнегреческий город Херсонес, который в византийское время, уже под именем Херсона, стал местом крещения Руси. Некоторые думали, что он был на месте нынешней Феодосии. По словам француза Ш де Бара, там даже показывали мечеть, якобы перестроенную из церкви, где крестился князь Владимир [19, с. 23]. Прославленный фельдмаршал Б.Х.Миних полагал, что крещение произошло в Козлове (ныне Евпатория). Автор же примечаний к Копенгагенскому изданию его записок 1774 г. отметил, что, по мнению каких-то авторитетов, Херсонес «*был там, где нынче находится город Керчь*» [4, с. 71]. Вопрос о местоположении древнего города интересовал Екатерину II. Доверившись мнению Василия Никитича Татищева, императрица решила, что Херсон (Херсонес) находился в низовьях Днепра [1, с. 124–125, прим. 9; 11,

Рис. 2. Вид города Симферополя. Гравюра Ф.И. Гросса (1855). На переднем плане, вероятно, развалины скифского Неаполя, ставшие местом добычи камня

с. 60–62, 232, прим. 182], а потому «передала» его имя вновь основанному городу – ныне областному центру Украины. Историческое местоположение Херсонеса-Херсона было установлено после присоединения Крыма, причём важную роль в этом сыграли ездившие по Тавриде по поручению российского правительства К.-Л. Габлиц и П.-С. Паллас [16, с. 324–326] (рис. 2).

Рисунки путешественников

Записки путешественников зачастую проиллюстрированы собственноручными рисунками. Здесь представлены памятники, впоследствии полностью или частично разрушенные. Выделяется альбом чертежей архитектурных объектов, выполненный шотландским архитектором на русской службе Уильямом Хейсти (1798). В нём собраны изображения ханского дворца в Бахчисарае, мечетей и церквей в Феодосии, «мечети хана Узбека» в Старом Крыму, мечетей и фонтана в Евпатории. Частично эти черте-

жи отражают текущее состояние памятников, частично – планы их реконструкции. Из-за отсутствия поясняющих надписей разделить их на две группы не всегда возможно. В любом случае они свидетельствуют о том, что российское правительство было заинтересовано в сохранении исламского культурного наследия и рассматривало варианты его реставрации [18]. Публикация этих и других визуальных источников (рис. 1–5) должна стать предметом новых проектов, в которых будут заинтересованы не только археологи и историки архитектуры, но и реставраторы (рис. 3).

Развитие туризма

Путешественники превратили некоторые памятники в туристические достопримечательности, описав их как чрезвычайно любопытные объекты, требующие обязательного осмотра. Благодаря их текстам воплощением исламской культуры в Крыму стали считать Бахчисарай с ханским дворцом, а не менее впе-

Рис. 3. Балаклава. Рисунок Р. Хебера (1806). На переднем плане — постройки мусульманской эпохи, на заднем — генуэзская крепость Чембало

чатляющие мусульманские постройки Евпатории или Феодосии. Путешественник, обладавший литературным талантом, нередко оказывал куда большее влияние на ехавших по его следам или читавших его труд в тишине кабинета, чем тот, кто отличался наблюдательностью и научными знаниями. Вот пример знаменитого придворного и остроуслова Ш де Линя, уроженца южных Нидерландов (совр. Бельгия), оказавшегося в Крыму в 1787 г. в свите Екатерины II. Сделанные им описания ханского дворца в Бахчисарае очень неконкретны, но зато невероятно привлекательны благодаря изобилию романтических деталей. *«Я нахожусь в гареме последнего крымского хана, который был совсем неправ, сняв лагерь свой и передав русским четыре года назад прекраснейшую страну на свете. Судьба назначила мне комнату милейшей из его султанш <...> В нашем дворце, где есть место мавританскому, арабскому, китайскому и турецкому, повсюду фонтаны, небольшие сады, картины, поэ-*

лота и надписи; среди прочего, в диковиннейшем и великолепнейшем зале су-да кругом по карнизу идут золотые буквы, гласящие по-турецки: “К досаде зависти, да будет известно всему миру, что ни в Исфахане, ни в Дамаске, ни в Стамбуле нет такого богатства, как здесь”» [27, с. 51, 52]. Труд де Линя оказал большее влияние на русскую культуру. К примеру, А.С.Пушкин, работая над поэмой «Бахчисарайский фонтан», ориентировался не только на свои воспоминания о Крыме, но и на романтические образы из сочинения бельгийца [24, с. 17, 18, note 55] (рис. 4, 5).

Путешественники и их заблуждения

Сочинение де Линя показывает, какую власть мог иметь дискурс, иногда подменявший собой реальность. Читавшие его путешественники раз за разом повторяли, что в Старом Крыме можно увидеть не только множество памятников мусульманской эпохи, но и пейзаж на фоне трёх морей — Чёрного, Азовского и за-

Рис. 4. Бахчисарай. Гравюра с рисунка Хр. Гейслера (1801). Слева – комплекс Ханского дворца

лива Сиваш. В реальности город лежит в ложбине между горами, так что даже одно море оттуда увидеть никак нельзя. Тем не менее, «наблюдение» де Линя повторяли новые поколения путешественников [17, с. 844–846]. Как писал по другому поводу (хотя также в крымском контексте) Пушкин: *«Видно, мифологические предания счастливее для меня воспоминаний исторических»* [7, с. 250–252]. Записки де Линя, наряду с другими рассказами, заложили представления о Старом Крыме как о достопримечательности, которую просто необходимо увидеть туристам – ведь здесь можно почувствовать дух уходящей в прошлое эпохи.

В сочинениях путешественников нередки ошибочные суждения, которые могут показаться нам забавными, но на самом деле показывают, как далека от современной была научная мысль эпохи Просвещения – начала Романтизма. Исторической лингвистики ещё не существовало, и потому простое созвучие названий представлялось важнейшим обстоятельством. Не была выработана современная этнологическая классификация народов, основанная, прежде всего, на языковых признаках. Потому думали, что в ходе исторического процесса народы не исчезают бесследно, а как бы перетекают друг в дру-

га, меняя только имена. Важнейшим – хотя и не единственным – свойством народа полагалось его название [9, с. 124–128], а потому этнология эпохи Просвещения фактически сводилась к поиску современных соответствий древним этнонимам.

Множество примеров такого рода находим в описаниях Крыма. Так, связав название полуострова с городом Эски-Крым (Старый Крым), пытались отыскать его предшественника в античности. Для этого подбирали известные греческим и римским географам города с похожими названиями – Карею, Кермны или Киммерик (игнорируя, что те должны были находиться на берегу моря, а не в глубине полуострова, как Старый Крым). На основании такого же созвучия «обнаруживали» связь между городом и древними народами – киммерийцами и кимврами [17, с. 837–841].

Иногда в ход шли ещё более экзотические параллели. Шотландец М. Гатри заинтересовался караимами – группой неталмудических иудаистов, говоривших на тюркском языке, живших в городе Чуфут-Кале на вершине горы близ Бахчисарая. Народная этимология переводила их самоназвание как «чёрные евреи», ведь караимы обычно носили одежду чёрного цвета. Исходя из этого, Гатри «установил»

родство караимов с меланхленами. Этот народ во времена Геродота жил где-то в Северном Причерноморье, а название его переводится с древнегреческого как «чёрные плащи» [26, с. 84].

Путешественники нередко «обнаруживали» в Крыму следы всемирного потоп. Прежде всего, речь идёт о высеченных в камне кольцах, обычно связанных со средневековыми «пещерными городами», которые находились на вершинах гор. По современным представлениям, эти кольца использовались для привязывания скота или крепления деревянных конструкций в искусственных пещерах. В описываемую эпоху у местных жителей были распространены предания о том, что к этим кольцам привязывали лодки в стародавние времена, когда море покрывало весь Крым, и лишь вершины гор возвышались над волнами. Отсутствие известных источников о «пещерных городах» способствовало популярности этой версии у путешественников. В подтверждение её привлекали свидетельство античного историка Диодора о водах, некогда переполнивших Чёрное

море и вызвавших наводнение в Малой Азии, и рассуждения о всемирном потопе французского естествоиспытателя Ж.-Л. де Бюффона [15, с. 81, 82]. Этот эпизод демонстрирует особенности мышления европейцев на рубеже XVIII–XIX вв.

Мало кто из путешественников избежал соблазна отыскать храм таврической Дианы (херсонесской Девы), который античные авторы помещали где-то на южных берегах Крыма. Здесь дочь царя Агамемнона — предводителя греков в Троянской войне — по имени Ифигения служила жрицей богини Артемиды, в жертву которой местное племя тавров приносило попавших в их руки чужестранцев. Но об этом сюжете узнавали, как правило, не из первоисточника (трагедии Еврипида), а из французских и немецких переложений Нового времени [14, с. 48–51]. Поиски храма вели на всём южном побережье Крыма, а самой популярной локализацией была местность в окрестностях Георгиевского монастыря близ Балаклавы.

Античный миф, вероятно, не стоит понимать буквально, и вряд ли имеет смысл искать остатки описанного поэтом храма

Рис. 5. Ханский дворец в Бахчисарае. Гравюра по рисунку Дж. Уэбстера (1827).
Справа – мавзолеи Ханского кладбища, слева – Большая мечеть

Рис. 6. Вид Старого Крыма. Гравюра с акварели из коллекции Р. Уэрсли (1786).

Слева — армянская Церковь Богородицы (не сохранилась)

на крымской земле [2, с. 85–97]. Но связав легенду с современным монастырём на мысе Фиолент, в местности дикой и очень живописной, путешественники превратили её в важнейшую крымскую достопримечательность. Не случайно Пушкин, возражая скептицизму И.М. Муравьёва-Апостола, писал: *«К чему холодные сомненья? / Я верю: здесь был грозный храм, / Где крови жаждущим богам / Дымились жертвоприношенья...»* [6, с. 323].

Немцу П.-Б. фон Кампенгаузену удалось даже обнаружить на берегу какие-то развалины, а среди них — кусок мрамора. Эту находку он интерпретировал как часть алтаря, украшенного резными изображениями, *«и к нему ещё крепится большое бронзовое кольцо, к которому приковывали несчастных, предназначенных в жертву»* [20, с. 112]. Что это за артефакт и где он сейчас — неясно (рис. 6).

Использование истории

К сожалению, иногда возникали фантазии негативные, стимулировавшие межэт-

нические конфликты. Археологические и архитектурные памятники, прошлое которых забылось, открывали простор для фантазии как местных жителей, так и приезжих. В Бахчисарае напротив ханского дворца находилась мечеть Ешиль-джами. Построенный в третьей четверти XVIII в. храм вскоре перестали использовать [8, с. 102–106]. Англичанин Э.-Д. Кларк рассказал шокирующую историю о развлечениях русских солдат, ради забавы стрелявших из ружей по мулле, который призывал правоверных к молитве, и убивших его [22, с. 173].

Позднее другой британский подданный, Уэбстер, опроверг эту историю со ссылкой на своих крымских знакомых [31, с. 60]. К концу XIX в. эту легенду приурочили к визиту Екатерины II в Бахчисарай [10, с. 198], что, конечно, совершенно невероятно, учитывая отсутствие подобного эпизода в обширном корпусе документов, связанных с пребыванием императрицы в городе. Сегодня невозможно установить, основан ли рассмотренный сюжет на каком-то реаль-

ном событии или же является фантазией, порождённой конфликтами, межэтническими стереотипами и политической пропагандой. Очевидно, смена политического статуса Крыма и перестройка жизни на полуострове нанесли местным мусульманам психологическую травму, которая порождала доверие к подобным рассказам. Дурно настроенные по отношению к России путешественники тиражировали эту историю в своих трудах (рис. 7).

Иногда историю использовали как аргумент при обсуждении политических и экономических проектов в Крыму. Ж.Рэйи собирал информацию о полуострове по заданию наполеоновского правительства. Под влиянием Монтескье он рассматривал историю Крыма как противоборство двух начал — творческого западного, которое представляли греки и генуэзцы, приносившего цивилизацию, технологии, торговлю, и разрушительного, воинственного восточного, которое воплощали скифы и татары [28, с. 71–106, 152; ср. 5, с. 241, 242]. По этой причине, констатируя безрадостное экономическое положение Крыма в 1803 г., фран-

цуз предложил воспользоваться опытом средневековых генуэзцев. «Крым расположен выгодно для торговли. Этот полуостров, окружённый Чёрным морем и Азовским морем, в которое впадает Дон, мог бы принимать в своих портах, особенно в Керчи и Каффе, товары из Индии, Персии и Сибири. При генуэзцах товары из Индии, Персии и Аравии шли в Астрахань, затем вверх по Волге, оттуда двигались по суше до Дона, отстоящего на шестьдесят вёрст, и далее по этой реке спускались до Азова, откуда их на судах везли в Каффу» [28, с. 189–190, et p. 1]. По его мысли, Крым должен был стать звеном в торговой системе, которая связала бы Францию и её заморские колонии с внутренними губерниями России, Сибирью и странами Востока, а также обеспечила бы доставку европейских и колониальных товаров на рынки Османской империи [28, с. 198]. К реализации этого амбициозного проекта так и не приступили, но в данном случае любопытно именно использование исторических аргументов в интересах современной политики.

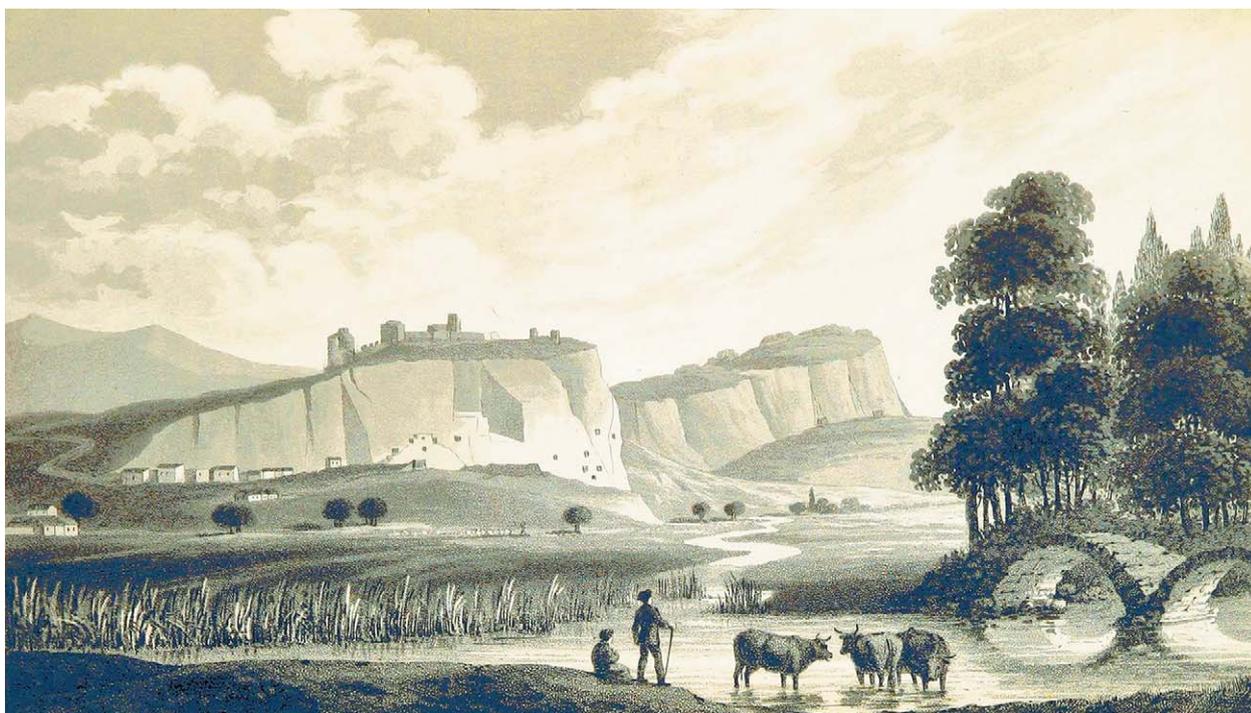

Рис. 7. Инкерман. Гравюра по рисунку Дж. Уэбстера (1827). На заднем плане — Монастырская скала с пещерными сооружениями византийской эпохи и средневековой крепостью на вершине

По-другому действовал Кларк. Для него судьба памятников археологии стала аргументом, доказывающим «нецивилизованность» России и русских, а также необходимость их изгнания из Крыма. По его мнению, русские повсеместно занимались целенаправленным уничтожением памятников археологии. Это обвинение, очевидно, должно было шокировать читателей, которые считали античность колыбелью европейской цивилизации. Отдельным проявлением «варварства» он считал то обстоятельство, что русские власти не позволяли путешественникам скупать по дешевке и вывозить за рубеж античные статуи, надгробия и надписи — разумеется, ради их «спасения» [22, с. 119, 149, 207, 208]. Любопытно, что, вопреки прогнозам Кларка, многие из этих памятников до сих пор сохраняются в коллекциях российских музеев.

Таковы были различные пути, которыми западные путешественники собира-

ли, изучали и осмысливали информацию о прошлом и археологических памятниках Крыма. Несмотря на встречающиеся в их записках отдельные негативные суждения, в целом их труды способствовали популяризации Крыма. Они создали привлекательный образ этого полуострова, где на компактной территории можно было наблюдать различные и весьма интересные археологические, этнографические и природные феномены, превратив ряд отдельных памятников в туристические достопримечательности. Труды путешественников сыграли важную роль на первом этапе научного изучения Крыма. Наконец, именно благодаря им мы знаем о начале исследований таких важных памятников археологии, как Керменчик (скифский Неаполь) и Херсонес (византийский Херсон), а отдельные описания и рисунки, сохранившие утраченные ныне элементы памятников, имеют особую ценность для современных исследований и реставрационных проектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Екатерина II. Записки касательно российской истории. Ч. I. СПб.: Императорская типография, 1801.
2. Иванчик А.И. Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. М.; Берлин: Палеограф, 2005.
3. Маркевич А.И. Таугіса: опыт указателя сочинений, касающихся Крыма и Таврической губернии вообще // Известия Таврической учёной архивной комиссии. 1894. № 20. С. 104–160; 1898. № 28. С. 17–24; 1902. № 32–33. С. 58–62.
4. Миних Б.Х. Записки фельдмаршала графа Миниха. М.: Гос. публ. ист. б-ка, 2017.
5. Монтескье ШЛ. О духе законов. М.: Мысль, 1999.
6. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 17 т. Т. 2. М.: Воскресенье, 1994.
7. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 17 т. Т. 13. М.: Воскресенье, 1996.
8. Свод памятников истории, археологии и культуры крымских татар. Т. I: г. Бахчисарай. Симферополь: Форма, 2016.
9. Слёзкин Ю. Естествоиспытатели и нации: русские ученые XVIII века и проблема этнического многообразия // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М.: Новое издательство, 2005. С. 120–154.
10. Судак Л. де, Мели Ф. де, Рамбо А. Французские путешественники в Крыму. XIX век. Симферополь: Н. Оріанда, 2014.
11. Татищев В.Н. Собрание сочинений. Т. II–III: История российская. Часть вторая. М.: Ладомир, 1995.

12. Толочко А. Киевская Русь и Малороссия в XIX в. Киев: Laurus, 2012. 256 с.
13. Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб.: Наука, 2002.
14. Формозов А.А. Пушкин и древности. Наблюдения археолога. М.: Языки русской культуры, 2000.
15. Храпунов Н.И. Записки Жильбера Ромма о Крыме: археологический комментарий // Французский ежегодник 2014. Т. 2: Франция и Восток. М.: ИВИ РАН, 2014. С. 63–101.
16. Храпунов Н.И. Как Херсонес стал центром русского православия // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2016. Вып. XXI. С. 317–358.
17. Храпунов Н.И. Старый Крым и его памятники глазами путешественников конца XVIII – начала XIX века // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4. № 4. С. 832–860.
18. Храпунов Н.И. Археологические и архитектурные памятники Крыма на рисунках Уильяма Хейсти (1798 г.) // Археология Северо-Западного Крыма. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2017. С. 188–195.
19. [Baert Ch.-A. de] Mémoire extrait du journal d'un voyage fait, au printemps de 1784, dans la partie méridionale de la Russie // Voyages historiques et géographiques dans les pays situés entre la Mer Noire et la Mer Caspienne... Paris: Deterville, 1798. P. 1–98.
20. Campenhausen [B. von]. Bemerkungen über Rußland. Leipzig: Friedrich Christian Dürer, 1807.
21. Chaney E. The Evolution of the Grand Tour: Anglo-Italian Cultural Relations since the Renaissance. 2nd ed. London; New York: Routledge, 1998.
22. Clarke E.D. Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. 1: Russia, Tahtary, and Turkey. 4th ed. Vol. 2. London: T. Cadell and W. Davies, 1817.
23. Cross A.G. In the Lands of the Romanovs: An Annotated Bibliography of First-hand English-language Accounts of the Russian Empire (1613–1917). Cambridge, UK: Open Book Publishers, 2014.
24. Dickinson S. Russia's First «Orient»: Characterizing the Crimea in 1787 // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2002. Vol. 3. № 1. P. 3–25.
25. Eisner R. Travelers to an Antique Land: The History and Literature of Travel to Greece. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1993.
26. Guthrie M. A Tour, Performed in the Years 1795-6, Through the Taurida, Or Crimea... London: T. Cadell, Jun. and W. Davies, 1802.
27. [Ligne Ch.J. de] Lettres et pensées du maréchal prince de Ligne. 2nd éd. Paris; Genève: J.J. Paschoud, 1809.
28. Reuilly J. Voyage en Crimée et sur les bords de la Mer Noire pendant l'année 1803... Paris: Bossange, Masson et Besson, 1806.
29. The Cambridge Companion to Travel Writing. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
30. Trease G. The Grand Tour. London: Heineman, 1967.
31. Webster J. Travels through the Crimea, Turkey, and Egypt... Vol. I. London: Henry Colburn and Richard Bentley, 1830.

ENGLISH

Crimean Antiquities Seen through the Eyes of West-European Travelers of the Late 18th – Early 19th centuries

Nikita Igorevich Khrapunov – Candidate of History, chief researcher of the Scientific Research Center of History and Archeology of Crimea of V. I. Vernadsky Crimean Federal University, head of the project “Crimean antiquities in the descriptions of European travelers of the late 18th – early 19th centuries: the historical and architectural study” (15-01-00104a).

E-mail: khrapunov@mail.ru

The article examines various aspects of descriptions of the past and archeological sites of Crimea prepared by travelers that visited the peninsula in the first decades after its incorporation into Russia in 1783. It demonstrates that Crimea, which had previously been quite unknown to the European audience, became a popular place for educational trips – largely because of the unique concentration of the cultural heritage on its area. The analysis of the travelers' notes showed that the foreigners had been attracted by monuments associated with the Ancient Greece and Rome, Scythians, Sarmatians and Tauridians, Crimean Goths and Byzantines, medieval Genovese colonies, the Golden Horde and the Crimean Khanate. The vogue of Crimea was boosted by the fashion for antiquity and fascination of the Europeans with the mysterious and romantic Islamic East.

The study unveils that the travelers created an extensive, though rather mixed set of sources, whose authors had different intellectual level and varying interests, found themselves in different life circumstances, pursued various objectives and worked in a range of genres. The study of the travel essays helped to reveal the unknown pages in the history of archeological studies of Crimea, specifically, the history of the search for the ancient Chersonese or discovery of the capital of the late Scythians. The paper shows the importance of the travelers' sketches for the modern architectural and archeological research and restoration projects. It is detected that the travelers turned individual monuments into tourist attractions, created and communicated stereotypes and legends. It is demonstrated that some foreigners applied to the history and archeology of Crimea to back up their economic and political projects.

Keywords: travel notes of the 18th–19th centuries, history and archeology of Crimea, antique and medieval monuments of Crimea, perceived geography, cultural heritage

REFERENCES

1. Ekaterina II. Zapiski kasatel'no rossiyskoy istorii. Ch. I. SPb.: Imperatorskaya tipografiya, 1801 (in Russian).
2. Ivanchik A.I. Nakanune kolonizatsii. Severnoe Prichernomor'e i stepnye kochevniki VIII–VII vv. do n.e. v antichnoy literaturnoy traditsii: fol'klor, literatura i istoriya. M.; Berlin: Paleograf, 2005 (in Russian).
3. Markevich A.I. Taurica: opyt ukazatelya sochineniy, kasayushchikhsya Kryma i Tavricheskoy gubernii voobshche // Izvestiya Tavricheskoy uchyonoy arkhivnoy komissii. 1894. № 20. S. 104–160; 1898. № 28. S. 17–24; 1902. № 32–33. S. 58–62 (in Russian).
4. Minikh B.Kh. Zapiski fel'dmarshala grafa Minikha. M.: Gos. publ. ist. b-ka, 2017 (in Russian).
5. Montes'k'e Sh.L. O dukhe zakonov. M.: Mysl', 1999 (in Russian).
6. Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochineniy: V 17 t. T. 2. M.: Voskresen'e, 1994 (in Russian).
7. Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochineniy: V 17 t. T. 13. M.: Voskresen'e, 1996 (in Russian).
8. Svod pamyatnikov istorii, arkheologii i kul'tury krymskikh tatar. T. I: g. Bakhchisaray. Simferopol': Forma, 2016 (in Russian).
9. Slyozkin Yu. Estestvoispytateli i natsii: russkie uchenye XVIII veka i problema etnicheskogo mnogoobraziya // Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii. Raboty poslednikh let. M.: Novoe izdatel'stvo, 2005. S. 120–154 (in Russian).
10. Sudak L. de, Meli F. de, Rambo A. Frantsuzskie puteshestvenniki v Krymu. XIX vek. Simferopol': N. Orianda, 2014 (in Russian).
11. Tatishchev V.N. Sobranie sochineniy. T. II–III: Istoriya rossiyskaya. Chast' vtoraya. M.: Ladomir, 1995 (in Russian).

12. Tolochko A. Kievskaya Rus' i Malorossiya v XIX v. Kiev: Laurus, 2012. 256 s. (in Russian)
13. Tunkina I.V. Russkaya nauka o klassicheskikh drevnostyakh yuga Rossii (XVIII – seredina XIX v.). SPb.: Nauka, 2002 (in Russian).
14. Formozov A.A. Pushkin i drevnosti. Nablyudeniya arkheologa. M.: Yazyki russkoy kul'tury, 2000 (in Russian).
15. Khrapunov N.I. Zapiski Zhil'bera Romma o Kryme: arkheologicheskiy kommentariy // Frantsuzskiy ezhegodnik 2014. T. 2: Frantsiya i Vostok. M.: IVI RAN, 2014. S. 63–101 (in Russian).
16. Khrapunov N.I. Kak Khersones stal tsentrom russkogo pravoslaviya // Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii. 2016. Vyp. XXI. S. 317–358 (in Russian).
17. Khrapunov N.I. Staryy Krym i ego pamyatniki glazami puteshestvennikov kontsa XVIII – nachala XIX veka // Zolotoordynskoe obozrenie. 2016. T. 4. № 4. S. 832–860 (in Russian).
18. Khrapunov N.I. Arkheologicheskie i arkhitekturnye pamyatniki Kryma na risunkakh Uil'yama Kheysti (1798 g.) // Arkheologiya Severo-Zapadnogo Kryma. Simferopol': Nasledie tsysyachetiy, 2017. S. 188–195 (in Russian).
19. [Baert Ch.-A. de] Mémoire extrait du journal d'un voyage fait, au printemps de 1784, dans la partie méridionale de la Russie // Voyages historiques et géographiques dans les pays situés entre la Mer Noire et la Mer Caspienne... Paris: Deterville, 1798. R. 1–98.
20. Campenhausen [B. von]. Bemerkungen über Rußland. Leipzig: Friedrich Christian Dürer, 1807.
21. Chaney E. The Evolution of the Grand Tour: Anglo-Italian Cultural Relations since the Renaissance. 2nd ed. London; New York: Routledge, 1998.
22. Clarke E.D. Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. 1: Russia, Tahtary, and Turkey. 4th ed. Vol. 2. London: T. Cadell and W. Davies, 1817.
23. Cross A.G. In the Lands of the Romanovs: An Annotated Bibliography of First-hand English-language Accounts of the Russian Empire (1613–1917). Cambridge, UK: Open Book Publishers, 2014.
24. Dickinson S. Russia's First «Orient»: Characterizing the Crimea in 1787 // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2002. Vol. 3. № 1. P. 3–25.
25. Eisner R. Travelers to an Antique Land: The History and Literature of Travel to Greece. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1993.
26. Guthrie M. A Tour, Performed in the Years 1795-6, Through the Taurida, Or Crimea... London: T. Cadell, Jun. and W. Davies, 1802.
27. [Ligne Ch.J. de] Lettres et pensées du maréchal prince de Ligne. 2nd éd. Paris; Genève: J. J. Paschoud, 1809.
28. Reuilly J. Voyage en Crimée et sur les bords de la Mer Noire pendant l'année 1803... Paris: Bossange, Masson et Besson, 1806.
29. The Cambridge Companion to Travel Writing. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
30. Trease G. The Grand Tour. London: Heineman, 1967.
31. Webster J. Travels through the Crimea, Turkey, and Egypt... Vol. I. London: Henry Colburn and Richard Bentley, 1830.

А.В. ТАБАРЕВ*

Вознаграждение вечностью: особенности погребальной практики в древних культурах тихоокеанского бассейна на рубеже эр

Статья посвящена различным аспектам сложной научной проблемы изучения особенностей культурогенеза в тихоокеанском бассейне по данным археологии. Особый интерес в рамках обозначенной проблемы вызывают периоды мощных культурных всплесков, узловые моменты в развитии технологий и хозяйства, время переломных событий в экономике и социальной сфере. К таким периодам относится время рубежа эр (II в. до н.э. – III–IV вв. н.э.) – «Время великих вождей и каменных гробниц». Наиболее пристальное внимание в работе уделяется двум районам – южной части Японского архипелага (о-ва Кюсю, Рюкю и Окинава) и тропической зоне тихоокеанского побережья Америки (от Западной Мексики до северной части Чили), а также отдельным частям Юго-Восточной Азии (Филиппины, Индонезия). Полученные в ходе работы результаты подтверждают сформулированную гипотезу о сходных сценариях формирования племенных элит и сопровождающих их элементов в архитектуре, искусстве и торговле предметами «престижных технологий» в древних культурах тропической и субтропической зон тихоокеанского бассейна.

Ключевые слова: Тихоокеанский бассейн, Японский архипелаг, Латинская Америка, погребальные сооружения, элиты, культурные контакты, социальные реконструкции

Введение

Тихоокеанский бассейн – особый регион с ярко выраженной спецификой экономики древних культур, ранним генезисом целого ряда технологий, масштабными миграциями и интенсивными культурными контактами, различными типами вождеств и альтернативных предгосударственных образований, уникальными направлениями портативного и монументального искусства и ар-

хитектуры (мегалитические сооружения, каменные гробницы). Одним из наиболее эффективных научных инструментов определения общерегиональных черт и локальных особенностей является сравнительный метод по двум и более культурным ареалам. В нашем исследовании такими ареалами являются южная часть Японского архипелага (о-ва Кюсю, Рюкю и Окинава), тропическая зона тихоокеанского побережья Америки

* **Табарев Андрей Владимирович** — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, руководитель проекта «Время великих вождей и каменных гробниц: древние культуры тихоокеанского бассейна на рубеже эр» (15-01-00018а).
E-mail: olmec@yandex.ru

(от Западной Мексики до северной части Чили), а также отдельные части Юго-Восточной Азии (Филиппины, Индонезия).

Интереснейшую исследовательскую перспективу представляет время рубежа эр (II в. до н.э. – III–IV вв. н.э.), которое по всему региону сопровождается появлением разнообразных видов монументальных погребальных конструкций, отражающих кардинальные изменения в социальной структуре обществ. Мы определяем его как «Время великих вождей и каменных гробниц». В данной публикации приводятся основные итоги трёхлетнего исследования, проведённого коллективом специалистов из научных учреждений Новосибирска и Москвы.

Ранние погребальные традиции на тихоокеанском побережье Южной Америки

В первую очередь мы обратились к наиболее ранним свидетельствам погребальных традиций на тихоокеанском побережье Южной Америки (Эквадор, Перу, север Чили) [1]. Они являются исключительно информативным источником для интерпретации ритуальной деятельности и социальных отношений как в культурах архаического периода (от 10 до 3,5 тыс. л.н.), так и в последующее время. Эти комплексы представлены погребениями в пределах поселений (Палома, Перниль-Альто, Перу) (рис. 1), ритуальных центров (Нанчок, Перу), некрополей (Лас-Вегас, Эквадор), в пещерных контекстах (Трес Вентанас, Перу) и в раковинных кучах (Кариссаль, Перу).

Несмотря на простоту погребальных конструкций и скромность сопровождающего инвентаря, все рассматриваемые комплексы демонстрируют бережное отношение к умершим обоих полов и всех возрастных групп, сложные манипуляции с частя-

ми тел и скелетов, включая естественную и искусственную мумификации (традиции чинчорро и киани), использование практики первичных и вторичных погребений; отражают основные направления хозяйственной деятельности (рыболовство, охота, собирательство), обменные контакты и конфликты (памятник Вилья-дель-Мар, Перу) с соседними группами. Значительная часть погребений связана с территорией поселений, стоянок и отдельных жилищ. Многие специалисты отмечают эту близость умерших и живых как особенность, присущую именно раннему архаическому периоду. Это подтверждается и тщательной подготовкой к погребению, обёртыванием тел в плетёные циновки, использованием в ряде случаев специальных контейнеров для покрытия голов. Значительное время требовалось на вторичные погребения (длительное экспонирование тел для освобождения от плоти) и тем более на изготовление мумий [2–4].

В рассматриваемых комплексах инвентарь скромный, немногочисленный и невыразительный, что, впрочем, не означает его

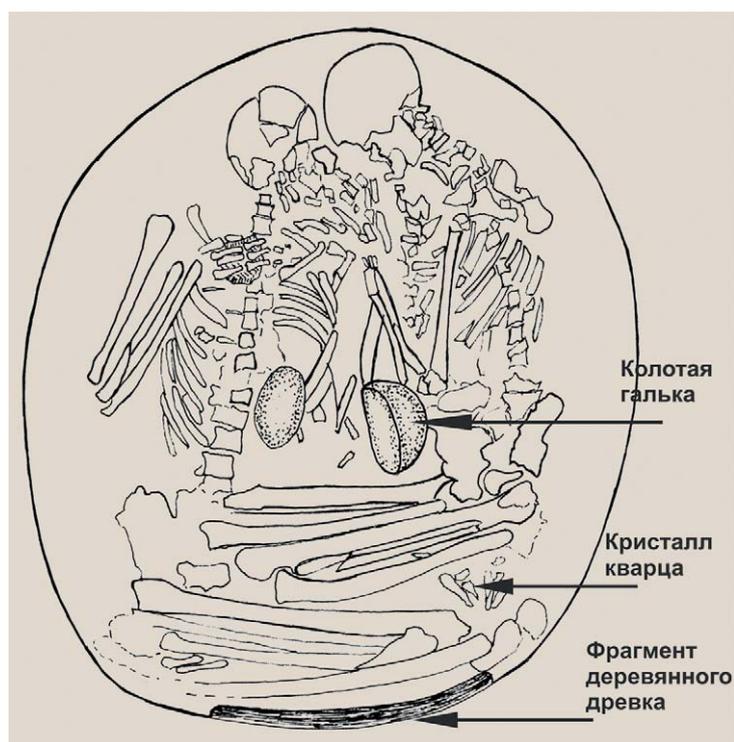

Рис. 1. Парное погребение на памятнике Палома (Перу)

примитивности. Он чётко отражает основные направления хозяйственной деятельности (собирачество, охоту, рыболовство) и повседневные технологии (обработка камня, дерева, раковин, шкур, плетение и др.). Есть ряд свидетельств о контактах с другими территориями (единичные изделия из обсидиана, перья птиц, редкие морские раковины) или о принадлежности умерших к шаманской практике (кристаллы кварца). Для социальных реконструкций в данном регионе имеют значение другие элементы погребальных комплексов. Так, выше мы уже упоминали примечательный факт локализации большинства погребений в пределах поселений и в самих жилищах. Отметим ещё три наиболее существенных, на наш взгляд, момента: маркировка погребений камнями на поверхности и использование камней (разноцветных галек) в самом погребении; наличие красящего пигмента на костях и, наконец, манипуляции с телами и частями скелетов (крупными костями, черепами).

Дискуссия о «шахтных гробницах»: Западная Мексика и Северные Анды

«Шахтные гробницы» (shaft-tombs, deep-shaft-and-chamber tombs, tumbas de tiro) — особый тип сложных погребальных конструкций в доколумбовой Америке, основными элементами которого являются вертикальная шахта глубиной от 2 до 20 м и одна или несколько боковых камер. Сложность этих конструкций проявляется не только в большой глубине, но и в целом ряде дополнительных элементов (каменные плиты, закрывающие камеру, ложные камеры, заполнение шахты каменными блоками и т.д.), которые усложняли разграбление и/или осквернение погребений, запутывали грабителей в подземных «лабиринтах». Распространение шахтных гробниц в Месоамерике ограничено территорией Западной Мексики (штаты Халиско, Найярит, Колима), а по времени — III в. до н.э. — IV в. н.э. Погребения сопровождаются ярким ком-

плексом антропоморфной и зооморфной керамической пластики, украшениями, фигурными сосудами [5–7].

Происхождение этой традиции остаётся загадкой и начиная с середины XX в. привлекает внимание археологов Старого и Нового Света, активно обсуждаются как местные, так и другие сценарии [8]. Наиболее подробно вопрос о шахтных гробницах и гипотеза об их североандском происхождении были изложены в статье М.Смита, опубликованной в 1978 г. М.Смит привёл карту распространения шахтных гробниц на территории Месоамерики, Центральной Америки и Северных Анд, а также таблицу с указанием стран и культур (памятников) с известными на тот момент абсолютными или предполагаемыми датировками. Десятью годами раньше выхода в свет статьи М.Смита подобную работу проделал американский археолог Ст.Лонг. Он опубликовал две карты распространения «шахтных гробниц»: по всей Латинской Америке и отдельно — для Северных Анд [9–10].

Насколько корректна эта гипотеза сегодня в свете данных, появившихся в последние 40 лет? Напомним, что со времени статьи М.Смита возраст шахтных погребений в Мексике был «удревнён» с 140 г. до н.э. до 300 г. до н.э. Следовательно, для того, чтобы подтвердить интродукцию этой традиции с территории Северных Анд, южноамериканские комплексы должны быть ещё старше [11–12].

Согласно таблице М.Смита, на территории Колумбии «шахтные гробницы» зафиксированы в областях Тайрона, Чоко и Нариньо (без датировок), в долине р. Каука (без датировок), в области Кимбайя (III в. до н.э. — XIV в. н.э.), а также в комплексах Сан-Агустин и Тьеррадентро (VI в. до н.э. — V в. н.э.) [9].

Комплекс Сан-Агустин, находящийся в верховьях р. Магдалена, является крупным ритуальным центром одноимённой культуры, время существования которой подразделяется на два периода: Сан-Агустин-I (XI/VIII — III/II вв. до н.э.) и Сан-

Рис. 2. Мегалитическая гробница и скульптуры, Сан-Агустин (Колумбия)

Агустин-II (II в. до н.э. – IX–XII в. н.э.). Судя по результатам исследований 1960–1980-х гг., наиболее эффективные сооружения комплекса (мегалитические каменные гробницы, монументальная скульптура, земляные насыпи) (рис. 2) относятся ко второму периоду культуры, тогда как целый ряд погребений, включая шахтные, глубиной 1,9–5,5 м с овальными или подпрямоугольными боковыми камерами, зафиксированы уже для первого периода – как минимум с VII–VI вв. до н.э. По мнению колумбийских специалистов, эти погребения принадлежат представителям «средних» слоёв общества – гончарам, металлургам, каменщикам [3].

Археологический комплекс Тьеррадентро расположен в высокогорных районах Центральной Кордильеры на территории муниципалитетов Инса и Белалькасар в департаменте Каука. Большая часть археологических памятников (склепов, шахтных погребений, скоплений антропоморфных скульптур, поселений) находится на территории Национального парка Тьеррадентро, объединившего пять па-

мятников (Сеговиа, Эль-Дуэнде, Сан-Андрес, Эль-Агуакате и Эль-Таблон). Некрополь, открытый для посещения туристов, представляет собой 78 гробниц, расположенных на четырёх склонах в бассейне реки Кебрада-де-Сан-Андрес, которая впадает в реку Паэс. С 1995 г. Национальный парк Тьеррадентро стал объектом культурного наследия ЮНЕСКО, чему предшествовала трудоёмкая работа колумбийских археологов и Института антропологии и истории по исследованию и документации гробниц.

Наиболее ценную информацию о первичных и вторичных погребениях региона дали раскопки колумбийских археологов А. Чавеса и М. Пуэрта в конце 1970-х гг. Их изыскания на памятниках Сеговиа, Сан-Франсиско и Санта-Роса позволили получить наиболее достоверные радиоуглеродные датировки и отнести время бытования склепов Тьеррадентро к периоду 600–900 гг. н.э.

Среди гробниц исследователи выделяют четыре типа: без росписей и барельефов, с росписями без барельефов (наи-

большее число представлено в Эль-Агуакате), без росписей с барельефами, с росписями и барельефами.

Одной из самых примечательных особенностей данных погребальных конструкций является лестничный проход, оформленный зигзагом или спиралью. Максимальное количество ступеней – 16, при этом некоторые лестницы заканчивались небольшими нишами, предваряющими вход в сам склеп. Датировка гробниц и шахтных могил Тьеррадентро затруднена в силу плохой сохранности органики большинства гробниц и действий уакерос (грабителей гробниц). По нагару на керамике были датированы погребения на па-

мятнике Санта-Роса – 630 ± 80 г. н.э., а также один из склепов в Эль-Агуакате – 850 ± 220 г. н.э. [13].

Таким образом, современное состояние изученности погребальных традиций в древних культурах на территории доиспанской Колумбии не позволяет сделать однозначный вывод об их причастности к феномену шахтных погребений в Западной Мексике. С одной стороны, основные конструктивные особенности демонстрируют явное сходство. С другой – шахтных погребений, подтвержденных радиоуглеродными датировками древнее рубежа эр, а тем более – древнее III в. до н.э., в Колумбии крайне мало [14].

В Эквадоре археологические свидетельства шахтных погребений встречаются в двух частях страны: в прибрежной (территории провинций Санта-Элена, Манаби и Гуаяс), а также в континентальной (провинции Пичинча, Имбабура и Карчи). Для прибрежной части наиболее ранняя информация относится к культурам Гуангала (II в. до н.э. – VII в. н.э.) и Баия (III в. до н.э. – VI в. н.э.). Отдельных публикаций, прорисовок и радиоуглеродных датировок по этим комплексам нет. Скорее всего, они относятся к I–II вв. н.э. Гораздо больше информации имеется о шахтных погребениях последующего периода, который соотносится с культурой Мантенья (650–1532 гг.). Из опубликованных материалов можно упомянуть, например, памятник Лома-де-лос-Кангрехитос, где прослежены несколько вариантов погребальных конструкций, включая и шахтные (XI–XIII вв. – по радиоуглероду). У последних вертикальная шахта была диаметром 0,8–1,2 м при глубине до 6,5 м. Боковая камера имела, как правило, круглые очертания диаметром до 2,5 м и высотой 1,5–1,8 м (рис. 3).

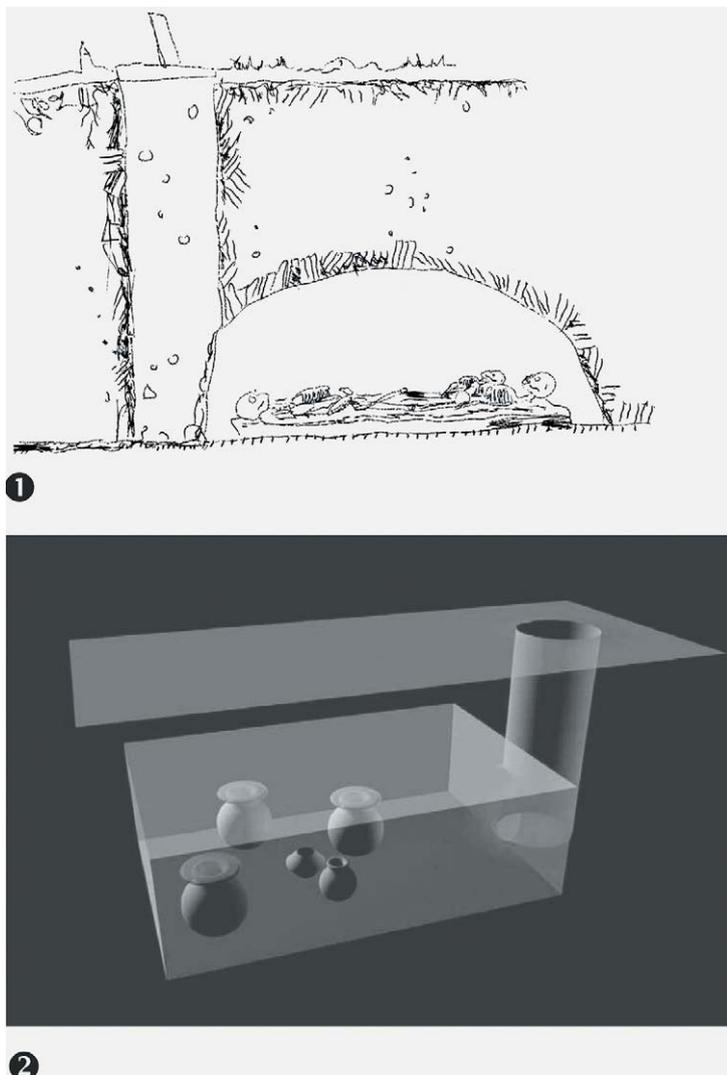

Рис. 3. Погребальная конструкция на памятнике Лома-де-лос-Кангрехитос (Эквадор).
1 — прорисовка, 2 — 3D-реконструкция

Наиболее ранние сведения о погребениях шахтного типа в континентальной части Эквадора содержатся в публикациях М. Уле, который в 1933 г. заложил несколько шурфов на монументальных земляных насыпях комплекса Кочаски [15]. В 1964 г. группа немецких археологов раскопала две шахтные гробницы недалеко от селения Мальчингуи. В публикации по этим раскопкам авторы приводят общее описание, рисунки и разрезы. Гробница 1 была глубиной не более 2 м, с шахтой диаметром около 0,8 м. Гробница 2 имела вход такого же диаметра, но более внушительную глубину — свыше 5,4 м. Для второй гробницы определена радиоуглеродная дата — 150 ± 70 . Что же касается первой, то, по мнению авторов, её погребальный инвентарь находит прямые аналогии в погребении, обнаруженном ранее недалеко от г. Отавало и имеющем достаточно древнюю радиоуглеродную дату — 2770 ± 135 , т.е. XI–VII вв. до н.э.

Дискуссия о «шахтных гробницах»: перуанские загадки

Для территории Перу М. Смит приводил четыре комплекса, в которых, по его мнению, располагаются шахтные погребения: Викас (без датировок), Рекуай (I в. до н.э. – VIII в. н.э.), Пакатнамú (I–VIII вв. н.э.) и Паракас (без датировок).

Культура Викас, как и большинство древних перуанских культур, выделена сначала по оригинальной керамике в северной части перуанского побережья на границе с Эквадором (департамент Пьюра). На сегодняшний день она датируется периодом II в. до н.э. – VI в. н.э. Для культуры Викас чаще используется термин «гробницы

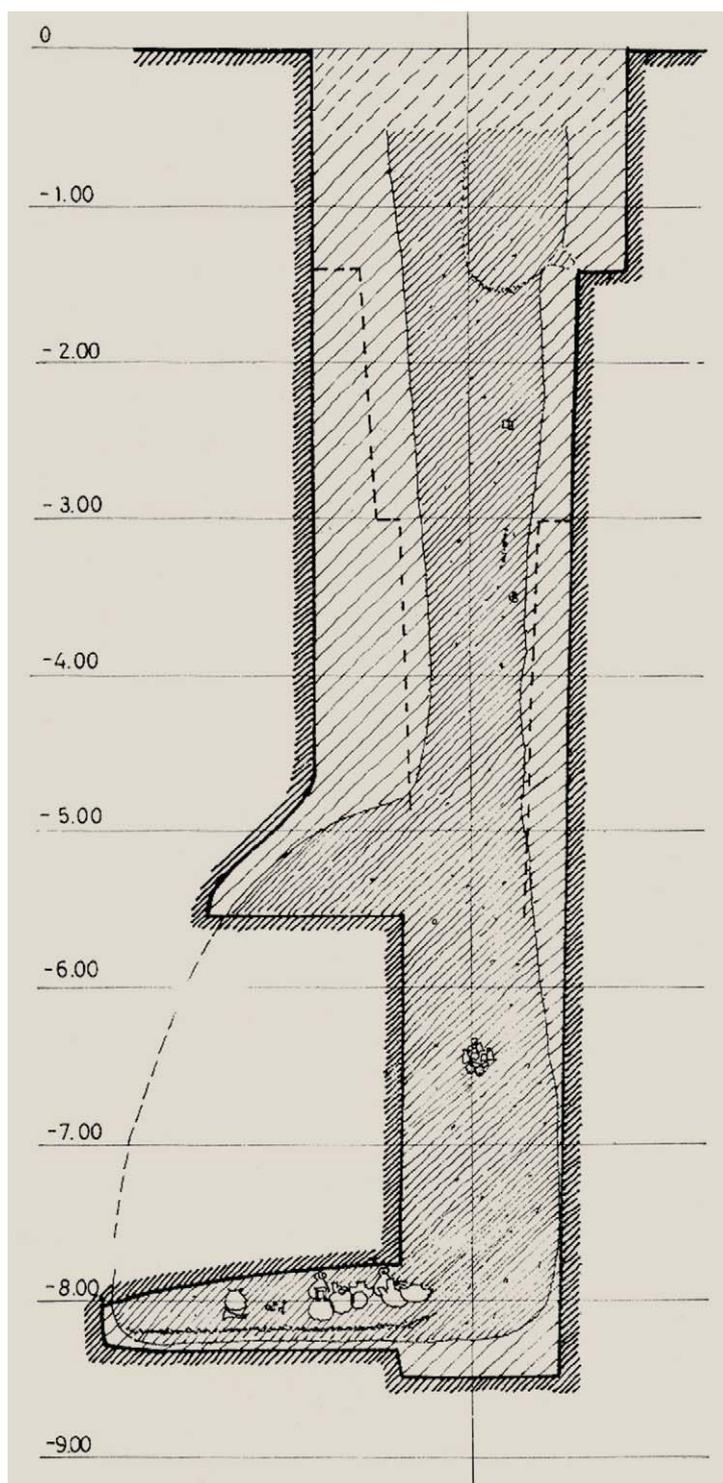

Рис. 4. Конструкция «шахтной гробницы», культура Викас (Перу)

в форме сапога» (исп. — *Las tumbas bota*). Они имеют узкий вертикальный ход диаметром 0,7–1 м и глубину от 7 до 15 и более метров с одной или 2–3 боковыми камерами на разных уровнях (рис. 4). Примечательно, что скелетов в погребениях

практически не встречено. Скорее всего, носители культуры Викус практиковали предварительную кремацию и помещение внутрь гробницы лишь праха умершего.

Памятники культуры Рекуай зафиксированы в долинах нескольких рек на территории департамента Анкаш и датируются в достаточно широком диапазоне от IV в. до н.э. до IX в. н.э. Основными типами погребальных сооружений являются гробницы из каменных плит и подземные галереи (длиной до 20 м), у которых стены и вертикальный вход (до 2,5 м) также выложены каменными блоками. Археологи, занимающиеся изучением культуры Рекуай, отмечают широкий круг её контактов и сходств в керамике, архитектуре и каменной скульптуре с культурами на территории Перу (Чавин, Моче, Уари) и Колумбии (Сан-Агустин).

Пакатнам — название нескольких комплексов, компактно локализованных в долине р. Хекетепеке и состоящих из пирамидальных построек, ритуальных площадок и некрополей. Присутствие двух типов керамики (культур Моче и Чиму) послужило основанием для выделения двух периодов в истории комплекса и его общей датировки в рамках V–XIV вв. н.э. При раскопках комплекса были встречены гробницы с вертикальным входом и погребениями в боковых камерах на разных уровнях (1,5, 2, 4 м).

И, наконец, самая удалённая культура — Паракас. Её многочисленные памятники (в основном некрополи) изучаются археологами, начиная с 1920-х гг. Основной ареал распространения — полуостров Паракас в центральной части перуанского побережья. В истории культуры выделяют два периода — «Паракас кавернас» (VIII–V вв. до н.э.) и «Паракас некрополис» (V в. до н.э. — II в. н.э.). Для первого периода характерны гробницы с коллективными мумифицированными погребениями. Их иногда называют шахтными, но чаще встречается термин «бутылочные» (bottle-shaped) — как пра-

вило, от поверхности в погребальную камеру округлой формы вёл вертикальный ход.

Таким образом, общий анализ особенностей комплексов, которые в публикациях фигурируют как «шахтные погребения», показывает, что в данную категорию попадают самые разные по конструкции и назначению сооружения. Очевидно, что принцип «вертикальный ход + боковая камера» встречается не только в доколумбовой Америке, его можно легко обнаружить в древних и средневековых культурах по всей ойкумене с самыми разными названиями. Разница — в деталях, в над- и подземных элементах конструкции, глубине, размерах, оформлении, а также в функциях погребального комплекса. В одних случаях это разовое погребение, в других — разновременное; в одних культурах мы видим акцент на оформление погребальной камеры (камер), в других — на надземную часть гробницы; в одних случаях за погребальную камеру принимают боковое углубление, в других — многометровую галерею; в одних культурах вертикальная шахта титаническими усилиями многих людей пробивалась через каменные породы на 15 и более метров, а в других служила формальным входом в неглубокую (1,5–2 м) грунтовую могилу. Часть погребений сопровождается исключительно богатым инвентарём (керамика, текстиль, украшения), часть — содержит только скромный инвентарь, часть — вообще единичный. Скорее всего, это отражение социального положения умерших, ибо элитные погребения отличаются не только особым инвентарём, но и большей сложностью самой конструкции.

Со времени публикаций С. Лонга и М. Смита корпус радиоуглеродных дат по шахтным погребениям существенно пополнился. Если для Западной Мексики время появления сложных по своей конструкции шахтных погребений определяется, как минимум, III–II вв. до н.э., то для территорий Колумбии и Эквадора боль-

шинство комплексов — не древнее начала нашей эры.

В Перу ситуация сложнее, культуры датируются широкими рамками (до тысячи лет и более), но если обратиться к датировкам из погребений шахтного типа, то они тоже крайне редко выходят за пределы II в. до н.э. Если ориентироваться только на даты, то вообще возникает соблазн не мексиканские комплексы выводить от южноамериканских, а наоборот. В значительной степени это эффект того, что многие культуры и комплексы по-прежнему изучены недостаточно, на уровне «2–3 гробницы, 1–2 радиоуглеродных даты». Это касается в первую очередь эквадорских и колумбийских культур. Подавляющая часть южноамериканских культур и комплексов с шахтными гробницами расположена на значительном удалении от морских побережий, а те, что изучены в прибрежных частях, датируются не древнее первых веков нашей эры. Исключение составляет, пожалуй, лишь Паракас, но, как мы отметили выше, конструкция погребальных сооружений и их использование иные, чем в Западной Мексике.

Сторонники интродукции традиции строительства шахтных погребений из Южной Америки в Западную Мексику помимо сходства в конструкции часто упоминают и явные, по их мнению, аналогии в антропоморфной и зооморфной пластике, сопровождающей гробницы. Например, керамические изделия культур Илама, Йотоко и Ранняя Кимбайя (Колумбия) и стиль Колима (штат Колима, Мексика). Безусловно, внешние сходства есть, но они, в лучшем случае, могут быть лишь дополнительным аргументом в пользу торгово-обменных контактов, сам факт которых признаётся большинством археологов.

Мегалитические комплексы Японского архипелага

В пределах Японского архипелага основное внимание было уделено архео-

логическим материалам периодов яёй (южная часть архипелага) и кофун (южная и центральная часть архипелага). Так, на территории Кюсю во время перехода к раннему периоду яёй наблюдается процесс наследования традиций корейского погребального обряда — использование каменных и деревянных гробов. В конце раннего — начале среднего периодов в западной части преф. Фукуока происходит быстрый переход от погребений взрослых в деревянных гробах к захоронениям в урнах. Погребения данного типа являются региональной особенностью вплоть до конца среднего — первой половины позднего периода. У ряда могил не обнаружено никакой погребальной конструкции, на других сверху сооружались каменные дольмены и земляные насыпи. Дольмены представлены большим камнем, опирающимся на два или более меньших, в форме греческой буквы П. Отметим, что такой тип характерен для Корейского полуострова, особенно для севера, где П-образные конструкции иногда достигают высоты 2–3 м.

С приходом эпохи яёй начинают сооружаться земляные насыпи прямоугольной и округлой формы. Главным образом они сооружались над погребениями в деревянных гробах и погребальных урнах. Холмы были небольшими по размерам: около 1 метра высотой, и примерно 10 м в диаметре.

К среднему и позднему периодам относятся эффектные погребения в урнах и деревянных гробах, которые можно соотнести с захоронениями представителей племенной элиты. Примером может служить могильник Сугу-Окамото, расположенный в г. Фукуока (рис. 5). Его протяжённость с севера на юг составляет 2 км, а с запада на восток — 1 км. Памятник состоит из могил с насыпями, могил с погребальными урнами, а также участков со следами бронзолитейного производства. Внутри могильника особо выделяется участок Б — могила с погребальной урной и мегалитической конструкцией поверх моги-

Рис. 5. Мегалитические конструкции на памятнике Сугу-Окамото (Япония)

лы. В ходе раскопок 1979–1980 гг. на могильнике найдены 116 погребальных урн, датированных средним – началом позднего периодов.

В целом были найдены 300 погребений, в некоторых случаях – со следами votивных комплексов. Погребальный инвентарь представлен бронзовым оружием: мечами, наконечниками стрел и алебардой. Обнаружено более 30 бронзовых зеркал, произведённых в Китае в конце Ранней Хань. Среди них преобладает тип с узорами, напоминающими буквы Т, V, Ь, и четырьмя небожителями. Обнаружено также ожерелье из стеклянных бус, состоящее из «магатама» (каплевидных подвесок) и «кудатама» (бус цилиндрической формы). Наличие столь богатого инвентаря позволяет предполагать, что погребённая в урне женщина была представительницей элиты, возможно, даже выполняла функции вождя.

Некрополь Хирабару состоит из пяти курганов, датированных второй половиной позднего яёй. Первые находки (курган № 1) были сделаны в 1965 г., а в ходе расчистки в 1988–1999 гг. отрыты остальные насыпи. Курган № 1 пред-

ставляет собой насыпь прямоугольной формы 12×14 м, окружённую канавкой, в центре которой располагалось прямоугольное углубление с деревянным гробом, выдолбленным из цельного ствола. Вокруг него найдены следы от 12 столбов, десять из которых формируют прямоугольную конструкцию. В погребальной камере находилось большое количество инвентаря, прежде всего фрагментов зеркал, из которых реконструировано 40. Это самое большое количество зеркал, известное по погребениям периода яёй. Все зеркала китайского типа, причём пять из них имеют 46,5 см в диаметре и вес до 8 кг – это самые крупные зеркала, известные не только в Японии, но и в Китае. Судя по особенностям инвентаря, захоронение также принадлежало женщине. Наличие в погребальном инвентаре яёйских погребений китайских и японских зеркал, бронзового и железного оружия, украшений из стекла и драгоценных камней говорит об особом социальном статусе умерших [16].

Отличительной особенностью элитных погребений острова Кюсю является наличие уникальных изделий (браслетов, пла-

стин, бус, подвесок, колец), изготовленных из крупных раковин моллюсков семейства Стромбида (*Tricornis latissimus*) и Конида (*Conidae*). Подобного рода предметы престижной экономики были важной составляющей торговли между населением двух соседних культур — культурой «раковинных куч» архипелага Рюкю (10 тыс. л.н. – XI в. н.э.) и культурой яёй. Данный феномен получил название «Путь раковин». Торговый путь распространения раковин уходит как на север, связывая Рюкю с культурами островов Кюсю и Хонсю, так и на юг к островам Тайваню и Филиппинам. «Путь раковин» начинался с Окинавы (раковинная куча Укэн), далее он проходил на север вдоль островов Амами (памятники Саути, Мацуното), достигая южной оконечности Кюсю (островов Танэгасима, памятник Хирота) (рис. 6), вдоль его западного побережья (памятники Отомо, Ёсиногари) к северной части Кюсю (памятники Татэива, Мороока). Помимо западно-

го маршрута, существовало направление «Ариакэ», по которому раковины с архипелага Рюкю доставлялись в центральную (памятник Тоси-но-Ками) и восточную часть о-ва Кюсю (памятник Фукиагэ). Форма вертикальных браслетов из раковины Стромбиды легла в основу для более поздних браслетов из бронзы, получивших широкое распространение на рубеже культур яёй и кофун (III–VII в. н.э.) [17].

Кофун: японские «пирамиды»

Период кофун Японии (III–VII вв. н.э.) получил своё название от курганов-«кофунов», создававшихся в качестве погребений представителей племенной элиты. Среди основных типов курганов, отличающихся по внешнему строению, крупные квадратно-круглые курганы считаются погребениями императоров. Для высших сановников, местных вождей, представителей кланов также создавались курганы, но других форм и размеров. Отличаются также внутреннее строение курганов

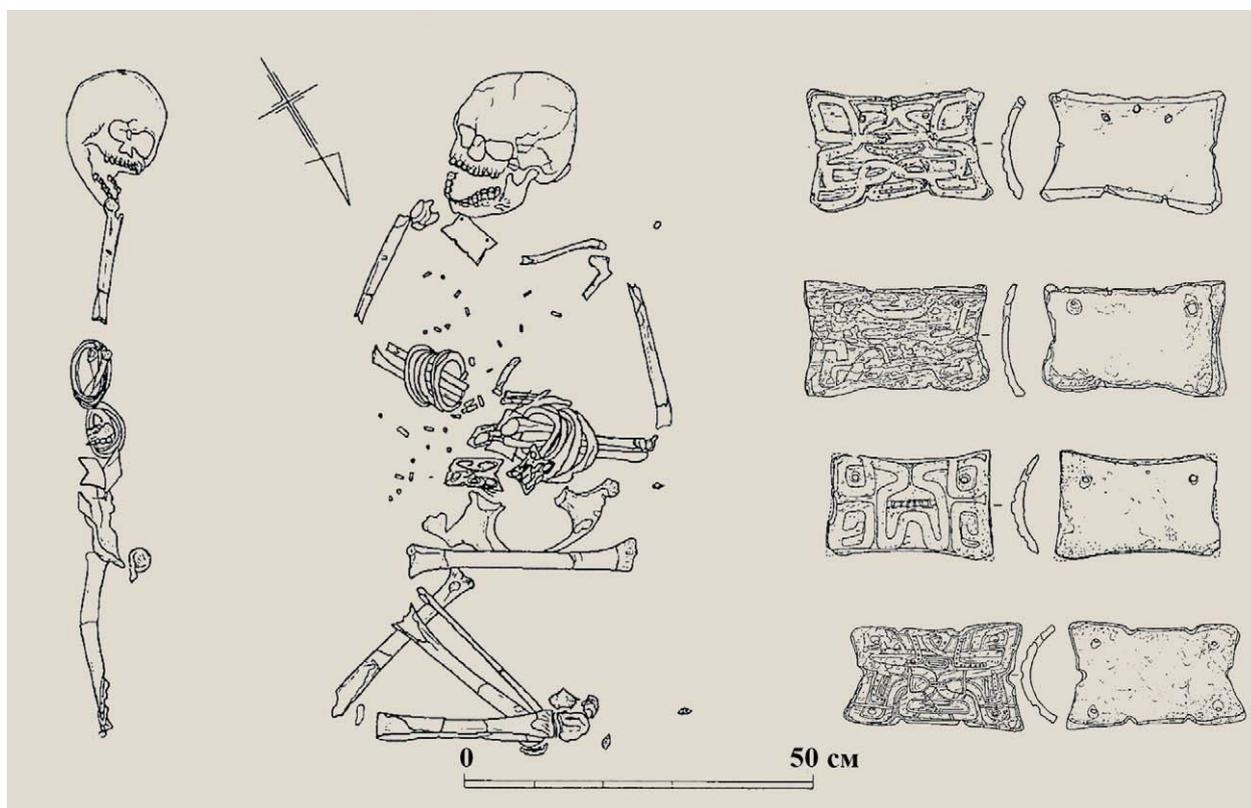

Рис. 6. Элитное погребение с украшениями из раковин, могильник Хирота, остров Танэгасима (Япония)

и используемые для погребения колоды или саркофаги. Истоки традиции создания каменных погребальных камер кофун находят в погребениях позднего периода эпохи яёй.

На разных этапах периода кофун наблюдается трансформация устройства погребальных камер. В начальный период создавались вертикальные погребальные камеры с глиняным основанием, на котором устанавливали деревянную колоду. Для стен использовались каменные плиты, которые плотно подгонялись друг к другу. Сверху камера также закрывалась плитой. Для герметичности отверстия засыпались грунтом либо запечатывались глиняной массой. В целях предотвращения попадания воды на колоду внутри камеры создавались водоотводные каналы.

На следующем этапе для погребения в вертикальных камерах начали использовать каменные саркофаги. Создание горизонтальных каменных камер связывают с заимствованием данной традиции с Корейского полуострова в конце IV – начале V в. Горизонтальная погребальная камера сооружалась в круглой части квадратно-круглого кургана. В поздний период эпохи кофун, когда квадратно-круглые кофуны перестали возводить, такие камеры создавались в круглых и квадратных курганах. Для погребения в горизонтальных камерах использовались каменные саркофаги. При создании горизонтальных камер на поздних этапах применялись мегалиты. Прекращение практики строительства кофун стало следствием принятия буддизма и применения практики кремации [18–19].

Филиппины и далее... Вместо заключения

В ходе реализации проекта мы обращались и к другим территориям в преде-

Рис. 7. Уникальный сосуд «Манунгул», комплекс Табон (Филиппины): 1 — фотография, 2 — прорисовка композиции на крышке

лах тихоокеанского бассейна, в частности к Филиппинскому архипелагу. Несмотря на свою яркость, уникальность и высокую информативность, этот район долгое время оставался вне поля интересов отечественных археологов. Специальный акцент нами был сделан на изучении традиции погребений в сосудах. Наиболее ранние её проявления на Филиппинах относятся к началу – середине I тыс. до н.э. Зафиксированы как отдельные погребения, группы из нескольких сосудов и даже целые некрополи («погребальные поля»), где сосуды с останками взрослых и детей расположены рядами и кольцами.

Особое место в общем массиве занимают сосуды антропоморфных форм, подчеркивающие ритуальный характер изделий. Среди погребальных урн присутствуют экземпляры крупных разме-

ров (с высотой до 1 м и более), с исключительной раскраской и декором. Наиболее яркий пример в этом ряду – уникальный сосуд «Манунгул», найденный в одной из пещер комплекса Табон (остров Палаван) ещё в 1960-х гг. и хранящийся ныне в Национальном музее Филиппин (рис. 7). Его высота 66 см, ширина – 51 см, крышка сосуда увенчана скульптурной композицией, изображающей двух умерших, которые на ритуальной лодке перемещаются в мир мёртвых [20].

Таким образом, все полученные данные подтверждают сформулированную

нами гипотезу о сходных сценариях формирования племенных элит в древних культурах тропической и субтропической зон тихоокеанского бассейна на рубеже эр. Они проявляются в элементах архитектуры, в искусстве и торговле предметами «престижных технологий», а также в создании сложных погребальных ритуалов и сооружений (монументальных гробниц с замысловатой внутренней конструкцией), предназначенных вечно напоминать потомкам о наиболее ярких и харизматичных лидерах прошлого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Табарев А.В., Гаврилина Т.А. Истоки погребальных традиций древних культур Тихоокеанского побережья Южной Америки // Теория и практика археологических исследований. 2017. № 1. С.167–180.
2. Adán U.A. Rasgos funerarios Chinchorro en la costa del extremo sur peruano // Chungara, Revista de Antropología Chilena. 2013. Vol. 45. № 2. P. 209–235.
3. Handbook of South American Archaeology. New York: Springer, 2008.
4. Quilter J. Life and Death at Paloma. Society and Mortuary Practices in a Preceramic Peruvian Village. Iowa City: University of Iowa Press, 1989.
5. Леванова Е.С., Табарев А.В. Лабиринты для усопших: погребальные конструкции в доиспанских культурах Колумбии // Латинская Америка. 2016. № 7. С. 75–85.
6. Острирова Е.С., Табарев А.В. Молчание опустевших гробниц: Древние культуры Западной Мексики. История открытия и исследований // Латинская Америка. 2015. № 6. С. 80–92.
7. Табарев А.В., Острирова Е.С. Феномен «шахтных гробниц» в древних культурах тихоокеанского побережья Месоамерики и Южной Америки: гипотеза и факты // Д.Л. Бродянский – 80. Тихоокеанская археология. 2016. Вып. 38. С. 119–151.
8. Anawalt P.R. Ancient Cultural Contacts between Ecuador, West Mexico, and the American Southwest: Clothing Similarities // Latin American Antiquity. 1992. Vol. 3. № 2. P. 114–129.
9. Smith M.E. A Model for the Diffusion of the Shaft Tomb Complex from South America to West Mexico // Journal of the Steward Anthropological Society. 1977–1978. Vol. 9. № 1–2. P. 179–204.
10. Long S.D. Formas y distribucion de las tumbas de pozo con camara lateral // Separata de la Revista Razon y Fabula. 1967. № 1. P. 1–12.
11. Long S., Taylor R.E. Chronology of West Mexican Shaft-tomb // Nature. 1966. Vol. 212. № 5062. P. 651–652.
12. Beekman C.S. The Chronological Context of the Central Jalisco Shaft-tombs // Ancient Mesoamerica. 2006. Vol. 17. P. 239–249.
13. Casas S.E. Shaft-and-Chambers Toms in the Necropolis of Tierradentro, Colombia // IJSA. 2010. Vol. 6. P. 36–44.
14. Табарев А.В. Шаманы и касики Страны Дождя (культура Тумако-Толита, тихоокеанское побережье Южной Америки) // Российский археологический ежегодник. 2015–16. № 5. С. 171–199.

15. Uhle M. Las ruinas de Cochasqui // Boletín de la Academia Nacional de Historia, 18. № 54. P. 5–14, Quito.
16. Табаров А.В., Иванова Д.А. Повелительницы зеркал: особенности погребального инвентаря культуры яёй, Японский архипелаг // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. № 2. С. 15–18.
17. Иванова Д.А. «Путь раковин»: распространение предметов престижных технологий между архипелагом Рюкю и островами Кюсю и Хонсю // Международная научная конференция «XX Сергеевские чтения»: Сборник тезисов. М.: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2017. С. 15–16.
18. Гнездилова И.С. «Кофун дзидай» – «эпоха курганов» Японии: история изучения методами археологии // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. № 2. С. 60–63.
19. Гнездилова И.С. Устройство погребальных камер курганов эпохи кофун на территории центральной части района Кансай, Япония // Теория и практика археологических исследований. 2016. № 2. С. 79–93.
20. Табаров А.В., Иванова Д.А., Патрушева А.Е. Древние культуры Филиппинского архипелага: ключевые сюжеты и проблематика исследований // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. № 2. С. 54–57.

ENGLISH

Awarded with Eternity: Specifics of the Burial Practices in the Ancient Cultures of the Pacific Region at the Turn of the Eras

Andrey Vladimirovich Tabarev – Dr. of History, chief researcher of the Institute of Archeology and Ethnography of the SB RAS, head of the project “The time of great leaders and stone tombs: ancient cultures of the Pacific Region at the turn of the eras” (15-01-00018a).

E-mail: olmec@yandex.ru

The paper deals with various aspects of the complex academic issue of studying the culture genesis in the Pacific Region based on the archeological data. Periods of strong cultural surges, milestones in the development of technologies and economy, crucial events in economy and social domain are of acute interest within the scope of the outlined problem. Such periods include the era turn (the 2nd century BC – 3–4th centuries AD), i. e. “The time of great leaders and stone tombs”. The research focuses on two regions – the southern part of the Japanese Archipelago (Kyushu, Ryukyu and Okinawa islands) and the tropical zone of the Pacific coast of America (from Western Mexico to the northern Chile) – and to individual parts of the South-Eastern Asia (the Philippines, Indonesia). The findings obtained in the course of the research confirm the hypothesis about similar formation scenarios of the tribal elite and accompanying components of architecture, arts and commerce in objects of “prestigious technologies” in the ancient cultures of the tropical and subtropical zones of the Pacific Region.

Keywords: pacific Region, Japanese Archipelago, Latin America, burial structures, elites, cultural ties, social reconstruction

REFERENCES

1. Tabarev A.V., Gavrilina T.A. Istoki pogrebal'nykh traditsiy drevnikh kul'tur Tikhookeanskogo poberezh'ya Yuzhnoy Ameriki // Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy. 2017. № 1. S. 167–180 (in Russian).
2. Adán U.A. Rasgos funerarios Chinchorro en la costa del extremo sur peruano // Chungara, Revista de Antropología Chilena. 2013. Vol. 45. № 2. P. 209–235.
3. Handbook of South American Archaeology. New York: Springer, 2008.
4. Quilter J. Life and Death at Paloma. Society and Mortuary Practices in a Preceramic Peruvian Village. Iowa City: University of Iowa Press, 1989.
5. Levanova E.S., Tabarev A.V. Labirinty dlya usopshikh: pogrebal'nye konstruksii v doispanskikh kul'turakh Kolumbii // Latinskaya Amerika. 2016. № 7. S. 75–85 (in Russian).
6. Ostrirova E.S., Tabarev A.V. Molchanie opustevshikh grobnits: Drevnie kul'tury Zapadnoy Meksiki. Istoriya otkrytiya i issledovaniy // Latinskaya Amerika. 2015. № 6. S. 80–92 (in Russian).
7. Tabarev A.V., Ostrirova E.S. Fenomen «shakhtnykh grobnits» v drevnikh kul'turakh tikhookeanskogo poberezh'ya Mesoameriki i Yuzhnoy Ameriki: gipoteza i fakty // D.L. Brodyanskomu – 80. Tikhookeanskaya arkheologiya. 2016. Vyp. 38. S. 119–151 (in Russian).
8. Anawalt P.R. Ancient Cultural Contacts between Ecuador, West Mexico, and the American Southwest: Clothing Similarities // Latin American Antiquity. 1992. Vol. 3. № 2. P. 114–129.
9. Smith M.E. A Model for the Diffusion of the Shaft Tomb Complex from South America to West Mexico // Journal of the Steward Anthropological Society. 1977–1978. Vol. 9. № 1–2. P. 179–204.
10. Long S.D. Formas y distribucion de las tumbas de pozo con camara lateral // Separata de la Revista Razon y Fabula. 1967. № 1. P. 1–12.
11. Long S., Taylor R.E. Chronology of West Mexican Shaft-tomb // Nature. 1966. Vol. 212. № 5062. P. 651–652.
12. Beekman C.S. The Chronological Context of the Central Jalisco Shaft-tombs // Ancient Mesoamerica. 2006. Vol. 17. P. 239–249.
13. Casas S.E. Shaft-and-Chambers Toms in the Necropolis of Tierradentro, Colombia // IJSA. 2010. Vol. 6. P. 36–44.
14. Tabarev A.V. Shamanyikasiki Strany Dozhdey (kul'tura Tumako-Tolita, tikhookeanskoe poberezh'e Yuzhnoy Ameriki) // Rossiyskiy arkheologicheskii ezhegodnik. 2015–16. № 5. S. 171–199 (in Russian).
15. Uhle M. Las ruinas de Cochasqui // Boletín de la Academia Nacional de Historia, 18. № 54. P. 5–14, Quito.
16. Tabarev A.V., Ivanova D.A. Povelitel'nitsy zerkal: osobennosti pogrebal'nogo inventarya kul'tury yayoy, Yaponskiy arhipelag // Gumanitarnye nauki v Sibiri. 2016. № 2. S. 15–18 (in Russian).
17. Ivanova D.A. «Put' rakovin»: rasprostranenie predmetov prestizhnykh tekhnologiy mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «XX Sergeevskie chteniya»: Sbornik tezisov. M.: Moskovskiy gosudarstvennyy universitet im. M.V. Lomonosova, 2017 S. 15–16 (in Russian).
18. Gnezdilova I.S. «Kofundziday» – «epokha kurganov» Yaponii: istoriya izucheniya metodami arkheologii // Gumanitarnye nauki v Sibiri. 2015. № 2. S. 60–63 (in Russian).
19. Gnezdilova I.S. Ustroystvo pogrebal'nykh kamer kurganov epokhi kofun na territorii tsentral'noy chasti rayona Kansay, Yaponiya // Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy. 2016. № 2. S. 79–93 (in Russian).
20. Tabarev A.V., Ivanova D.A., Patrusheva A.E. Drevnie kul'tury Filippinskogo arhipelaga: klyuchevye syuzhety i problematika issledovaniy // Gumanitarnye nauki v Sibiri. 2017. № 2. S. 54–57 (in Russian).

ЭКОНОМИКА

УДК 336.748.14

ГРНТИ 06.52.35

DOI: 10.22204/2587-8956-2018-091-02-48-62

**Р.С. ГРИНБЕРГ,
Л.Е. ГРИНИН,
А.В. КОРОТАЕВ***

Циклическая экономическая динамика и дефляционные явления: анализ и прогнозы

Современные дефляционные явления в западной и мировой экономике объясняются тем, что в настоящее время она находится на понижательной фазе пятого длинного кондратьевского цикла. Дефляция всегда была характерна для депрессивных периодов в экономике, а в настоящее время также проявляется в связи с тем, что мировая экономика стала глобальной, но механизмов её регулирования нет. Авторы предполагают, что во второй половине 2018–2019 г. в западной экономике наступит новый экономический кризис, а депрессивная и дефляционная полоса продлится ещё ряд лет.

Ключевые слова: дефляция, длинные циклы, понижательная фаза длинного цикла, повышательная фаза длинного цикла, депрессия

* **Гринберг Руслан Семёнович** — член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, научный руководитель Института экономики РАН, руководитель проекта «Динамика смены технологических укладов и перспективы грядущих экономических трансформаций» (17-02-00521а).
E-mail: grinberg@inecon.ru

Гринин Леонид Ефимович — доктор философских наук, главный научный сотрудник Лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», заместитель директора Евроазиатского Центра мегаистории и системного прогнозирования, исполнитель того же проекта.
E-mail: lgrinin@mail.ru

Коротаев Андрей Витальевич — доктор философии (Ph.D.), доктор исторических наук, заведующий Лабораторией мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», исполнитель того же проекта.
E-mail: akorotayev@gmail.com

Для мира, уже который год переживающего кризис, наступил «момент истины» – упоение свободной экономикой прошло, уступив место разочарованию и усталости от радикального, безудержного либерализма. На смену идёт система, ещё не получившая своего «изма». Очевидно, однако, что без мощной и систематической государственной активности экономике уже не обойтись. У новой модели будут, естественно, свои проблемы, но в любом случае для нас это движение вперёд и, что очень важно, движение в общем мировом тренде.

Другое дело, что любая смена моделей – это прежде всего смена идей, а значит, и людей, которые выступают их носителями. Поэтому данный процесс по определению не может быть безболезненным. И второй принципиальный момент: новая модель возникает как конструктивный результат общемирового кризиса, но для каждой страны этот кризис – свой, индивидуальный [подробнее см.: 1–3].

Длинные волны как инструмент понимания макроэкономических процессов

В свете этого особое значение приобретает теория длинных волн, которая служит важнейшим инструментом как для адекватного понимания текущих мир-системных процессов, так и для их прогнозирования. Основоположником теории длинных циклов (или волн) является выдающийся российский социолог и экономист Н.Д.Кондратьев [4–8]. Соответственно, эти волны были названы кондратьевскими. Учёный в 1920-е гг. обратил внимание на то, что в долгосрочной динамике некоторых экономических индикаторов (начиная по крайней мере с конца XVIII в.) наблюдается определённая циклическая регулярность. Она заключается в том, что на смену фазам ускоренного роста соответствующих показателей приходят фазы их относительного спада или более медленного роста.

Длительность одной волны составляет в среднем от 40 до 60 лет. Таким образом, циклы (волны) Кондратьева имеют достаточно строгую периодичность в течение как минимум двух веков подряд.

Далее мы обозначаем их как К-волны. Каждая К-волна состоит из двух фаз примерно одинаковой длительности, т.е. каждая фаза длится 20–30 лет. Одна из фаз – повышательная, или восходящая (А-фаза), – характерна тем, что всему её периоду в целом (но с флуктуациями) свойствен ускоренный рост определённых важных показателей, например цен, ВВП и т.п. Другая фаза – понижательная, или нисходящая (в дальнейшем часто В-фаза), – характерна противоположной тенденцией. Всему её периоду в целом (но с флуктуациями) свойственно падение (замедление) соответствующих показателей, например, происходит снижение цен, падение темпов роста ВВП и т.п. (подробнее об этой теории см., например: [9–13]).

Очень важно отметить принципиальное различие в функционировании национальных и мировой экономик, которое не всегда учитывается. Дело в том, что в современной мировой экономике на глобальном уровне нет эффективно и отработанного механизма с использованием монетарных и немонетарных мер, подобного регулированию на национальном уровне. Поэтому на наднациональном уровне во многом действуют неискаженные экономические законы, проявляющие себя, как и в прежние времена, в виде сменяющих друг друга коротких или длинных циклов конъюнктуры в национальной рыночной экономике. Это выражалось и выражается в бумах и спадах среднесрочных жюгляровских циклов (см., например: [14–19, 10, 20–23]), а также в виде восходящих и нисходящих фаз длинных кондратьевских циклов.

Отметим, что сам Н.Д.Кондратьев первым попытался разработать теорию таких колебаний конъюнктуры [4–8], но данный феномен был замечен и описан намного раньше. У современной мировой эконо-

мики есть и другие признаки, которые позволяют переносить на неё некоторые феномены, уже почти ушедшие в прошлое в связи с государственным регулированием. О некоторых мы писали в своих работах (см., например: [10, 19, 20, 21]).

Необходимо продвинуться в понимании органической, хотя и весьма нелинейной и непростой связи между среднесрочными и долгосрочными экономическими циклами. Эта задача тем более важна, что едва ли не со времён Й.Шумпетера в этом плане не было каких-то заметных сдвигов. Прежде всего достаточно очевидно, что, если каждая фаза кондратьевской волны длится 20–30 лет, в неё укладывается от двух до четырёх среднесрочных жюглярских циклов, а в среднем в одну кондратьевскую волну (40–60 лет) вмещается 4–6 циклов (7–11-летних) Жюгяра. Кроме того, в длинные волны встраиваются более короткие (20–30-летние) ритмы С.Кузнеца, причём природа взаимодействия между ними и длинными волнами ещё не до конца изучена. В отношении объяснения природы взаимодействия между длинными волнами, циклами Кузнеца и Жюгяра тем не менее уже получены предварительные результаты о возможной воспроизводительной природе этой связи с механизмом внедрения инноваций разной степени радикальности и разных типов (технологических, организационных).

Между средними и длинными циклами имеется и более глубокая связь. Известно, что на нисходящих фазах кондратьевских волн периоды депрессии жюглярских циклов оказываются более затяжными, а подъёмы — более вялыми. На восходящих фазах ситуация меняется: подъёмы становятся более сильными и длительными, фазы депрессии сокращаются, а кризисы обычно проходят быстрее. В фазе подъёма кондратьевской волны амплитуда ритма Кузнеца более высокая, а амплитуда и продолжительность ритма Кузнеца понижательной фазы более низкая и короткая. Для меж-

циклических взаимодействий в процессе перехода от спада к подъёму важно изучить механизм инвестиций в основной капитал, который опосредует внедрение технологических инноваций и является ключевым экономическим механизмом цикла, и выявить, как этот механизм меняется в период финансовой нестабильности, определяющей специфику современной глобальной экономики.

Для понимания влияния длинных волн на долгосрочную экономическую динамику очень важно видеть их взаимосвязь с волнами базисных инноваций. Напомним, что история длинных циклов тесно связана с появлением, развитием и сменой так называемых технологических укладов, которые представляют собой систему ведущих в определённый момент технологий и способов их применения.

Каждая новая кондратьевская волна вызывается витком базисных технологических инноваций, возникших на понижательной фазе предшествующей волны. Прорывные инновации открывают обширную нишу для расширения производства и вызывают приток инвестиций. Длинная волна идёт на подъём. В результате формируются новые сектора экономики, образующие новый технологический уклад. Последний в конечном счёте перестраивает всю хозяйственную жизнь и создаёт новую техноэкономическую парадигму.

Однако инновации распространяются в течение достаточно длительного времени, соответственно и процесс перестройки экономики занимает от 20 до 30 лет. На первых порах отдача от новых технологий высокая. Но когда они широко распространяются, отдача от них резко снижается. Тогда наступает понижательная фаза длинного цикла. Она характерна более медленным и трудным экономическим развитием, однако именно в процессе преодоления этих трудностей формируются изобретения и инновации нового технологического уклада. Затем формируется ядро нового технологиче-

ского уклада и начинается подъём новой волны. Выделяются шесть таких технологических укладов (шестой — предполагаемый для периода 2020–2060-х гг.) (подробнее см.: [24–25, 10, 26–29]).

Укажем здесь только на некоторые из наших выводов в отношении связи инноваций, длинных волн и среднесрочных экономических циклов [30]. Более глубокие по своим проявлениям кризисно-депрессивные фазы среднесрочных циклов на понижательной фазе кондратьевской волны неизбежно требуют от общества также более глубоких и радикальных инноваций, причём не только в технико-технологическом, но и в социально-правовом, политическом, идеологическом и культурном аспектах в системе международных и — шире — мир-системных связей. Иначе общество не сможет преодолеть негативные последствия экономических кризисов и выйти из депрессии.

Только глубокие изменения в самых разных сферах общества, а также новые подходы к регулированию экономики позволяют в конце концов обеспечить переход к значимому подъёму. В результате происходит переход к новой системе отношений, которая открывает для экономик возможности развиваться в ближайшие десятилетия уже не со столь кризисными проявлениями. Но поскольку дальнейшее развитие идёт сравнительно мягко, то и потребность в реформировании и обновлении отношений слабеет. Происходит накопление противоречий и структурных пороков системы, которые через некоторое время начинают проявляться (уже на качественно новом уровне развития) в виде более жёстко и/или длительно протекающих рецессий и депрессий, а само развитие идёт с менее длительными и бурными фазами подъёмов.

Иначе говоря, повышательная фаза исчерпывает потенциал структурных изменений предыдущих десятилетий и сменяется понижательной фазой. Таким образом, в большей мере через среднесроч-

ные циклы понижательные/нисходящие фазы кондратьевских волн как бы сами подготавливают себе условия для трансформации в повышательные/восходящие. И, в свою очередь, меньшая острота кризисно-депрессивных фаз жюгляровских циклов на повышательных фазах кондратьевских волн обуславливает их поворот к понижательным фазам. Именно такой поворот после определённой эйфории, как представляется, мы и наблюдаем в настоящее время. Вот почему наиболее тяжёлыми становятся кризисы, так сказать, «поворотные», от повышательной фазы к понижательной и наоборот (в частности, произошедшие в 1847, 1873, 1929, 1973 гг.), к которым относится и последний глобальный кризис.

Важное значение в рамках нашего исследования придаётся анализу взаимосвязи между сменой технологических укладов и парадигм, с одной стороны, и динамикой кондратьевских волн — с другой; анализу длительности повышательных и понижательных фаз, выявлению тенденций к сокращению периода кондратьевских волн, что используется для построения экономических макропрогнозов. Большую роль играет и выявление органической связи между экономическими циклами разной длительности, что используется для определения силы различных факторов, ответственных за возникновение кризисов, и разработки рекомендаций по смягчению циклической динамики.

Кризисы в свете теории экономических циклов

Экономический кризис (крах, спад и депрессия) — это наиболее драматическая часть экономического среднесрочного жюгляровского цикла. Кризисы всегда являются результатом предшествующего активного роста, поскольку этот рост неизбежно создаёт структурные напряжения не только в экономике, но и в обществе в целом (институты общества рассчитаны на определённый объём и масштаб

явлений и процессов). Но, разумеется, все кризисы при некоторых сходствах протекают по-разному. Заметно отличаются они и в зависимости от того, на какой — повышательной или понижательной — фазе длинной кондратьевской волны они случаются [7, с. 380–381; см. также: 30, 31].¹

Практически любые циклические кризисы связаны с расстройством (падением или даже обвалом) денежного (золотовалютного) обращения, биржевых курсов акций и других ценных бумаг (облигаций, векселей и т.п.), с различного рода спекуляциями (акциями, сырьём, земельной и жилищной недвижимостью, участками, богатыми полезными ископаемыми и т.п.).²

Поэтому чисто экономических (в смысле — чисто промышленных) кризисов практически не бывает и, возможно, даже не может быть. Экономические кризисы всегда связаны с кризисами в области обращения во многих (а нередко и во всех) сферах экономики: банковско-кредитной, золотовалютной, биржевой, внешнеторговой, в оптовой и розничной торговле, области движения капиталов, эмиссии ценных бумаг, сфере спекуляций различными ценностями, включая недвижимость. В некоторых случаях именно эти сферы являются ведущими в плане основного вектора кризиса, в других — ими являются процессы, протекающие в лёг-

кой или тяжёлой промышленности, строительстве и транспорте (в которых создаются чрезмерные запасы, возникают слишком большие объёмы производства, долгосрочных инвестиций, чрезмерные долги по кредитам и т.п.). Баланс такой «ответственности» за кризис в каждом случае (и в каждой стране в период даже одного мирового кризиса) может быть весьма различным. Кризисы в области обращения, связанные с расстройством в области финансов, фондов, бирж, торговых операций, могут предшествовать промышленным (экономическим), проходить одновременно с ними или случаться позже. Кризисы обращения в этом случае обычно угнетающе действуют на всю экономику. Таким образом, спад в разных секторах экономики и кризис обращения выступают как взаимосвязанные проявления фаз рецессии и депрессии в экономическом цикле.

Однако нередко кризисы нециклического типа, случающиеся в сфере банков, обмена валют, бирж, отдельных областей торговли, спекуляций и прочих институтов, которые не затрагивают народное хозяйство и экономику в целом в такой мере, как циклические. Нециклические кризисы обращения имеют сравнительно узкий или специальный характер. Иными словами, они могут быть сильными и острыми, но не являться частью циклических эконо-

¹ Н.Д. Кондратьев, в частности, отмечал: «Характер фазы большого цикла, на которую приходятся данные средние циклы, не может не отражаться на ходе средних циклов. Действительно, если мы возьмём средние циклы, то очевидно, что все повышательные тенденции элементов, участвующих в средних циклах, будут ослабляться, а все понижательные тенденции их будут усиливаться общей понижательной волной большого цикла. Если, наоборот, мы возьмём средние циклы, падающие на повышательный период большого цикла, то будем наблюдать обратную картину. Отсюда — средние циклы, приходящиеся на понижательный период большого цикла, должны характеризоваться особой длительностью и глубиной депрессий, краткостью и слабостью подъёмов. Средние циклы, приходящиеся на повышательный период большого цикла, должны характеризоваться обратными чертами» [7, с. 380–381]. Это верно, с той только существенной поправкой, что, как нами было установлено, не среднесрочные J-циклы зависят от характера фазы K-волны, как считал Кондратьев, а, напротив, характер кластера J-циклов в значительной мере и определяет характер фазы K-волны (см. подробнее: [30–31]).

² Это даёт некоторым аналитикам основания говорить, что все финансовые кризисы, начиная как минимум со знаменитой «тюльпановой лихорадки» XVII в. в Голландии, развиваются по одной схеме (см., например: [32–35]). При существенной верности этого вывода (в том числе в психологическом плане) он всё же является значительным упрощением, поскольку каждый финансовый, тем более экономический, кризис имеет многофакторный характер (см.: [36, 19]), в каждом налицо особое сочетание причин плюс собственные важные особенности, что всегда делает его непохожим на другие (см. также: [37]).

мических кризисов (такой кризис может вообще не повлиять на ход цикла, например, не прервать фазу подъёма).

Теснейшая связь между обращением и промышленностью становится ещё более понятной, если учесть важность для развития промышленности объёмов товарных запасов, стоимости транспортных перевозок товаров, колебаний спроса на промышленные товары со стороны торговли, цены аренды и прочих услуг, а всё это невообразимо сложно переплетено с кредитными, валютными и прочими сферами. Стоит произойти сбоем или резкому перепаду в какой-либо части этого сложного механизма, и он начинает работать совсем не так, как ожидают его участники. Например, если спекулянты — в надежде, что цены на сырьё, топливо или иные ресурсы, необходимые в промышленности, начнут повышаться, — станут скупать эти ресурсы, чтобы усилить их дефицит и искусственно «вздувать» на них цены, а цены вопреки ожиданиям прекратят рост, то это может привести к негативным последствиям. Сначала — к чрезмерному предложению данных ресурсов (деньги-то необходимо вернуть), падению цен на них, разорению части спекулянтов и поддерживающих их банков, а затем к обвалу экономики в целом, при котором пострадаёт уже много других участников экономического процесса, в том числе промышленники, биржевики, торговцы, банки, выдавшие им всем кредит, вкладчики и т.п.

Другими сферами, где особенно тесно переплетаются промышленные и финансовые интересы, являются учредительство новых фирм и акционерных обществ (куда вкладывается капитал большого числа финансовых учреждений и частных лиц)¹, строительство жилой недвижимости, продажа земельных участков и т.п.

¹ М.И. Туган-Барановский говорил: «Всякому кризису обязательно предшествует грюндерство — устройство огромного числа новых предприятий. Но ведь грюндерство есть не что иное, как создание нового основного капитала страны» [17, с. 317].

Дефляционные явления в свете теории длинных волн

Отметим, что возврат угрозы дефляции в последние годы — достаточно закономерное явление, так как смена инфляции и дефляции на довольно длительных интервалах носит циклический характер, что отражено в длинноволновой теории Н.Д.Кондратьева.

В современной мировой экономике на глобальном уровне нет отработанного антициклического механизма, и поэтому во многом действуют неискажённые экономические законы, проявляющие себя, как и в прежние времена, в виде сменяющихся друг друга коротких или длинных циклов конъюнктуры.

Мы предполагаем, что во второй половине 2018–2019 г. начнётся новый экономический кризис особого типа, характерный для понижательных фаз длинных циклов: ползучий, без резких падений, в виде медленного втягивания в рецессию с усилением депрессивных явлений, который затем перейдёт в достаточно долгий депрессивный период.

Возврат угрозы дефляции в последние годы, на первый взгляд, кажется странным, но на самом деле это достаточно закономерное явление. Причина дефляции сегодня кроется в том, что смена инфляции и дефляции на довольно длительных интервалах носит циклический характер и имеет характер длинных волн (или циклов), что было замечено задолго до Н.Д.Кондратьева. Он сумел увидеть за этим феноменом, который до этого просто отмечался некоторыми экономистами, закономерное явление и предложил рассматривать такие колебания как длинные циклы, которые имеют эндогенную природу. Согласно его теории во время длительного подъёма (повышательной фазы длинного цикла) преобладают периоды инфляции, которая дополнительно

но разгоняет спрос. Во время длительных периодов, когда рост слабый, а депрессия идёт много лет (понижательная фаза длинного цикла), напротив, преобладают периоды дефляции [7], как, например, видно на рис. 1 в период Великой депрессии.

Причины длиннопериодических колебаний и проблема взаимоотношения средних и длинных циклов рассмотрены нами в ряде работ, например [30].

Эта логика в отношении колебаний цен перестала работать на понижательной фазе четвёртой К-волны, в 1970–1980-е гг., когда снижение темпов роста ВВП сопровождалось не дефляцией, а инфляцией. Это новое явление получило название стагфляции. Конечно, важнейшую роль здесь сыграло повышение цен на энергоносители в результате действий картеля ОПЕК, а также на другое сырьё и отход от золотого стандарта. В 1980–1990-е гг. инфляция оставалась довольно долго одной из важнейших проблем западных стран, а дефляция была скорее исключением, как это наблюдалось в Японии, в результате «сдутия» пузыря недвижимости в 1990-х гг. (рис. 2) (см. подробнее [39]).

В итоге складывалось убеждение, что ценовые ритмы изменились. С одной сто-

роны, в этом был резон, так как более искусные и научно обоснованные антициклические меры правительств повлияли на характер длинных ценовых волн. Но с другой стороны, в повышательной фазе пятой кондратьевской волны (1980–2000-е) в связи с глобализацией усилились экономические и финансовые связи в мировой экономике. А поскольку на глобальном уровне нет сильного и отработанного антициклического механизма с использованием монетарных и немонетарных мер, подобного регулированию на национальном уровне, то на наднациональном уровне во многом действуют неискаженные экономические законы, проявляющие себя, как и в прежние времена, в виде сменяющихся друг друга коротких или длинных циклов конъюнктуры. Поэтому мы пришли к выводу, что в глобальной экономике во многих отношениях произошёл возврат к прежней (дерегулируемой) форме протекания экономических циклов.

Это и объясняет возврат дефляции на понижательной фазе пятой К-волны, т.е. в настоящее время (как представлено на рис. 3 в отношении Франции и Швейцарии, похожая ситуация сложилась и в других развитых странах).

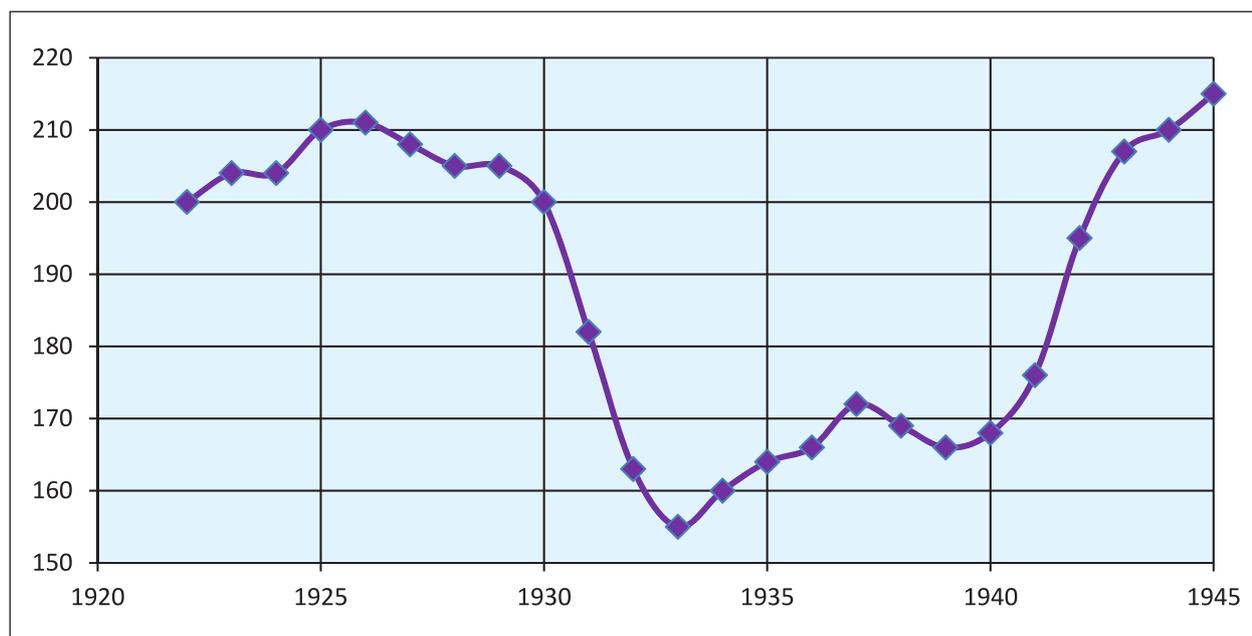

Рис. 1. Динамика индекса потребительских цен США, 1922–1945 гг. (100 = уровень 1860 г.). Источник: [38, p. 16–17, table 1]

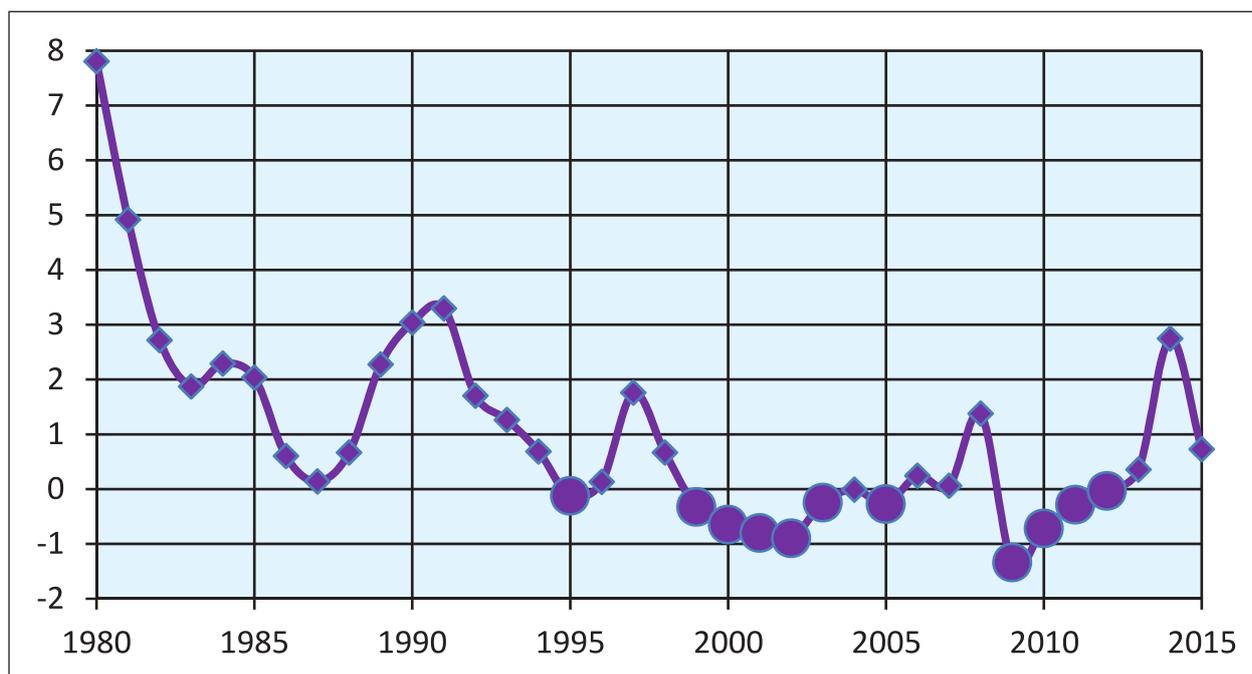

Рис. 2. Динамика темпов инфляции (% в год) в Японии, 1980–2015 гг.
Кружки обозначают годы с отрицательными значениями инфляции (т.е. дефляционные годы).
Источник: [40]. Рассчитано по индексу потребительских цен.

Несмотря на очень активные монетарные меры ЦБ, угроза дефляции не отступает, а ценовые пузыри начали «сдуваться». Это связано именно с глобализацией мировых финансов и экономики при отсутствии должного уровня регулирования.

Возник парадокс — деньги в экономику ЦБ вливают в огромных масштабах, процентные ставки снижены практически до нулевого японского уровня, всё активнее вводятся отрицательные ставки, а инфляция не растёт. Мы объясняли это тем, что усилия ЦБ только частично могут компенсировать сокращение других денежных механизмов, которые в предыдущие годы вызвали бум [39].

Беспрецедентные действия центральных банков, прибегающих к эмиссии в разных формах и другим финансовым технологиям для насыщения экономик дешёвыми деньгами, не дают развиваться дефляционному тренду в полной мере, тем не менее в целом он становится всё более очевидным. Он захватывает уже и развивающиеся экономики, в том числе Китай, хотя ещё в 2011 г. для ки-

тайского руководства инфляция была важнейшей и наиболее тревожной проблемой. И так, хотя без этих вливаний ЦБ дефляция бы усилилась, а вместе с этим увеличилось бы число банкротств и снизился бы рост ВВП, уже очевиден тупик, в который приведут такие меры. Мы считаем, что при таких низких ставках уже переящён порог предельной полезности, новые вложения не работают. Соответственно отдача падает. Главная проблема сегодня — отсутствие выгодных и/или безопасных вложений для гигантски увеличившихся с 1990-х гг. денежной массы и денежных производных инструментов.

Западные экономики находятся между Сциллой слабого экономического роста с низкими ставками и Харибдой сверхзадолженности, которая может грозить государственным дефолтом. Сегодняшняя уникальная ситуация для многих стран, когда их долг растёт, а стоимость обслуживания долга (за счёт повышения стоимости гособлигаций и соответственно понижения их доходности) даже уменьшается, хотя в краткосрочном периоде и выгодна, в реальности загоняет эти

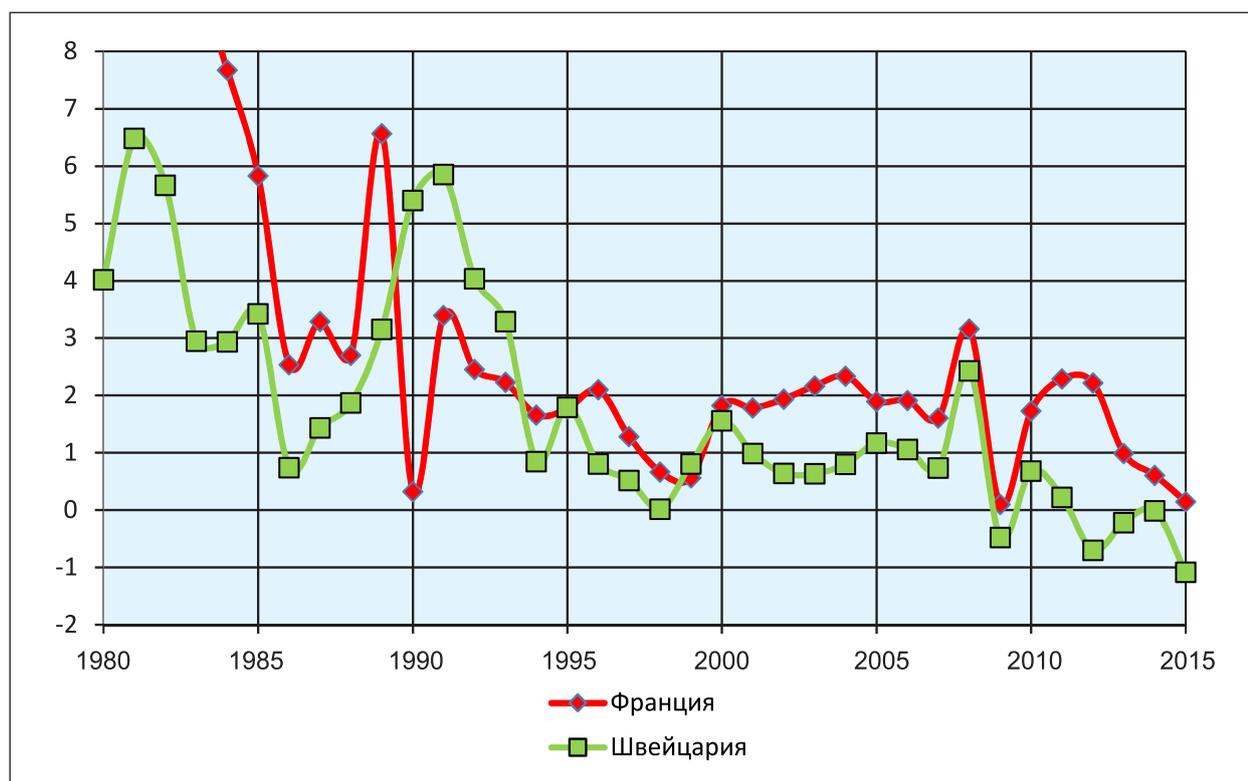

Рис. 3. Динамика темпов инфляции (% в год) во Франции и Швейцарии, 1980–2015 гг.

Источник: [40]. Рассчитано по индексу потребительских цен.

страны в ловушку. Во-первых, страдают пенсионные и социальные фонды данных государств, которые не смогут в результате низких бонусов обеспечить рост пенсионно-социальных накоплений для десятков миллионов будущих пенсионеров. Во-вторых, такая ситуация снижает возможность нового витка экономического роста, поскольку появление новых сфер выгодных инвестиций неизбежно повысит стоимость кредита, тем самым обслуживание значительно выросшего государственного долга станет очень тяжёлым, а то и неподъёмным делом.

Выводы и прогнозы

Исходя из этого, мы делаем прогнозы на ближайшее время.

Последние изменения в мировой экономике, сырьевых отраслях, на фондовых рынках и в политике центральных банков свидетельствуют об усилении депрессивных и дефляционных явлений. Мы предполагаем, что в 2018 и 2019 гг. эти явления будут усиливаться. Мировая

экономика движется к новому финансово-экономическому кризису. Но в отличие от 2008 г. это будет, вероятно, не внезапный коллапс, а медленное втягивание в рецессию и финансовое сжатие для некоторых сегментов экономики, что окажет кумулятивное влияние на финансовый сектор и другие области экономики.

Мы предполагаем, что более явные признаки кризиса могут проявиться во второй половине 2018 г. или в 2019 г. При этом, весьма вероятно, нас ожидает именно «вязкая» рецессия без значительных провалов, но и без возможности изменить ситуацию в течение 2–3 или даже более лет.

Почему данная ситуация отличается от событий 2008 г.? С одной стороны, различные негативные проявления в экономике в 2016–2018 гг. в тех или иных моментах напоминают ситуацию в 2006–2007 гг. с началом ипотечного кризиса, усилением волатильности на фондовых рынках и другими предвестниками кризиса, которые казались преодолимыми

и временными. С другой стороны, ситуация существенно отличается.

Во-первых, кризис 2008 г. был кризисом между повышательной и понижательной фазами пятой К-волны, а такие переломные кризисы приобретают особую силу. Это также объясняет столь большой масштаб кризиса 2008–2010 гг., как и кризиса 1974–1975 гг.

Во-вторых, период до 2006–2008 гг. — это повышательная фаза кондратьевской волны (пятой К-волны). Для повышательной фазы характерны инфляция и рост ценовых пузырей, что мы и наблюдали в начале 2000-х гг. Однако кризисы понижательных фаз кондратьевских волн носят иной характер, они менее ярко выражены (коллапсы и обвалы могут отсутствовать или не быть столь сильными), поскольку предшествующие подъёмы были относительно слабыми. Но эти кризисы носят более стабильный и затяжной характер. Мы предполагаем, что ближайший кризис (который начнётся во второй половине 2018 г. или в 2019 г.) будет именно таким.

Поскольку дефляция характерна для понижательных фаз кондратьевских волн, мы предполагаем дальнейшее усиление дефляционных явлений (разумеется, с колебаниями и вариациями в разных странах). На усиление дефляционных процессов может оказать влияние и «проедание» национальных фондов нефтедобывающих стран, и сокращение инвестиций нефтяными и другими сырьевыми корпорациями, и ряд других обстоятельств. Усиление этих трендов может выразиться и в дальнейшем «сдутии» пузырей.

В настоящий момент мы фактически и наблюдаем такое «сдутие». Сегодня в мире имеется несколько пузырей. Это пузыри фондовых активов, доллар (рост стоимости которого уже создаёт большие сложности для развития всех экономик, включая США), а также и пузырь национальных долгов, поскольку государственные облигации стали прибежищем для инвесторов. В связи с этим мы предполагаем, что в ближайшие годы фондо-

вые индексы будут весьма волатильными, но общий тренд начнёт постепенно и с колебаниями идти вниз. Таким образом, фондовый пузырь станет постепенно (но не резко) «сдуваться», возможно, достигнув в итоге уровня 2009 г. Такому тренду будет способствовать и уменьшение доходности корпораций, что мы уже наблюдали в последнее время.

Относительно доллара можно сказать, что, хотя объективно его стоимость завышена, в ближайший год-полтора более вероятно, что не будет его заметного снижения, поскольку пока ФРС продолжает настаивать на повышении ставок (правда, риторика всё смягчается), а американская экономика хотя и относительно небольшими темпами и неоднозначно, но продолжает расти. Поэтому доллар будет оставаться для инвесторов более надёжным активом. Но уже в течение предсказанного выше кризиса можно ожидать падения курса доллара в связи с ухудшением экономической ситуации в США и соответствующими действиями по смягчению монетарной политики ФРС. Это, кстати, может несколько (но не радикально) противодействовать дефляционным трендам. Не исключено, однако, что ФРС уже в 2018–2019 гг. начнёт сознательно толкать курс доллара к понижению.

Что касается пузыря государственных облигаций, то здесь ситуация будет неоднозначной. В настоящее время в связи с резким сокращением сфер выгодного приложения капиталов, которые, как мы предполагаем, продолжат сокращаться, для инвесторов главной задачей остаётся именно сохранение своих капиталов. Особенно это касается таких консервативных инвесторов, как пенсионные и иные социальные и национальные фонды. В связи со сказанным, скорее всего, пузырь государственных облигаций продолжит «надуваться», однако это будет касаться только рынка надёжных гособлигаций (американских, немецких, японских). Но даже здесь всё более важным держателем гособлигаций будут оставаться ЦБ этих стран.

Что же касается рынка облигаций менее надёжных государств, который оправился от кризиса 2009–2011 гг., он если и будет расти, то недолго, а далее вновь может послужить источником общего кризиса.

Количество инвесторов, предпочитающих более рискованные операции, сократится, о чём уже свидетельствуют проблемы многих хедж-фондов. Можно ожидать, что отсутствие сфер выгодного вложения для инвесторов, во-первых, поддержит рынок золота и, возможно, других драгоценных металлов (в перспективе эти рынки станут расти), а во-вторых, может усилить мобильность части капитала, который будет стремиться прийти на любой рынок, где ожидается более высокая прибыль, но это также будет способствовать потере капитала в результате падений или снижений

этих рынков. Пример с Шанхайским и другими фондовыми рынками в Китае показывает, как это может происходить.

Описанная ситуация, в том числе с проблемами государственного долга, даёт основания предполагать, что прогнозируемые нами кризис и депрессия (в 2018–2019 и последующие годы) будут затяжными. Как и в период 2010–2015 гг., здесь могут наблюдаться подъёмы, но они (в полном соответствии с теорией длинных циклов) будут вялыми.

В целом выход из депрессии будет связан с завершением понижательной фазы пятой кондратьевской волны и началом повышательной фазы шестой кондратьевской волны (примерно в 2020-х гг., наиболее вероятно, в их середине, но, возможно, и ранее).

ЛИТЕРАТУРА

1. Гринберг Р.С. Экономика современной России: состояние, проблемы, перспективы. Общие итоги системной трансформации // Век глобализации. 2015. № 1 (15). С. 166–182.
2. Гринберг Р.С. Состояние и перспективы экономики современной России. Осмысливая роль государства в экономике // Кондратьевские волны: Циклическая динамика в прошлом и настоящем: Ежегодник / Отв. ред. Л.Е.Гринин, А.В.Коротаев. Волгоград: Учитель, 2016. С. 109–130.
3. Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Основания смешанной экономики. Экономическая социодинамика. М.: ИЭ РАН, 2008.
4. Кондратьев Н.Д. Мировое хозяйство и его конъюнктура во время и после войны // Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. М.: Экономика, 2002. С. 40–341.
5. Кондратьев Н.Д. Спорные вопросы мирового хозяйства и кризиса (Ответ нашим критикам) // Мировая экономика и международные отношения. 1988. № 9. С. 64–76.
6. Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры // Кондратьев Н.Д. Избранные сочинения. М.: Экономика, 1993. С. 24–83.
7. Кондратьев Н.Д. Большие циклы экономической конъюнктуры // Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. М.: Экономика, 2002. С. 341–400.
8. Кондратьев Н.Д. Динамика цен сельскохозяйственных и промышленных товаров // Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. М.: Экономика, 2002. С. 401–502.
9. Акаев А.А. Современный финансово-экономический кризис в свете теории инновационно-технологического развития экономики и управления инновационным процессом // Системный мониторинг: Глобальное и региональное развитие / Под ред. Д.А.Халтуриной, А.В.Коротаева. М.: ЛИБРОКОМ/URSS, 2010. С. 230–258.
10. Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Циклы, кризисы, ловушки современной Мир-Системы. Исследование кондратьевских, жюгляровских и вековых циклов, глобальных кризисов, мальтузианских и постмальтузианских ловушек. М.: ЛКИ/URSS, 2012.

11. Коротаев А.В., Гринин Л.Е. Кондратьевские волны в Мир-системной перспективе. Кондратьевские волны: аспекты и перспективы / Под ред. А.А. Акаева, Р.С. Гринберга, Л.Е. Гринина, А.В. Коротаева, С.Ю. Малкова. Волгоград: Учитель, 2012. С. 58–109.
12. Akaev A., Korotayev A., Issaev L., Zinkina J. Technological Development and Protest Waves: Arab Spring as a Trigger of the Global Phase Transition? // Technological Forecasting and Social Change. 2017. Vol. 116. P. 316–321.
13. Focacci A. Controversial Curves of the Economy: An Up-to-date Investigation of Long Waves // Technological Forecasting and Social Change. 2017. Vol. 116. P. 271–285.
14. Juglar C. Des crises commerciales et de leur retour périodique en France, en Angleterre et aux États-Unis. Paris: Guillaumin, 1862.
15. Juglar C. Des crises commerciales et de leur retour périodique en France, en Angleterre et aux États-Unis. 2ème ed. Paris: Alcan, 1889.
16. Туган-Барановский М.И. Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и влияние на народную жизнь. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1894.
17. Туган-Барановский М.И. Периодические промышленные кризисы. М.: Директмедиа Паб-лишинг, 2008.
18. Schumpeter J.A. Business Cycles. New York: McGraw-Hill, 1939.
19. Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Глобальный кризис в ретроспективе: Краткая история подъёмов и кризисов: от Ликурга до Алана Гринспена. М.: ЛКИ/URSS, 2010.
20. Гринин Л.Е., Малков С.Ю., Коротаев А.В. Математическая модель среднесрочного экономического цикла // Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики / Под ред. А.А. Акаева, А.В. Коротаева, Г.Г. Малинецкого, М.: ЛКИ/URSS, 2010. С. 292–304.
21. Гринин Л.Е., Малков С.Ю., Коротаев А.В. Математическая модель среднесрочного экономического цикла и современный глобальный кризис // История и Математика: Эволюционная историческая макродинамика / Под ред. С.Ю. Малкова, Л.Е. Гринина, А.В. Коротаева. М.: ЛИБРОКОМ/URSS, 2010. С. 233–284.
22. Гринин Л.Е., Коротаев А.В., Цирель С.В. Циклы развития современной Мир-Системы. М.: ЛИБРОКОМ/URSS, 2011.
23. Grinin L., Korotayev A., Malkov S. A Mathematical Model of Juglar Cycles and the Current Global Crisis // History & Mathematics. Processes and Models of Global Dynamics / Ed. by L. Grinin, P. Herrmann, A. Korotayev, A. Tausch. Volgograd: Uchitel, 2010. Pp. 138–187.
24. Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: ВладДар, 1993.
25. Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания. М.: Дело, 2011.
26. Коротаев А.В., Билюга С.Э. О некоторых современных тенденциях мирового экономического развития // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2016. № 4. С. 20–39.
27. Korotayev A., Zinkina J., Bogevolnov J. Kondratieff Waves in Global Invention Activity (1900–2008) // Technological Forecasting & Social Change. 2011. Vol. 78. Pp. 1280–1284.
28. Gallegati M., Gallegati M., Ramsey J.B., Semmler W. Long Waves in Prices: New Evidence from Wavelet Analysis // Cliometrica. 2017. Vol. 11(1). Pp. 127–151.
29. Grinin L.E., Grinin A.L., Korotayev A. Forthcoming Kondratieff Wave, Cybernetic Revolution, and Global Ageing // Technological Forecasting & Social Change. 2017. Vol. 115. Pp. 52–68.
30. Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Взаимосвязь длинных и среднесрочных циклов (кондратьевских волн и жюгляровских циклов) // Кондратьевские волны: длинные и среднесрочные циклы: Ежегодник / Отв. ред. Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев. Волгоград: Учитель, 2014. С. 15–73.
31. Grinin L., Korotayev A., Tausch A. Economic Cycles, Crises, and the Global Periphery. Heidelberg – New York – Dordrecht – London: Springer, 2016.
32. Minsky H.P. The Financial Instability Hypothesis: An Interpretation of Keynes and an Alternative to “Standard” Theory. John Maynard Keynes. Critical Assessments / Ed. by J. C. Wood. London: Business & Economics, 1983. Pp. 282–292.

33. Minsky H.P. The Financial Instability Hypothesis: A Restatement. Post-Keynesian Economic Theory: A Challenge To Neo Classical Economics / Ed. by P.Arestis, T.Skouras. Brighton: M.E.Sharpe, 1985. Pp. 24–55.
34. Minsky H.P. Stabilizing an Unstable Economy. New Haven, CT: Yale University Press, 1986.
35. Minsky H.P. Induced Investment and Business Cycles. Cheltenham, UK; Northampton, MA: Edward Elgar, 2005.
36. Хаберлер Г. Процветание и депрессия. Теоретический анализ циклических колебаний. Челябинск: Социум, 2008.
37. Хансен Э. Экономические циклы и национальный доход. М.: Изд-во ин. лит-ры, 1959.
38. David P.A., Solar P. A Bicentenary Contribution to the History of the Cost of Living in America // Research in Economic History. 1977. No. 2. Pp. 1–80.
39. Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Дефляция как болезнь современных развитых стран // Анализ и моделирование мировой и страновой динамики: методология и базовые модели / Отв. ред. В.А. Садовничий, А.А. Акаев, С.Ю. Малков, Л.Е. Гринин. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель», 2015. С. 241–270.
40. International Monetary Fund. World Economic Outlook (WEO) database. Washington, DC: International Monetary Fund, 2018. URL: <http://www.imf.org/external/index.htm>.

ENGLISH

Cyclic Economic Dynamics and Deflationary Phenomena: Analysis and Forecasts

Ruslan Semyonovich Grinberg – associate fellow of the RAS, Dr. of Economics, academic director of the Institute of Economics of the RAS, head of the project “Changes of technologies and prospects of the forthcoming economic transformations” (17-02-00521a).

E-mail: grinberg@inecon.ru

Leonid Efimovich Grinin – PhD, chief researcher of the laboratory that monitors the risks of social and political destabilization under the auspices of the National Research University “Higher School of Economics”, deputy director of the Euro-Asian Center of Mega-History and System Forecasting, co-author in the same project.

E-mail: lgrinin@mail.ru

Andrey Vitalievich Korotaev – PhD., Dr. of History, head of the laboratory that monitors the risks of social and political destabilization under the auspices of the National Research University “Higher School of Economics”, co-author in the same project.

E-mail: akorotayev@gmail.com

The modern deflationary phenomena in the western and global economy are attributed to the fact that currently it is at the downward phase of the fifth long K-wave. Deflation has always been typical for the depressive periods in economy; presently it also manifests itself as the world economy has turned global, yet it lacks any control mechanisms. The authors suppose that a new economic crisis will break out in the western economy in the second half of 2018–2019 and that the depressive and deflationary trends will continue for another number of years.

Keywords: deflation, long cycles, downward phase of the long cycle, upward phase of the long cycle, depression

REFERENCES

1. Grinberg R.S. Ekonomika sovremennoy Rossii: sostoyanie, problemy, perspektivy. Obshchie itogi sistemnoy transformatsii // Vek globalizatsii. 2015. № 1(15). S. 166–182 (in Russian).
2. Grinberg R.S. Sostoyanie i perspektivy ekonomiki sovremennoy Rossii. Osmyslivaya rol' gosudarstva v ekonomike // Kondrat'evskie volny: Tsiklicheskaya dinamika v proshlom i nastoyashchem: Ezhegodnik / Otв. red. L.E.Grinin, A.V.Korotaev. Volgograd: Uchitel', 2016. S. 109–130 (in Russian).
3. Grinberg R.S., Rubinshteyn A.Ya. Osnovaniya smeshannoy ekonomiki. Ekonomicheskaya sotsiodinamika. M.: IE RAN, 2008 (in Russian).
4. Kondrat'ev N.D. Mirovoe khozyaystvo i ego kon'yunktura vo vremena i posle voyny // Kondrat'ev N.D. Bol'shie tsikly kon'yunktury i teoriya predvideniya. Izbrannye trudy. M.: Ekonomika, 2002. S. 40–341 (in Russian).
5. Kondrat'ev N.D. Spornye voprosy mirovogo khozyaystva i krizisa (Otvét nashim kritikam) // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 1988. № 9. S. 64–76 (in Russian).
6. Kondrat'ev N.D. Bol'shie tsikly kon'yunktury // Kondrat'ev N.D. Izbrannye sochineniya. M.: Ekonomika, 1993. S. 24–83 (in Russian).
7. Kondrat'ev N.D. Bol'shie tsikly ekonomicheskoy kon'yunktury // Kondrat'ev N.D. Bol'shie tsikly kon'yunktury i teoriya predvideniya. Izbrannye trudy. M.: Ekonomika, 2002. S. 341–400 (in Russian).
8. Kondrat'ev N.D. Dinamika tsen sel'skokhozyaystvennykh i promyshlennykh tovarov // Kondrat'ev N.D. Bol'shie tsikly kon'yunktury i teoriya predvideniya. Izbrannye trudy. M.: Ekonomika, 2002. S. 401–502 (in Russian).
9. Akaev A.A. Sovremennyy finansovo-ekonomicheskyy krizis v svete teorii innovatsionno-tehnologicheskogo razvitiya ekonomiki i upravleniya innovatsionnym protsessom // Sistemnyy monitoring: Global'noe i regional'noe razvitie / Pod red. D.A.Khalturinoy, A.V.Korotaeva. M.: LIBROKOM/URSS, 2010. S. 230–258 (in Russian).
10. Grinin L.E., Korotaev A.V. Tsikly, krizisy, lovushki sovremennoy Mir-Sistemy. Issledovanie kondrat'evskikh, zhyuglyarovskikh i vekovykh tsiklov, global'nykh krizisov, mal'tuzianskikh i postmal'tuzianskikh lovushek. M.: LKI/URSS, 2012 (in Russian).
11. Korotaev A.V., Grinin L.E. Kondrat'evskie volny v Mir-sistemnoy perspektive. Kondrat'evskie volny: aspekty i perspektivy / Pod red. A.A.Akaeva, R.S.Grinberga, L.E.Grinina, A.V.Korotaeva, S.Yu.Malkova. Volgograd: Uchitel', 2012. S. 58–109 (in Russian).
12. Akaev A., Korotayev A., Issaev L., Zinkina J. Technological Development and Protest Waves: Arab Spring as a Trigger of the Global Phase Transition? // Technological Forecasting and Social Change. 2017. Vol. 116. P. 316–321.
13. Focacci A. Controversial Curves of the Economy: An Up-to-date Investigation of Long Waves // Technological Forecasting and Social Change. 2017. Vol. 116. P. 271–285.
14. Juglar C. Des srisessommerciales et de leur retour périodique en France, en Angleterre et aux tats-Unis. Paris: Guillaumin, 1862.
15. Juglar C. Des crisescommerciales et de leur retour périodique en France, en Angleterre et aux Etats-Unis. 2ème ed. Paris: Alcan, 1889.
16. Tugan-Baranovskiy M.I. Promyshlennyye krizisy v sovremennoy Anglii, ikh prichiny i vliyanie na narodnuyu zhizn'. SPb.: Tip. I.N. Skorokhodova, 1894 (in Russian).
17. Tugan-Baranovskiy M.I. Periodicheskie promyshlennyye krizisy. M.: Direk-tmediaPublishing, 2008 (in Russian).
18. Schumpeter J.A. BusinessCycles. NewYork: McGraw-Hill, 1939.
19. Grinin L.E., Korotaev A.V. Global'nyy krizis v retrospektive: Kratkaya istoriya pod'yomov i krizisov: ot Likurga do Alana Grinspena. M.: LKI/URSS, 2010 (in Russian).
20. Grinin L.E., Malkov S.Yu., Korotaev A.V. Matematicheskaya model' srednesrochnogo ekonomicheskogo tsikla // Prognoz i modelirovanie krizisov i mirovoy dinamiki / Pod red.

- A.A.Akaeva, A.V.Korotaeva, G.G.Malinetskogo, M.: LKI/URSS, 2010. S. 292–304 (in Russian).
21. Grinin L.E., Malkov S.Yu., Korotaev A.V. Matematicheskaya model' srednesrochnogo ekonomicheskogo tsikla i sovremennyy global'nyy krizis // Istoriya i Matematika: Evolyutsionnaya istoricheskaya makrodinamika / Pod red. S.Yu.Malkova, L.E.Grinina, A.V.Korotaeva. M.: LIBROKOM/URSS, 2010. S. 233–284 (in Russian).
 22. Grinin L.E., Korotaev A.V., Tsirel' S.V. Tsikly razvitiya sovremennoy Mir-Sistemy. M.: LIBROKOM/URSS, 2011 (in Russian).
 23. Grinin L., Korotayev A., Malkov S. A Mathematical Model of Juglar Cycles and the Current Global Crisis // History & Mathematics. Processes and Models of Global Dynamics / Ed. by L.Grinin, P.Herrmann, A.Korotayev, A.Tausch. Volgograd: Uchitel, 2010. Pr. 138–187.
 24. Glaz'ev S.Yu. Teoriya dolgosrochnogo tekhniko-ekonomicheskogo razvitiya. M.: Vla-Dar, 1993 (in Russian).
 25. Peres K. Tekhnologicheskie revolyutsii i finansovyy kapital. Dinamika puzyrey i periodov protsvetaniya. M.: Delo, 2011 (in Russian).
 26. Korotaev A.V., Bilyuga S.E. O nekotorykh sovremennykh tendentsiyakh mirovogo ekonomicheskogo razvitiya // Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk. 2016. № 4. S. 20–39 (in Russian).
 27. Korotayev A., Zinkina J., Bogevolnov J. Kondratieff Waves in Global Invention Activity (1900–2008) // Technological Forecasting & Social Change. 2011. Vol. 78. Pp. 1280–1284.
 28. Gallegati M., Gallegati M., Ramsey J.B., Semmler W. Long Waves in Prices: New Evidence from Wavelet Analysis // Cliometrica. 2017. Vol. 11(1). Pp. 127–151.
 29. Grinin L.E., Grinin A.L., Korotayev A. Forthcoming Kondratieff Wave, Cybernetic Revolution, and Global Ageing // Technological Forecasting & Social Change. 2017. Vol. 115. Pp. 52–68.
 30. Grinin L.E., Korotaev A.V. Vzaimosvyaz' dlinnykh i srednesrochnykh tsiklov (kondrat'evskikh voln i zhyuglyarovskikh tsiklov) // Kondrat'evskie volny: dlinnye i srednesrochnye tsikly: Ezhegodnik / Otv. red. L.E.Grinin, A.V.Korotaev. Volgograd: Uchitel', 2014. S. 15–73 (in Russian).
 31. Grinin L., Korotayev A., Tausch A. Economic Cycles, Crises, and the Global Periphery. Heidelberg – New York – Dordrecht – London: Springer, 2016.
 32. Minsky H.P. The Financial Instability Hypothesis: An Interpretation of Keynes and an Alternative to “Standard” Theory. John Maynard Keynes. Critical Assessments / Ed. by J.C.Wood. London: Business & Economics, 1983. Pp. 282–292.
 33. Minsky H.P. The Financial Instability Hypothesis: A Restatement. Post-Keynesian Economic Theory: A Challenge To Neo Classical Economics / Ed. by P.Arestis, T.Skouras. Brighton: M.E.Sharpe, 1985. Pp. 24–55.
 34. Minsky H.P. Stabilizing an Unstable Economy. New Haven, CT: Yale University Press, 1986.
 35. Minsky H.P. Induced Investment and Business Cycles. Cheltenham, UK; Northampton, MA: Edward Elgar, 2005.
 36. Khaberler G. Protsvetanie i depressiya. Teoreticheskiy analiz tsiklicheskikh kolebaniy. Chelyabinsk: Sotsium, 2008 (in Russian).
 37. Khansen E. Ekonomicheskie tsikly i natsional'nyy dokhod. M.: Izd-vo in. litry, 1959 (in Russian).
 38. David P.A., Solar P. A Bicentenary Contribution to the History of the Cost of Living in America // Research in Economic History. 1977. No. 2. Pp. 1–80.
 39. Grinin L.E., Korotaev A.V. Deflyatsiya kak bolezni' sovremennykh razvitykh stran // Analiz i modelirovanie mirovoy i stranovoy dinamiki: metodologiya i bazovye modeli / Otv. red. V.A.Sadovnichiy, A.A.Akaev, S.Yu.Malkov, L.E.Grinin. M.: Mosk. red. izd-va «Uchitel'», 2015. C. 241–270 (in Russian).
 40. International Monetary Fund. World Economic Outlook (WEO) database. Washington, DC: International Monetary Fund, 2018. URL: <http://www.imf.org/external/index.htm>.

УДК 338.001.36; 332.14

ГРНТИ 06.61.33

DOI: 10.22204/2587-8956-2018-091-02-63-76

**Е.В. КАРАНИНА,
О.А. РЯЗАНОВА***

Развитие системы диагностики и мониторинга экономической безопасности хозяйствующих субъектов территорий (на примере Кировской области)

В статье показаны место и роль хозяйствующих субъектов в системе экономической безопасности территорий. Рассмотрены различные подходы к определению термина «экономическая безопасность субъектов малого бизнеса». Представлены основные факторы и угрозы экономической безопасности хозяйствующих субъектов территорий и разработанная на её основе авторская система основных показателей оценки экономической безопасности хозяйствующих субъектов территорий. Даны предложения по проведению диагностики и мониторингу рисков, построению рейтинга экономической безопасности хозяйствующих субъектов территорий.

Процедуру мониторинга экономической безопасности хозяйствующих субъектов территорий на основе риск-ориентированного подхода можно представить в виде пяти взаимосвязанных этапов, включающих сбор данных о предприятиях и расчет необходимых показателей; формирование системы показателей, являющихся факторами риска; обработку показателей; построение интегральной модели оценки потенциала и риска; оценку комплексного уровня экономической безопасности хозяйствующих субъектов территорий и принятие управленческих решений в сфере развития и поддержки субъектов малого бизнеса на уровне территорий.

Ключевые слова: экономическая безопасность, диагностика, рейтинг, индикаторы, риск, угрозы, мониторинг, малый бизнес

* **Каранина Елена Валерьевна** — доктор экономических наук, заведующая кафедрой финансов и экономической безопасности Вятского государственного университета, руководитель проекта «Разработка методологии комплексной экспресс-диагностики уровня экономической безопасности и модели рейтингования регионов современной России на основе анализа факторов угроз и риск-ориентированной системы индикаторов» (17-02-00179а).

E-mail: kafinanc@yandex.ru

Рязанова Олеся Александровна — ассистент кафедры финансов и экономической безопасности Вятского государственного университета, исполнитель того же проекта.

E-mail: olesya_pihota@mail.ru

Введение

Состояние экономической безопасности субъектов малого бизнеса является одним из ключевых условий устойчивого экономического развития территорий и определяет её положение в системе региональной и национальной безопасности. На уровне территорий малый бизнес первым занял нишу экономических видов деятельности, ориентированных на удовлетворение региональных и местных потребностей. Во всех регионах страны субъекты малого бизнеса на 80% используют местные ресурсы [1], на 85% удовлетворяют потребности местного рынка, при этом более 95–98% хозяйствующих субъектов территории функционируют как малые предприятия.

В последние годы динамика развития малого бизнеса является отрицательной. Доля малых предприятий в обороте предприятий по экономике в целом постепенно снижается (по данным Федеральной службы государственной статистики), а доля экспорта указанных предприятий в общем объёме экспорта России составляет не более 6% (по данным Федеральной таможенной службы). Инновационная и инвестиционная активность остаётся крайне низкой. Недостаточный платежеспособный спрос и низкий уровень развития бизнес-инфраструктуры отдельных территорий (прежде всего монопрофильных городов и муниципальных образований, удалённых от административных центров) препятствуют ведению эффективной предпринимательской деятельности.

Малый бизнес подвержен влиянию целого ряда негативных факторов и условий (динамика налогового бремени, рост темпов инфляции, ухудшение инвестиционного климата, снижение доходов населения и др.), что отрицательно влияет на себестоимость продукции и эффективность бизнеса, инвестиционные цели, финансовую устойчивость и экономическую безопасность хозяйствующих субъектов.

Таким образом, в России нарастает острая необходимость формирования

фундаментальной теории экономической безопасности на уровне хозяйствующих субъектов территорий. Анализ предлагаемых подходов к оценке системы диагностики и мониторинга экономической безопасности территорий позволяет сделать вывод о недостаточной степени изученности этой проблемы. В имеющихся методиках неоднозначно трактуются факторы экономической безопасности территорий и отсутствуют практические рекомендации по их оценке и использованию методик в работе. Всестороннее исследование вопроса развития системы диагностики и мониторинга экономической безопасности территорий и разработка на этой основе качественно нового, действенного риск-ориентированного подхода позволят частично устранить имеющиеся пробелы.

Теоретические аспекты развития диагностики и мониторинга экономической безопасности хозяйствующих субъектов

Первые научные публикации, касающиеся исследования теории и методологии экономической безопасности, были осуществлены зарубежными учёными и относились к уровню государства. Российские учёные изучают тему экономической безопасности с начала 1990-х гг. Место малого бизнеса в системе экономической безопасности страны, его роль в экономике государства в периоды финансовой нестабильности, а также значение как показателя финансовой устойчивости экономической системы страны и территории представлены в трудах В.К. Сенчагова, Н.Д. Эриашвили, О.А. Мироновой, В.И. Бобошко, Н.М. Бобошко, В.В. Криворотова, Р.Р. Айбятковой, А.Д. Саркисян, В.И. Бросалина, Н.В. Артемьева, А.В. Коротковой, С.А. Иванова, Н.И. Уткина и др.

Понятие «экономическая безопасность», факторы, её определяющие, методы, методики и модели оценки, в том числе на предприятиях малого бизнеса, раскрыты в работах В.И. Бобошко, С.Е. Лелюхина, Е.В. Ка-

раниной, С.Г. Симонова, М.А. Хаматхановой, Д.А. Сафонова, С.Г. Симонова, А.Г. Дурцевой, А.А. Кизим, П.А. Солахова, О.И. Васильчук, А.С. Лосевой и др.

Теоретическое исследование сущности, содержания и основных элементов экономической безопасности субъектов малого бизнеса необходимо начать с изучения существующего понятийно-терминологического аппарата. Современное представление о сущности исследуемой области изобилует различными подходами к трактовке определений понятия (табл. 1).

Изучая данные определения, можно сделать вывод о том, что у современных экономистов нет единого мнения по данному вопросу. Часть авторов связывает понятие «экономическая безопасность субъектов малого бизнеса» с возможностями и способностями эффективно использовать ресурсы предприятия для обеспечения устойчивости, предотвращения угроз, стабильного функционирования и развития бизнеса; другие — с состояни-

ем защищённости предприятия, его капитала и ресурсов от различных угроз.

По нашему мнению, «экономическая безопасность субъектов малого бизнеса» — это состояние защищённости экономики хозяйствующего субъекта, для которого характерно наличие возможностей обеспечения динамичным ростом, стабильный уровень финансовой устойчивости независимо от внешних и внутренних факторов, оказывающих негативное влияние.

Для оценки того, насколько рискован или безопасен тот или иной хозяйствующий субъект, требуется научно-обоснованный инструментарий, т.е. методики, основанные на системе критериев и показателей оценки экономической безопасности, позволяющие, в том числе, формировать рейтинги.

Экономическая безопасность субъектов малого бизнеса невозможна без роста числа зарегистрированных юридических лиц и показателей, характеризующих их эффективность. В настоящее

Таблица 1

Авторские подходы к содержанию концепции экономической безопасности субъектов малого бизнеса [2–8]

Авторы	Определение термина «экономическая безопасность субъектов малого бизнеса»
В.И. Бобошко, Н.М. Бобошко	«...возможность обеспечения его устойчивости в разнообразных, в том числе и в неблагоприятных условиях, которые образуются во внешней среде вне зависимости от меры ее воздействия на финансово-хозяйственную деятельность предприятия, масштаба и характера внутренних изменений» (широкая трактовка понятия)
О.И. Васильчук	«...это сочетание экономических и правовых условий, которые обеспечивают устойчивое осуществление фактов предпринимательской жизни в длительной перспективе законными и эффективными методами»
С.А. Иванов, Н.И. Уткин.	«...состояние защищенности субъекта предпринимательской деятельности, его капитала и иных корпоративных ресурсов на различных стадиях их функционирования от внешних и внутренних угроз, которые могут иметь негативные последствия»
А.А. Кизим, П.А. Солахов, К.А. Лукьянцева	«...отражает способность экономической системы к выживанию и развитию в условиях внутренних и внешних угроз, а также действия непредсказуемых и трудно прогнозируемых факторов»
А.В. Короткова	«...это качественная характеристика экономической системы хозяйствующего субъекта, определяющая ее способность поддерживать нормальные условия деятельности бизнеса, устойчивое обеспечение ресурсами, а также последовательную реализацию интересов собственников и государства»
А.Д. Саркисян	«...конкретное функционирование предприятия, при котором наиболее эффективно используются ресурсы для предотвращения угроз и обеспечение её бесперебойного функционирования»
С.Г. Симонов, М.А. Хаматханова, Д.А. Сафонов	«...обеспечение наиболее эффективного использования ресурсов малого предприятия для упреждения угроз, обнаружения уязвимостей и возможности стабильного ее функционирования»

Таблица 2

Число субъектов малого бизнеса [10]

Субъект	Малые предприятия, всего (в том числе микропредприятия)					
	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Российская Федерация	1 836 432 (1 593 755)	2 003 038 (1 759 973)	2 063 126 (1 828 589)	2 103 780 (1 868 201)	2 222 359 (1 989 994)	2 770 562 (2 597 646)
<i>Приволжский федеральный округ</i>	336 152 (289 823)	358 532 (310 181)	374 237 (327 573)	368 810 (322 631)	425 010 (322 631)	484 013 (449 107)
Республика Башкортостан	32 445 (27 056)	38 899 (33 457)	40 834 (35 767)	41 553 (36 455)	46 436 (41 934)	49 578 (46 901)
Республика Марий Эл	6 996 (6 114)	7 603 (6 684)	8 706 (7 764)	9 467 (8 508)	9 650 (8 607)	10 979 (10 167)
Республика Мордовия	6 258 (5 084)	7 146 (5 919)	6 794 (5 646)	7 147 (6 074)	6 406 (5 431)	7 686 (6 668)
Республика Татарстан	45 930 (39 497)	47 900 (41 549)	49 617 (43 975)	48 844 (43 238)	70 828 (63 799)	74 559 (68 563)
Удмуртская Республика	20 006 (17 305)	19 627 (17 167)	20 268 (17 827)	21 642 (19 117)	23 529 (20 976)	27 593 (25 518)
Чувашская Республика	14 185 (12 112)	13 975 (12 180)	14 589 (12 780)	15 807 (14 025)	15 221 (13 531)	17 482 (15 707)
Пермский край	36 440 (32 193)	34 227 (30 040)	35 344 (30 963)	35 451 (31 260)	57 996 (53 049)	60 816 (58 353)
Кировская область	17 748 (14 938)	19 928 (17 010)	22 070 (19 320)	23 938 (21 291)	22 899 (20 511)	25 436 (23 623)
Нижегородская область	41 274 (34 932)	38 350 (31 919)	38 604 (31 751)	35 754 (28 689)	41 452 (35 668)	51 253 (44 733)
Оренбургская область	17 249 (15 108)	18 064 (15 464)	18 892 (16 647)	19 257 (17 077)	19 328 (16 953)	20 792 (19 422)
Пензенская область	12 733 (10 910)	17 301 (15 181)	17 475 (15 523)	16 150 (14 327)	15 027 (13 246)	16 867 (15 823)
Самарская область	47 760 (42 494)	52 004 (45 309)	53 271 (46 959)	46 911 (40 872)	54 094 (48 525)	70 263 (66 622)
Саратовская область	23 396 (20 340)	27 691 (24 547)	30 670 (27 596)	30 931 (27 692)	25 942 (22 932)	31 122 (28 821)
Ульяновская область	13 732 (11 740)	15 817 (13 755)	17 103 (15 055)	15 958 (14 006)	16 202 (14 368)	19 587 (18 180)

время наблюдается устойчивая тенденция увеличения количества хозяйствующих субъектов (табл. 2) и численности занятых здесь работников. Так, например, по итогам 2016 г. в Кировской области функционировали 25 436 малых предприятий (включая микропредприятия). Всего в сфере малого бизнеса (по оценочным данным) занято 215,3 тыс. человек [9] (по данным Федеральной службы государственной статистики – 115,4 тыс. человек за 2016 г. [10]).

Оказывая мощное воздействие на экономику, политику, социальную сферу, малый бизнес зависит от многочисленных внешних (экономических, политических, организационных и др.) и внутренних (финансовых и нефинансовых) факторов. Основные факторы, определяющие уровень экономической безопасности хозяйствующих субъектов территорий, представлены на рис. 1. Однако не все из них могут быть объективно оценены.

Рис. 1. Система основных факторов экономической безопасности хозяйствующих субъектов территорий

С.Г.Симонов и А.Г.Дурцева предлагают для экономической безопасности субъектов малого бизнеса использовать показатели:

1. финансовой устойчивости:

- коэффициент абсолютной ликвидности;
- коэффициент критической ликвидности;
- коэффициент текущей ликвидности;
- коэффициент автономии;
- коэффициент обеспеченности оборотных активов собственными источниками оборотных средств;
- коэффициент обеспеченности запасов и затрат собственными источниками их формирования;
- технического состояния и движения основных средств: коэффициент износа;

2. трудовые ресурсы и проводимая кадровая политика:

- коэффициенты текучести, прибытия, выбытия и постоянства персонала;
- коэффициент среднегодовой выработки продукции одним работающим;
- показатель рентабельности персонала;

- показатель трудоёмкости продукции и чистая прибыль на денежную единицу заработной платы.

От того, насколько точно идентифицированы угрозы, от правильного выбора критериев и показателей их измерения зависят степень релевантности и полезности оценки экономической безопасности хозяйствующих субъектов территорий и комплекс необходимых мер по предупреждению и минимизации опасности, соответствующим масштабу и характеру угроз.

Опираясь на исследования В.В.Кривоногова, А.В.Калина, Н.Д.Эриашвили [11], составим обобщённую схему диагностики и мониторинга экономической безопасности хозяйствующих субъектов территорий (рис. 2).

При диагностике и мониторинге необходимо дать оценку угроз безопасности, степени их проявления в деятельности хозяйствующего субъекта. Это позволит в дальнейшем сформировать перечень мероприятий по нейтрализации угроз, а также определить территории и сферы веде-

ния бизнеса для перспективного развития экономики территории и региона. Оптимальным методом проведения диагностики и мониторинга экономической безопасности хозяйствующих субъектов территорий является индикативный анализ.

Методология формирования алгоритма мониторинга факторов и индикаторов экономической безопасности хозяйствующих субъектов

Процедуру мониторинга экономической безопасности хозяйствующих субъектов территорий на основе риск-ориен-

тированного подхода можно условно разделить на пять основных этапов (рис. 3).

Система диагностики и мониторинга факторов экономической безопасности субъектов малого бизнеса должна строиться на объективных и чётких индикаторах, которые могут быть однозначно идентифицированы. На наш взгляд, эти индикаторы можно разделить на две группы: показатели потенциала и показатели риска.

На первом этапе происходит сбор данных о предприятии и расчёт необходимых показателей, которые отражают эффективность работы предприятия, инве-

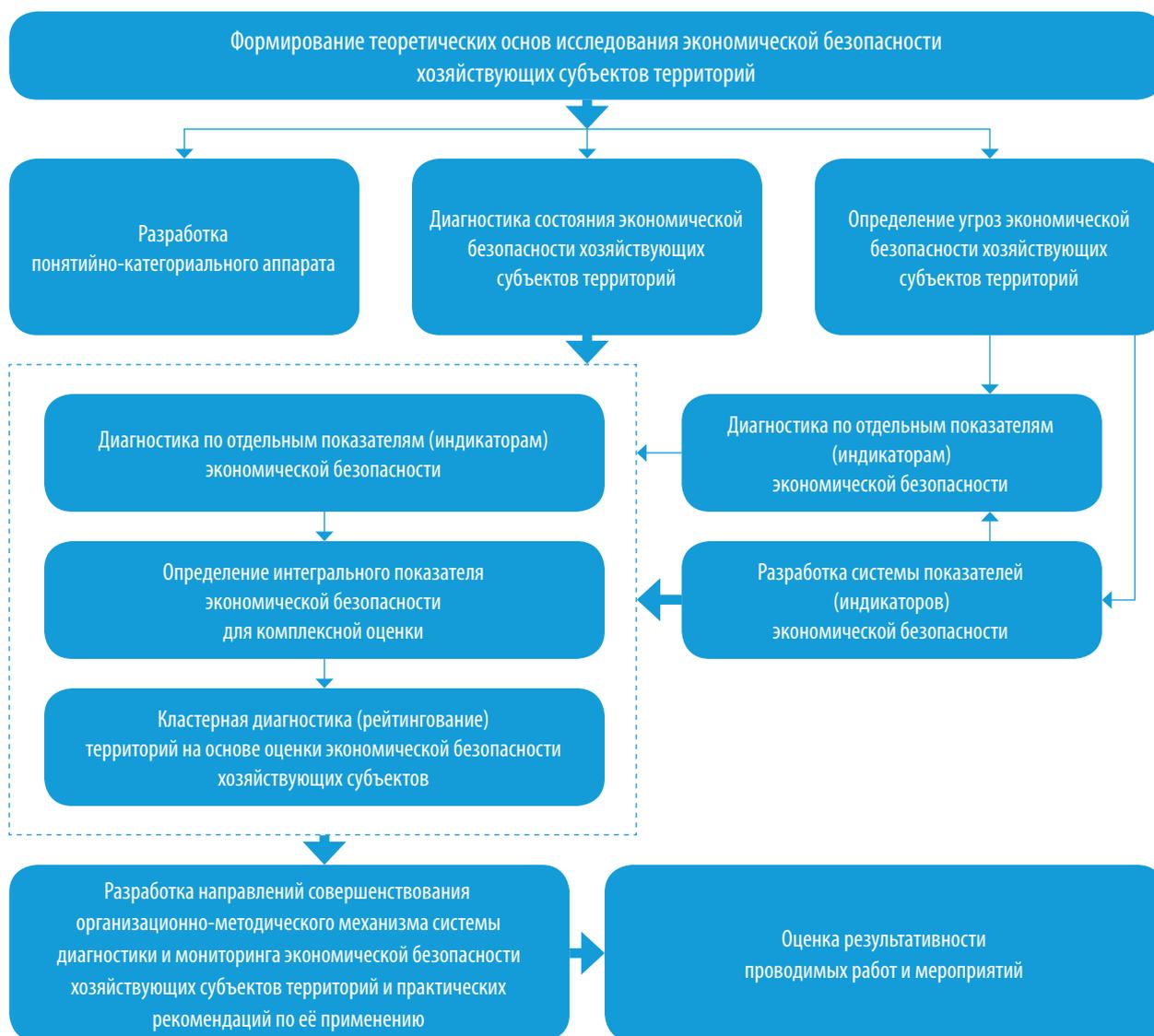

Рис. 2. Обобщённая схема диагностики и мониторинга экономической безопасности хозяйствующих субъектов территорий

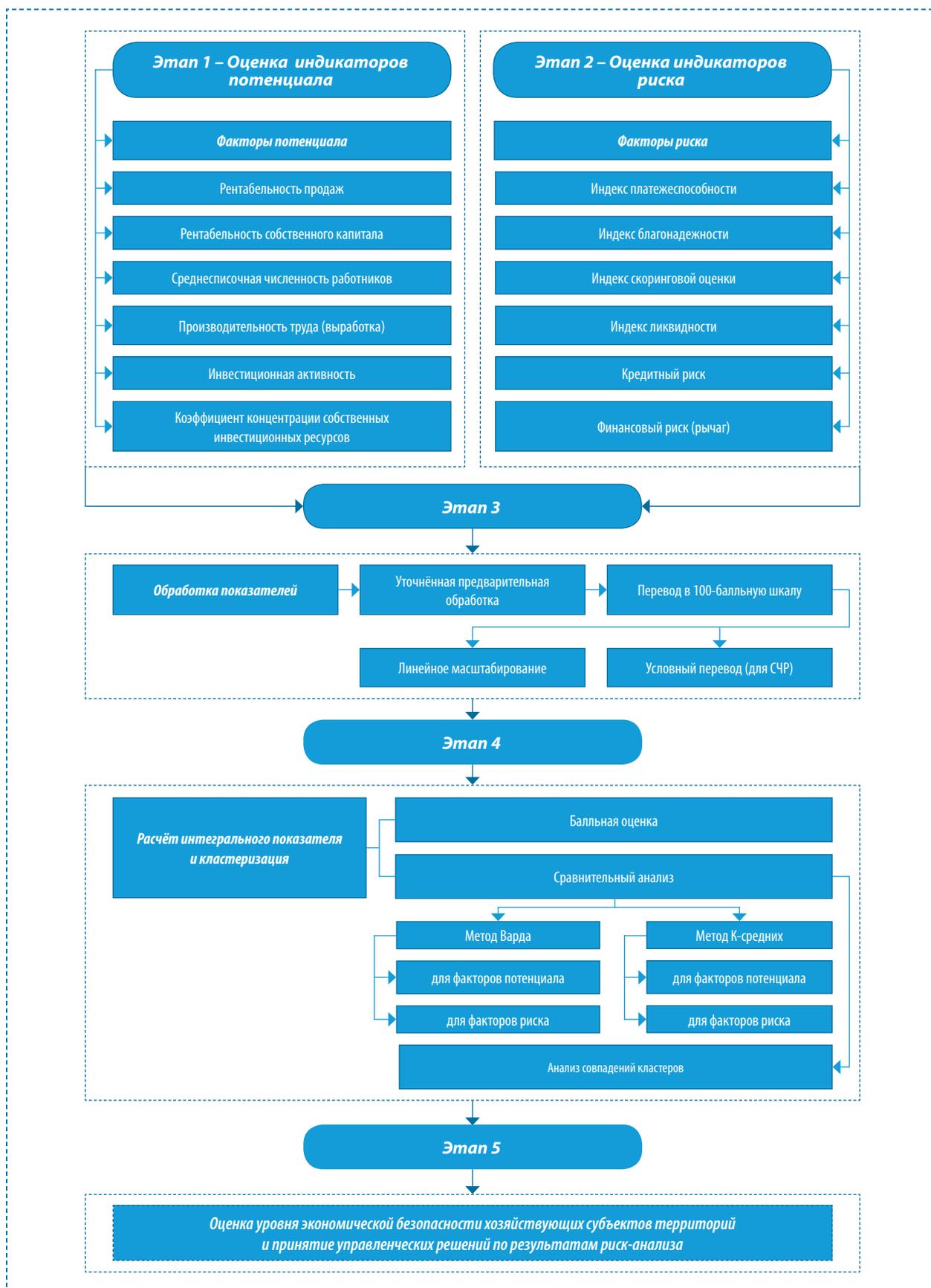

Рис. 3. Процедура мониторинга экономической безопасности хозяйствующих субъектов территорий на основе риск-ориентированного подхода

стиционную привлекательность для владельцев бизнеса, эффективность использования трудовых ресурсов, инвестиционную активность, а также концентрацию собственных инвестиционных ресурсов.

На втором этапе формируется система показателей, являющихся факторами риска. Основные риски финансово-хозяйственной деятельности любого хозяйствующего субъекта связаны с потерей платёжеспособности, ликвидностью, зависимостью от внешних источников финансирования. В результате основными факторами риска для хозяйствующих субъектов территорий становятся индексы платёжеспособности, благонадёжности, скоринговой оценки, ликвидности, кредитный риск, финансовый риск (коэффициент финансового рычага).

В методику оценки экономической безопасности вошли показатели, рассчитываемые на основе бухгалтерской (финансовой) отчётности и данных информационно-аналитических систем (специальные платные сервисы), которые выступают в качестве инструмента для снижения коммерческих рисков [12]. Системы, как правило, объединяют полную базу данных юридических лиц. Сегодня в России достаточно активно формируется рынок профильных, нацеленных на проверку контрагента, информационно-аналитических систем, таких как Интегрум, СПАРК, Seldon.Basis и «Глобас-и» и др. Данные системы дают оценку надёжности компании (проверка на наличие признаков фирмы-однодневки), а также финансового состояния (прежде всего риск банкротства).

На третьем этапе проводится обработка показателей, которая включает уточнённую предварительную обработку (по отсутствующим данным или некорректным значениям). Далее все показатели переводятся в единую нормированную шкалу от 1 балла (наихудший результат, например, минимальный потенциал или максимальный риск) до 100 баллов (наилучший результат — максимальный потенциал или минимальный риск). Перевод показателей

для предприятия осуществляется на основе формул линейного масштабирования. Для показателя «среднесписочная численность работников» перевод условный (показатель масштаба). В результате этого преобразования все показатели приобретают единую размерность (баллы) и единый масштаб изменений.

На четвёртом этапе строится интегральная оценка на основе сопоставления обобщённой характеристики потенциала и обобщённого риска. Разбиение объектов исследования на кластеры осуществляется методом балльной оценки и определения интегрального показателя оценки экономической безопасности территории для ранжирования предприятий в рамках кластера. Для оценки чистоты и правильности балльной оценки проводится сравнительная оценка методами Варда и К-средних, что позволяет также оценить совпадение кластеров.

На заключительном пятом этапе оценивается уровень экономической безопасности хозяйствующих субъектов территорий и принимаются управленческие решения по их поддержке.

Механизм кластерной диагностики (рейтингования) территорий

Механизм кластерной диагностики (рейтингования) территорий на основе риск-ориентированного подхода к оценке экономической безопасности состоит в разбиении объектов исследования по параметрам потенциала и риска на кластеры методом балльной оценки и определении интегрального показателя оценки уровня экономической безопасности для ранжирования предприятий в рамках кластера (рис. 4). Для оценки чистоты и правильности балльной оценки проверка будет осуществлена методами Варда и К-средних.

На основе выделения четырёх типов предприятий по потенциалу и трёх — по уровню риска возможно формирование 12 кластеров хозяйствующих субъектов. Однако часть кластеров на практике не сформируется, так, например, пред-

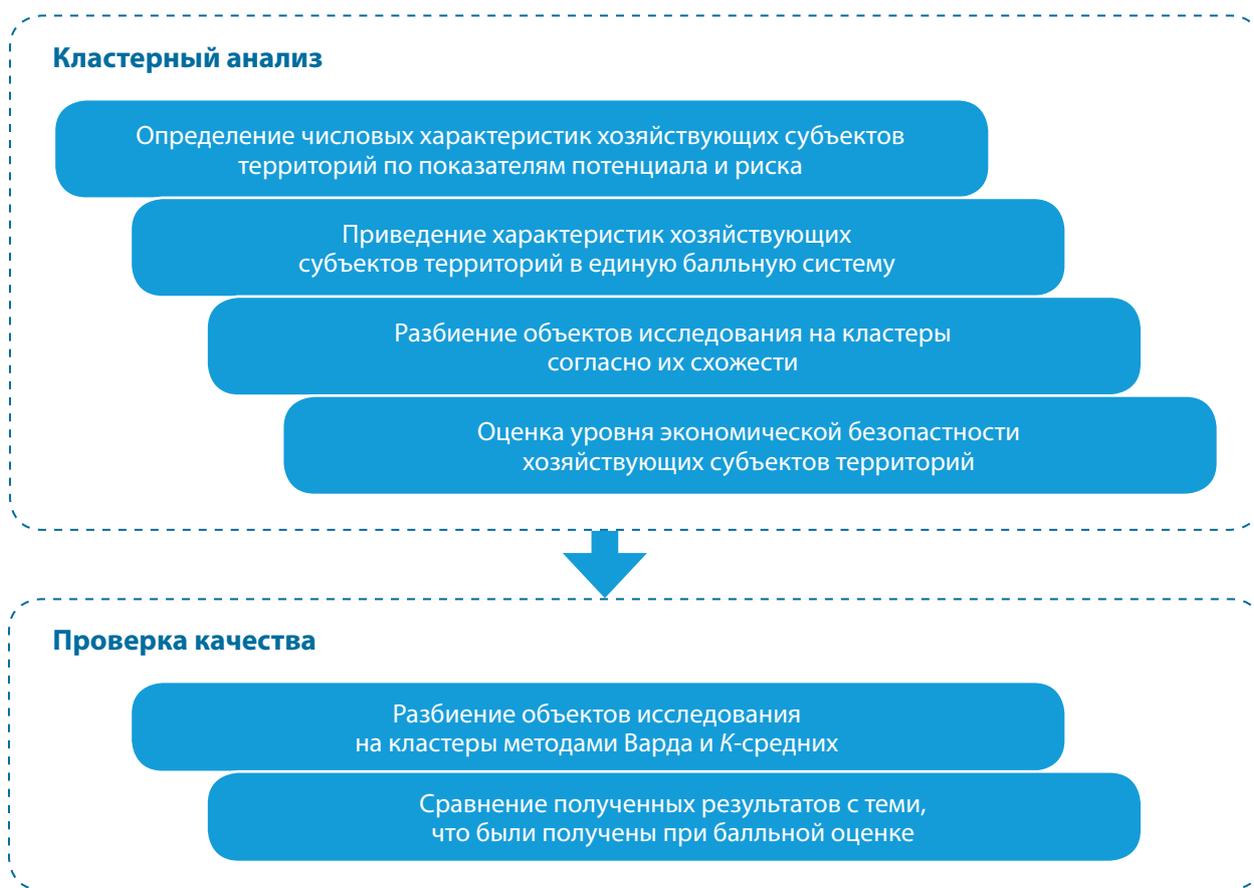

Рис. 4. Этапы реализации методики кластерного анализа

приятие не может успешно функционировать, обладая и высоким потенциалом и высоким уровнем риска.

Для проведения диагностики и мониторинга экономической безопасности были сформированы исходные данные (база предприятий) за 2016 г., включающие показатели 1502 организаций (моногородов) Кировской области (в том числе 1459 субъектов малого бизнеса). База предприятий была создана по данным информационного агентства Credinform [13].

Используя результаты проведенного мониторинга на основе риск-ориентированного подхода, проанализируем полученные распределения предприятий по кластерам методом балльной оценки в разрезе территорий и отраслей (табл. 4, 5). Всего в выборку вошли 955 субъектов малого бизнеса, из которых 387 предприятий (или 40,5%) относятся к седьмому кластеру (рис. 5), 207 – к восьмому кластеру (или 21,7%), что в целом говорит о том, что

подавляющее число малых предприятий в монопрофильных муниципальных образованиях Кировской области относится к предприятиям с пониженным потен-

Таблица 3
Возможные типы кластеров

Кластер	Характеристика
1	Высокий потенциал — низкий риск
2	Высокий потенциал — умеренный риск
3	Высокий потенциал — высокий риск
4	Умеренный потенциал — низкий риск
5	Умеренный потенциал — умеренный риск
6	Умеренный потенциал — высокий риск
7	Пониженный потенциал — низкий риск
8	Пониженный потенциал — умеренный риск
9	Пониженный потенциал — высокий риск
10	Низкий потенциал — низкий риск
11	Низкий потенциал — умеренный риск
12	Низкий потенциал — высокий риск

Таблица 4

Возможные типы кластеров

Монопрофильное муниципальное образование	Кластеры												Итого
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
г. Белая Холуница	1	0	0	3	5	5	17	12	3	0	3	3	52
г. Вятские Поляны	6	0	0	12	25	4	101	40	3	0	21	5	217
г. Кирово-Чепецк	37	11	0	12	57	18	174	96	7	1	21	13	447
г. Кирс	0	0	0	1	4	2	14	10	2	0	3	2	38
г. Луза	4	0	0	1	1	1	9	10	4	0	1	0	31
г. Омутнинск	2	0	0	0	7	2	32	7	6	1	6	3	66
г. Уржум	1	0	0	2	4	0	11	9	0	0	2	2	31
пгт. Демьяново	0	0	0	0	1	1	9	8	1	0	0	1	21
пгт. Красная Поляна	1	0	0	0	2	1	14	4	2	0	1	0	25
пгт. Мурыгино	1	0	0	0	2	0	5	10	1	0	2	1	22
пгт. Стрижи	1	0	0	0	1	1	1	1	0	0	0	0	5
Итого	54	11	0	31	109	35	387	207	29	2	60	30	955
Удельный вес по кластерам, %	5,7	1,2	0,0	3,3	11,4	3,66	40,5	21,7	3,0	0,2	6,3	3,1	100

Таблица 5

Распределение хозяйствующих субъектов по кластерам в разрезе видов экономической деятельности методом балльной оценки

Разделы видов экономической деятельности	Кластеры												Итого	Уд.вес раздела, %
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	1	0	0	0	2		12	13	1		3	2	34	3,56
Добыча полезных ископаемых	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	2	0	3	0,31
Обрабатывающие производства	7	0	0	5	17	7	66	48	5	1	10	3	169	17,7
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	3	0	0	0	3	3	5	3	1	0	2	0	20	2,09
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	0	0	0	0	0	2	4	2	0	0	0	1	9	0,94
Строительство	7	0	0	3	9	3	42	30	1	0	3	2	100	10,5
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	6	1	0	7	34	8	104	52	9	1	15	4	241	25,2
Транспортировка и хранение	1	1	0	2	6	1	20	10	5	0	2	1	49	5,13
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	0	0	0	0	7	1	21	10	2	0	1	3	45	4,71
Деятельность в области информации и связи	1	0	0	0	2	0	8	3	0	0	3	3	20	2,09
Деятельность финансовая и страховая	1	0	0	5	2	2	8	2	0	0	3	1	24	2,51
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	16	6	0	2	10	3	30	16	3	0	5	1	92	9,63
Деятельность профессиональная, научная и техническая	4	2	0	2	3	0	16	5	0	0	3	1	36	3,77
Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	4	1	0	2	5	2	14	3	1	0	5	3	40	4,19
Образование	0	0	0	1	1	2	5	1	1	0	0	0	11	1,15
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	0	0	0	1	2	0	10	1	0	0	0	2	16	1,68
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	1	0	0	0	1	0	5	1	0	0	0	0	8	0,84
Предоставление прочих видов услуг	2	0	0	1	5	1	16	7	0	0	3	3	38	3,98
Итого	54	11	0	31	109	35	387	207	29	2	60	30	955	100
Удельный вес по кластерам, %	5,65	1,15	0,00	3,25	11,41	3,66	40,52	21,68	3,04	0,21	6,28	3,14	100	-

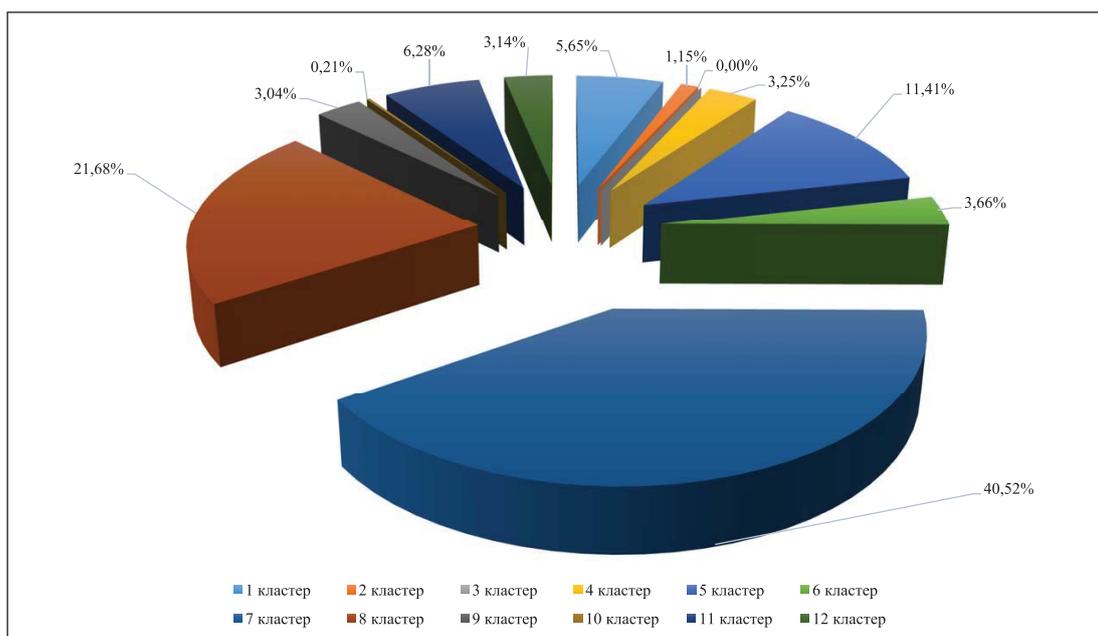

Рис. 5. Распределение хозяйствующих субъектов по кластерам, %

циалом и низким или умеренным уровнем риска, 175 предприятий (или 18,3%) обладают умеренным потенциалом при различном уровне риска, 65 предприятий (или 6,8%) – высоким потенциалом и 92 предприятия (или 9,6%) – низким потенциалом [14].

Распределение хозяйствующих субъектов по кластерам в разрезе видов экономической деятельности даёт информацию об отраслевой специализации малого бизнеса, а также об уровне потенциала и риска каждой отрасли. Так, наиболее популярным видом деятельности являются оптовая и розничная торговля, доля которой в выборке хозяйствующих субъектов составляет 25,2%. Из 241 предприятия данной отрасли 104 предприятия относятся к седьмому кластеру, 52 – к восьмому кластеру, что связано с относительно невысокими результатами работы, немногочисленностью сотрудников и низким или умеренным уровнем риска. Именно поэтому данная сфера традиционно занимает лидирующие позиции по числу малых предприятий.

Второй по величине сферой являются обрабатывающие производства (в основном это производство хлеба, пилома-

териалов, распиловка и строгание древесины, производство пластмасс, одежды, кирпича и др.), на которые приходится 17,7%, или 169 предприятий, большинство из которых также относится к седьмому и восьмому кластерам.

Строительство – третья отрасль в экономике монотерриторий Кировской области, здесь задействовано 100 предприятий (10,5%), из которых 72 относятся к седьмому и восьмому кластерам [15].

Другой немаловажной отраслью малого бизнеса являются операции с недвижимым имуществом, здесь функционируют 92 предприятия (9,6%), 30 из которых относятся к седьмому кластеру, по 16 субъектов хозяйствования – к первому и восьмому кластерам, что в совокупности составляет более 67% от общего числа хозяйствующих субъектов. Именно в данной сфере сконцентрировано максимальное число предприятий, относящихся к первому кластеру (повышенный потенциал – низкий риск), что говорит о его привлекательности для кредиторов (инвесторов).

Наименее востребованными сферами ведения бизнеса являются добыча полезных ископаемых (в силу их небольшого количества по сравнению с дру-

гими регионами), а также образование, деятельность здравоохранения и социальных услуг, культуры, спорта, организации досуга и развлечений.

Заключение

Таким образом, детализация и прикладной характер системы диагностики и мониторинга экономической безопасности хозяйствующих субъектов территорий и построения рейтинга на её основе зависят от поставленных целей и запросов пользователей, а также от различных факторов информационного, временного, методического, кадрового и технического обеспечения. Предлагаемая система диагностики и мониторинга на основе риск-ориентированного подхода имеет высокий уровень практической ценности для всех предпринимательских структур и прочих стейкхолдеров, которая состоит в возможности:

- интерпретации рейтинга экономической безопасности;
- совершенствования нормативно-правового обеспечения организационно-методического механизма системы диагностики и мониторинга;
- совершенствования паспортов инвестиционной привлекательности для монотерриторий Кировской области;
- реализации нового риск-ориентированного подхода расчёта ставки дисконтирования в рамках методов кумулятивного построения и среднеотраслевой рентабельности активов и капитала для оценочных организаций;
- разработки программно-аналитического обеспечения диагностики индикаторов экономической безопасности;
- разработки алгоритма принятия управленческих решений по результатам мониторинга факторов экономической безопасности хозяйствующих субъектов территорий на основе комплексного риск-ориентированного подхода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агаларова Е.Г. Малый бизнес как фактор устойчивого развития сельских территорий // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2012. № 77. С. 959–968.
2. Бобошко В.И. Роль государственного регулирования экономической безопасности малого и среднего бизнеса на современном этапе развития экономики / Бобошко В.И., Бобошко Н.М. // Вестник Костромского государственного университета. 2014. Т. 20. № 2. С. 76–80.
3. Васильчук О.И. Процедуры аудита деятельности предприятий малого и среднего бизнеса, направленные на обеспечение экономической безопасности // Инновационное развитие экономики. 2011. № 3. С. 17–26.
4. Иванов С.А. Малый бизнес как стратегический ресурс развития экономической безопасности / Иванов С.А., Уткин Н.И. // Вестник Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России. 2009. № 1. С. 114–129.
5. Кизим А.А. Экономическая безопасность малого бизнеса в условиях кластеризации / Кизим А.А., Солахов П.А., Лукьянцева К.А. // Государственное и муниципальное управление. Учёные записки СКАГС. 2016. № 3. С. 137–145.
6. Короткова А.В. Экономическая безопасность малого бизнеса // Инновационное развитие экономики. 2016. Т. 2. № 6 (36). С. 262–265.
7. Саркисян А.Д. Экономическая безопасность малого бизнеса как показатель устойчивости экономической системы государства и региона // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2017. № 10 (89). С. 96–99.
8. Симонов С.Г. Алгоритм оценки экономической безопасности субъектов среднего и малого бизнеса / Симонов С.Г., Дурцева А.Г. // Вестник кибернетики. 2014. № 3 (15). С. 47–56.

9. Правительство Кировской области. [Электронный ресурс]. Официальный сайт. Режим доступа: <http://www.kirovreg.ru> (дата обращения: 15.12.2017).
10. Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kirovstat.gks.ru/> (дата обращения: 04.12.2017).
11. Криворотов В.В. Экономическая безопасность государства и регионов: Учебное пособие / В.В.Криворотов, А.В.Калина, Н.Д.Эриашвили. М.: Юнити-Дана, 2015; То же [Электронный ресурс]. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=118280> (дата обращения: 13.01.2018).
12. Каранина Е.В. Информационно-аналитические системы как инструмент предупреждения кредитных рисков предприятий малого бизнеса / Каранина Е.В., Рязанова О.А. // Экономика и управление: проблемы, решения. 2016. Т. 2. № 8. С. 327–331.
13. Информационно-аналитическая система Глобас-і. Credinform. [Электронный ресурс]. <http://www.credinform.ru/ru-RU/globas> (дата обращения: 11.12.2017).
14. Каранина Е.В. Риск-ориентированный подход к рейтингованию конкурентоспособности предприятий малого бизнеса в системе экономической безопасности региона / Е.В.Каранина, О.А. Рязанова // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. № 8. Т. 3. С. 96–103.
15. Каранина Е.В. Концептуальный подход к оценке инвестиционной безопасности территории с позиции рисков кредитоспособности субъектов малого бизнеса (на примере моногородов Кировской области) / Каранина Е.В., Рязанова О.А. // Инновационное развитие экономики. 2017. № 4 (40). С. 250–259.

ENGLISH

Developing the System of Diagnostics and Monitoring of Business Performance in the Regions (Case of Kirov Region)

Elena Valerievna Karanina – Dr. of Economics, Head of Department of Finance and Economic Security at Vyatka State University, head of the project “Development of methodology for compound express diagnostics of the economic security level and ranking of modern Russia’s regions based on threat factors and risk-focused indicators” (17-02-00179a).

E-mail: kafinanc@yandex.ru

Olesya Aleksandrovna Ryzanova – assistant at the Department of Finance and Economic Security, Vyatka State University, co-author in the same project.

E-mail: olesya_pihota@mail.ru

The paper shows the place and role of businesses in the system of economic security of the regions. It examines various approaches to the definition of “economic security of small businesses”. It presents the main factors and threats to the businesses in the regions and the authors’ system of core indicators measuring the economic security of regional businesses developed on its basis. It suggests how to diagnose and monitor risks as well as rank the economic security of regional businesses.

The monitoring procedure for the economic security of regional businesses based on the risk-focused approach features five inter-connected stages that include the collection of data about enterprises and calculation of required indicators; formation of the system of indicators deemed risk factors; processing of indicators; construction of the integral model of potential and risk assessment; assessment of the overall level of economic security of regional businesses and making managerial decisions in development and support of small businesses at the regional scale.

Keywords: economic security, diagnostics, ranking, indicators, risk, threats, monitoring, small businesses

REFERENCES

1. Agalarova E.G. Malyy biznes kak faktor ustoychivogo razvitiya sel'skikh territoriy // Polite-micheskiiy setevoy elektronnyy nauchnyy zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrar-nogo universiteta. 2012. № 77. S. 959–968 (in Russian).
2. Boboshko V.I. Rol' gosudarstvennogo regulirovaniya ekonomicheskoy bezopasnosti malo-go i srednego biznesa na sovremennom etape razvitiya ekonomiki / Boboshko V.I., Boboshko N.M. // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. T. 20. № 2. S. 76–80 (in Russian).
3. Vasil'chuk O.I. Protседury audita deyatelnosti predpriyatiy malogo i srednego biznesa, naprav-lennye na obespechenie ekonomicheskoy bezopasnosti // Innovatsionnoe razvitie ekonomiki. 2011. № 3. S. 17–26 (in Russian).
4. Ivanov S.A. Malyy biznes kak strategicheskiiy resurs razvitiya ekonomicheskoy bezopasno-sti / Ivanov S.A., Utkin N.I. // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta GPS MCHS Rossii. 2009. №1. S. 114–129 (in Russian).
5. Kizim A.A. Ekonomicheskaya bezopasnost' malogo biznesa v usloviyakh klasterizatsii / Kizim A.A., Solakhov P.A., Luk'yantseva K.A. // Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravle-nie. Uchyonye zapiski SKAGS. 2016. № 3. S. 137–145 (in Russian).
6. Korotkova A.V. Ekonomicheskaya bezopasnost' malogo biznesa // Innovatsionnoe razvitie ekonomiki. 2016. T. 2. № 6 (36). S. 262–265 (in Russian).
7. Sarkisyan A.D. Ekonomicheskaya bezopasnost' malogo biznesa kak pokazatel' ustoychivosti ekonomicheskoy sistemy gosudarstva i regiona // Nauka i obrazovanie: khozyaystvo i ekono-mika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. 2017. № 10 (89). S. 96–99 (in Russian).
8. Simonov S.G. Algoritm otsenki ekonomicheskoy bezopasnosti sub"ektov srednego i malogo biz-nesa / Simonov S.G., Durtseva A.G. // Vestnik kibernetiki. 2014. № 3 (15). S. 47–56 (in Russian).
9. Pravitel'stvo Kirovskoy oblasti. [Elektronnyy resurs]. Ofitsial'nyy sayt. Rezhim dostupa: <http://www.kirovreg.ru> (data obrashcheniya: 15.12.2017) (in Russian).
10. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki. Ofitsial'nyy sayt. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <http://kirovstat.gks.ru/> (data obrashcheniya: 04.12.2017) (in Russian).
11. Krivorotov V.V. Ekonomicheskaya bezopasnost' gosudarstva i regionov: Uchebnoe posobie / V.V.Krivorotov, A.V.Kalina, N.D.Eriashvili. M.: Yuniti-Dana, 2015; To zhe [Elektronnyy resurs]. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=118280> (data obrashcheniya: 13.01.2018) (in Russian).
12. Karanina E.V. Informatsionno-analiticheskie sistemy kak instrument preduprezhdeniya kredit-nykh riskov predpriyatiy malogo biznesa / Karanina E.V., Ryazanova O.A. // Ekonomika i uprav-lenie: problemy, resheniya. 2016. T. 2. № 8. S. 327–331 (in Russian).
13. Informatsionno-analiticheskaya sistema Globas-i. Credinform. [Elektronnyy resurs]. <http://www.credinform.ru/ru-RU/globas> (data obrashcheniya: 11.12.2017) (in Russian).
14. Karanina E.V. Riskorientirovanny podkhod k reytingovaniyu konkurentosposobnosti predpri-yatiy malogo biznesa v sisteme ekonomicheskoy bezopasnosti regiona / E.V.Karanina, O.A.Ry-azanova // Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya. 2017. № 8. T. 3. S. 96–103 (in Russian).
15. Karanina E.V. Kontseptual'nyy podkhod k otsenke investitsionnoy bezopasnosti territorii s pozitsii riskov kreditosposobnosti sub"ektov malogo biznesa (na primere monogorodov Kirovskoy oblasti) / Karanina E.V., Ryazanova O.A. // Innovatsionnoe razvitie ekonomiki. 2017. № 4 (40). S. 250–259 (in Russian).

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВОВЕДЕНИЕ

А.В. ДЁМИН*

Диспозитивность в праве: общий концепт, тенденции, перспективы

УДК 336.201
ГРНТИ 10.21.63
DOI: 10.22204/2587-8956-2018-091-02-77-86

Автор рассматривает диспозитивность в праве как межотраслевой феномен, который обнаруживает себя во всех отраслях права без исключения, но с учётом отраслевой специфики. Диспозитивность – это допускаемая правом юридическая свобода участников правоотношений осуществлять субъективные права, обязанности и запреты по своему усмотрению, основанная на автономии воли последних и строго в пределах, очерченных правовыми рамками. К атрибутивным признакам диспозитивности относятся юридические основания, альтернативность и многовариантность поведения, свобода воли, инициатива участников правоотношений, ограниченность законом и рядом внеправовых факторов.

Ключевые слова: диспозитивность, свобода выбора, саморегулирование, императивные нормы, диспозитивные нормы

Введение

Дихотомия императивного и диспозитивного в праве – важный вектор его эволюции. К сожалению, единого понятия диспозитивности в отечественном правоведении не сформулировано, публикации по данной проблематике носят, как правило, узкоотраслевой характер [9, с. 87]. Это создаёт трудности для

формирования *универсального концепта*, приемлемого для большинства отраслевых наук.

Диспозитивность и идея свободы

Рост диспозитивных проявлений в праве связан с последовательной и прогрессивной эволюцией (раскрепощением) *свободы личности*, т.е. с факторами,

* **Дёмин Александр Васильевич** — доктор юридических наук, профессор кафедры коммерческого, предпринимательского и финансового права Юридического института Сибирского федерального университета (Красноярск), руководитель проекта «Диспозитивность в налоговом праве и “партнёрская” модель налогового администрирования» (16-03-00044а).
E-mail: demin2002@mail.ru

которые имеют *внеправовую природу*, но извне оказывают определяющее влияние на эволюцию права. Если рассматривать вопрос в более широком контексте, то усиление диспозитивных тенденций в праве, включая их активную экспансию в области *публичного права*, обусловлено всеобщей либерализацией, гуманизацией и глобализацией правовых систем, в основе которых — последовательная эволюция *индивидуальной свободы и автономии личности* в современном мире. Многие дефиниции категории «свобода» фактически выражают сущность диспозитивности, что наглядно свидетельствует о *смысловой близости* указанных концептов [2, 204; 5, с. 9].

Таким образом, диспозитивность следует рассматривать как одну из форм выражения и реализации *идеи свободы* в праве. Кроме того, усилению диспозитивных начал в праве способствует и парадигмальная трансформация взаимоотношений государства и личности, которая основана на переходе от модели вертикального, односторонне-властного управления к *партнёрскому сотрудничеству*, базирующемуся на взаимной заинтересованности, открытости и доверии.

Прогрессивный процесс «расширения» зоны индивидуальной свободы сопровождается развитием цивилизации от древности до наших дней. Разумеется, право всегда ограничивает индивидуальную и коллективную свободу действий. Определяя границы внешней свободы личности, юридические нормы гарантируют участникам правоотношений реализацию собственного усмотрения *внутри этих границ*. Вместе с тем «свобода не является противоречием закону, а наоборот, подразумевает его в качестве своего условия, поскольку человеческие отношения предполагают следование субъектами этих отношений определённым правилам» [10, с. 21]. С момента принятия французской Декларации прав и свобод человека и гражданина 1789 г. «право, формально воплощённое в законе, стано-

вится одним из атрибутивных признаков свободной личности» [1, с. 951]. Тем самым право одновременно и ограничивает, и предоставляет свободу выбора поведенческих актов. Поэтому императивные и диспозитивные элементы *имманентно присущи* всем сегментам правовой реальности, они взаимодействуют, взаимно дополняют друг друга.

«Субъективное право» — основная «движущая сила» диспозитивности, поскольку именно в процессе осуществления субъективных прав, как правило, предоставляется возможность выбора, альтернативы, *локального саморегулирования* [7, с. 43]. Однако сводить диспозитивность к осуществлению лишь субъективных прав, а диспозитивные нормы — к управомочивающим нормам категорически неверно. Диспозитивность может проявляться также при реализации юридических обязанностей, когда адресат нормы (разумеется, в очерченных законом пределах) выбирает наиболее удобный, *оптимальный вариант* должного поведения. Тем самым не только использование участниками правоотношений субъективных прав, но и *исполнение обязанностей* допускает «привлечение» диспозитивных методов регулирования. Более того, диспозитивные начала могут использоваться и в процессе *соблюдения запретов* [6, с. 16–17; 13, с. 30]. Применительно к нормам-запретам автономия воли может проявляться в тех случаях, когда недопустимость запрещённого поведения носит *условный характер*, т.е. когда соблюдение запрета связано с выбором заинтересованным лицом альтернативного поведения. Подобные нормы, как правило, нельзя обнаружить в публичном праве, но в системе частного права они встречаются (например, п. 1 ст. 371, ст. 436, п. 1 ст. 89 ГК РФ).

Общий концепт диспозитивности в праве

В юридической доктрине диспозитивность рассматривается крайне широко:

Рис. 1. Диспозитивность в праве

как принцип; как метод; идея права; как правовой институт; особое свойство (качество) права; основополагающее начало деятельности; юридический режим; вид правовых норм; форма правового регулирования; субъективное право; законодательный приём или средство юридической техники; идеологический фактор, определяющий развитие законодательства; отражение частных интересов и т.д. (рис. 1).

Дефинитивное многообразие отражает *полиструктурность* и многомерность феномена диспозитивности, которая имеет множество разнообразных граней и проявлений. В самом общем виде концепт диспозитивности охватывает использование (или отказ от использования) альтернативных и диспозитивных норм, субъективных прав и процессуальных средств защиты, дискретное усмотрение властных субъектов, договорные формы и акты локального саморегулирования, относительно-определённые и не-

определённые сроки, рамочное и рекомендательное регулирование, конкретизацию правовых принципов, судебных доктрин и оценочных понятий, использование открытых перечней, квалифицированное молчание закона и т.п.

Атрибутивные признаки диспозитивности в праве

Диспозитивность в праве всегда должна иметь *нормативные основания*, т.е. либо прямо предусматриваться законом, либо косвенно вытекать из смысла того или иного фрагмента системы нормативно-правового регулирования [9, с. 87; 12, с. 68]. Явное или неявное наличие в нормативно-правовых средствах двух или более *альтернативных моделей* правомерного поведения — обязательное условие (и предпосылка) осуществления диспозитивных начал в системе правового регулирования. В данном контексте речь идёт о допустимой законодателем *многовариантности* поведенческих актов.

Рис. 2. Признаки диспозитивности

Признаки диспозитивности схематично представлены на рис. 2.

Следующий признак диспозитивности — *возможность выбора* волевым усилием заинтересованных лиц оптимального для них (в конкретной ситуации) варианта поведения. Иногда в нормативном тексте прямо закреплены несколько вариантов поведения, но не предусматривается *свободная альтернатива*, т.е. адресат не вправе по своему усмотрению выбрать любой из вариантов, так как следование каждому из них детерминировано фактическими обстоятельствами. В этом случае диспозитивность отсутствует, так как выбор должностного лица не является произвольным, но должен быть детерминирован *объективными факторами*. Как мы видим, главное для диспозитивности — *свобода усмотрения* адресата нормы в выборе одного из альтернативных вариантов поведения без каких-либо негативных для себя правовых последствий. Если такая свобода отсутствует, то нельзя говорить

о диспозитивном характере нормативной модели.

Свобода воли — основной атрибут диспозитивности. Такая свобода касается как изначального решения субъекта права использовать или нет предоставленные законом возможности, так и этапа их практического осуществления. В широком смысле свобода представляет собой состояние *независимости воли* субъекта, когда у него есть возможность действовать по своему усмотрению [14, с. 61–62]. Речь идёт, во-первых, об усмотрении в части инициации соответствующего правоотношения, и, во-вторых, о варьировании своего поведения в рамках уже возникшего и развивающегося правоотношения.

Ещё один атрибутивный признак — *инициативность* субъекта права, волевое усилие которого (а не требование закона или правоприменительного органа) приводит в «движение» релевантное правоотношение [11, с. 22]. Действует *общеправовой императив* о том, что закон не должен принуждать частное лицо к реализации его субъективных прав, включая право на защиту своих прав.

Сущность диспозитивности как правового явления заключается в нормативно предоставленной участникам правоотношений возможности *автономного волеизъявления*. Исключительно от усмотрения последних зависит, будет ли реализована диспозитивная норма, и если будет, то каким образом. Правовая инициатива есть *форма объективации* (внешнего проявления) автономии воли лица. Посредством самостоятельных, инициативных действий заинтересованного субъекта потенциальная возможность выбора, предусмотренная в нормативной модели, осуществляется фактически, т.е. *потенция становится реальностью*. Этот процесс развивается поэтапно от *волеобразования* (формирование мотивации; осознание своих потребностей и интересов; постановка цели и задач; самостоятельный и целенаправленный выбор варианта поведения)

к волеизъявлению (внешнее проявление воли в поведенческих актах — действию или бездействию).

В рамках диспозитивного регулирования именно *деятельное волеизъявление* лица — исходный элемент юридического состава, влекущего возникновение (изменение, прекращение) соответствующих правоотношений. В этом контексте диспозитивность — не только свобода (автономия) воли как эманация *внутренней свободы* личности, но и свобода действий (бездействия) как проявление *внешней свободы* личности. Таким образом, диспозитивность всегда реализуется, т.е. «переходит» из сферы идеального в сферу сущего, посредством соединения воли и действия заинтересованных лиц с целью достижения оптимального (для них) правового результата.

В основе процесса волеобразования и проявления правовой инициативы лежат *публичные или частные интересы* вовлечённых субъектов права. В силу этого разнообразные диспозитивные проявления объединяет право заинтересованных лиц действовать не только своей волей, но и в *своих интересах* [12, с. 47]. Иными словами, в рамках диспозитивного регулирования заинтересованное лицо вправе выбирать *максимально соответствующий его собственным интересам (потребностям)* правомерный вариант поведения. При этом государство гарантирует неприменение каких-либо отрицательных правовых последствий в случае предпочтения одного из возможных вариантов.

Пределы диспозитивности в праве

К атрибутивным признакам диспозитивности следует отнести также *определение её пределов*. Прежде всего, диспозитивное усмотрение всегда ограничивается *границами права*, т.е. выбранный вариант поведения должен быть *правомерным*. Безусловно диспозитивность не означает *безграничное усмотрение*. Закон, с одной стороны, ограничивает

свободу усмотрения участников правоотношений, а с другой — её обеспечивает, защищает и гарантирует. Кроме того, именно правомерность предоставленных законом альтернатив (возможностей) обуславливает недопустимость каких-либо отрицательных последствий в случае отказа от одного варианта поведения в пользу другого.

На наш взгляд, неприемлема точка зрения о диспозитивном характере выбора между правомерным поведением и правонарушением. Диспозитивность в праве суть всего лишь *специфический инструментарий*, с помощью которого законодатель стремится достичь целей правового регулирования. Поэтому к диспозитивным проявлениям можно отнести лишь те, которые соответствуют намерениям законодателя. Напротив, всё, что таким целям противоречит (включая правонарушения), лежит за рамками надлежащих правовых средств и приёмов юридической техники. Таким образом, нельзя говорить о диспозитивности применительно к сознательно-волевому выбору субъекта между правомерным и неправомерным поведением.

Пределы диспозитивности устанавливаются прежде всего *нормативно-правовыми средствами*. Речь идёт о действующих юридических нормах и принципах. Причём такие пределы могут быть очерчены не только законодательством, но и иными источниками права, а именно: международными договорами, судебными правовыми позициями, правовым обычаем. Разумеется, установленные законом границы диспозитивности в различных отраслях права отличаются: максимально широки они в частноправовых отраслях и, прежде всего, в обязательственном праве; в публично-правовых отраслях использование диспозитивных начал существенно ограничивается.

В юридической литературе встречаются аргументы в пользу отнесения к пределам диспозитивности в праве и ряда *внеправовых факторов*. В частности, Т.В.Ка-

шанина к таким факторам относит правосознание, нормы морали, общественное мнение, устоявшиеся обычаи и традиции, отчасти даже — эстетические взгляды населения [4, с. 263–266]. Поскольку внешние границы права нередко размыты, влияние таких внеправовых факторов и необходимость их учёта резко возрастают в «пограничных зонах», где право так или иначе соприкасается с иными системами социальной регуляции (мораль, религия, традиция, корпоративные нормы и т.п.).

Диспозитивность — межотраслевая категория права

Исторически диспозитивность как правовой феномен сформировалась в гражданском праве, где приобрела характер основы (и принципа) отраслевого регулирования. При этом заметим, что в советской правовой доктрине преобладало дихотомическое (по модели «чёрное/белое») противопоставление методов публичного и частного права друг другу, а именно: *императивного метода* публичного права и *диспозитивного метода* частного права. В крайних своих проявлениях такой подход приводил, с одной стороны, к *монополизации* диспозитивных начал отраслями частного права и, с другой стороны, к ошибочному признанию того, что конституционное, административное, уголовное, финансовое право ограничены исключительно императивным методом правового регулирования. Традиционно считалось, что специфика публичного права (приоритет публичных интересов над частными, атрибутивное присутствие в правоотношениях властного субъекта и вытекающая из этого субординация, формализация и процессуализация поведенческих актов, отказ от договорных форм в пользу властно-односторонних актов и т.п.) детерминирует отказ от использования диспозитивных начал в отраслях публичного права.

Сегодня указанные стереотипы успешно преодолеваются. Общепризнано, что раз-

деление отраслей на публичные и частноправовые носит в значительной степени условный характер [12, с. 47]. Также можно говорить лишь о *преобладании* императивных или диспозитивных начал в каждой отрасли права; «расстановка» правовых средств, приёмов, методов и правовых режимов носит конкретно-исторический характер и детерминруется спецификой предмета отраслевого регулирования. Причём «баланс сил» в соотношении императивных и диспозитивных начал не остаётся неизменным, но эволюционирует вслед за эволюцией правовой системы в целом. В частности, значительный сдвиг в сторону диспозитивных начал сегодня обусловлен тенденциями *глобализации* общественных отношений, демократизации и *деформализации* процессов правообразования и правоприменения, усилением *межотраслевой конвергенции*, появлением *комплексных* правовых институтов и нормативно-логических конструкций.

В такой «картине права» диспозитивность — *межотраслевая категория*, так или иначе проявляющая себя во всех отраслях российского права без исключения, но с учётом *отраслевой специфики*. Межотраслевой характер диспозитивности как правового явления сегодня признаётся большинством правоведов. Разумеется, в каждой отдельно взятой отрасли права дихотомия «императивное/диспозитивное» наполняется собственным содержанием и проявляется в специфических формах.

Функционально-целевое предназначение диспозитивности в праве

С точки зрения *функционального предназначения* диспозитивность помогает разрешать «извечные» технико-юридические задачи, связанные с преодолением излишней абстрактности, формализма и консерватизма позитивного права (рис. 3). Первая проблема такого рода — это объективно неустранимая *фрагмен-*

Рис. 3. Функции диспозитивности

тация системы правовых норм, т.е. невозможность создать абсолютно беспробельное законодательство, в котором полностью бы отсутствовали зоны неопределённости; законодатель просто не в состоянии исчерпывающе охватить всё многообразие социальных взаимодействий, объективно требующих правового урегулирования. Вторая — неизбежное *устаревание* Закона, его перманентное «отставание» от динамично изменяющихся объектов правового регулирования; причём по мере развития цивилизации динамика таких изменений прогрессивно нарастает. Ещё одна «вечная» проблема — *типизация нормотворчества*, т.е. абстрактный (универсальный) характер нормативных моделей, которые охватывают множество однородных правоотношений, но не учитывают ситуативные обстоятельства каждой конкретной ситуации и особенно — нюансы так называемых сложных «пограничных» случаев.

Для решения подобных проблем требуется *юридический инструментарий*, позволяющий оперативно и адекватно

приспосабливать нормативные предписания к насущным требованиям повседневной жизни, а также предлагающий участникам правоотношений социально оправданные стандарты правомерного и добросовестного поведения в ситуациях правовой неопределённости. Практика применения закона показывает нежизнеспособность жёстких нормативных конструкций, которые не могут видоизменяться в зависимости от условий жизни общества и его социальных ориентиров [3, с. 26–27]. В этом контексте диспозитивность выступает одним из каналов, направленных на *снижение неопределённости в праве*, а также на корректировку недостатков нормативного регулирования и придание ему большей гибкости, эффективности, динамизма.

Диспозитивность в праве стимулирует адресатов правового воздействия к самостоятельным, активным действиям не вследствие внешнего принуждения и угрозы санкций, но на основе собственной заинтересованности, свободы волеизъявления и выбора оптимального для себя варианта поведения. Тем самым использование диспозитивности позволяет «включать» частных лиц в процессы правообразования и правоприменения, позволяет задействовать интересы, творческий потенциал и инициативу непосредственных участников правоотношений, которые опираются на свои собственные потребности и мотивации.

Формы проявления диспозитивности в праве

Формы проявления диспозитивности в праве разнообразны. Прежде всего, они связаны с *нормой права* как базовым компонентом системы правового регулирования. Здесь важно уточнить нашу позицию в отношении категории «диспозитивные нормы».

В отечественной доктрине сложилось понимание диспозитивной нормы как нормы *восполняющего характера*, которая предусматривает нормативную модель

на тот случай, если её адресаты не сделают выбор в пользу иных вариантов поведения. Такой подход официально легализован в п. 4 ст. 421 ГК РФ, где диспозитивной признаётся «норма, которая применяется постольку, поскольку соглашением сторон не установлено иное». При этом не требует доказательств тезис о том, что помимо таких «восполняющих» норм в системе права присутствует немало *иных юридических норм, содержащих диспозитивные проявления*. Однако, как мы видим, лишь часть правовых норм с диспозитивными элементами – причём довольно незначительную – доктрина и закон именуют собственно «диспозитивными». Неизбежно возникает несоответствие между объёмом феномена диспозитивности и формой его выражения в праве. Первое оказывается значительно шире второго.

Для преодоления возникшего несоответствия предлагаем разделить все правовые нормы по содержанию на *императивные* и *неимперативные*. К первым следует относить категорические правила, не допускающие какой-либо «трансформации» по усмотрению участников правоотношений; вторые предоставляют адресатам определённую свободу выбора своего поведения в правовых границах и включают все нормы, ставящие возникновение или содержание правоотношения в зависимость от усмотре-

ния его участников. В такой классификации нормы, действующие постольку, поскольку их адресаты не выбрали иной вариант поведения, должны именоваться «восполнительными» и рассматриваться лишь как одна из разновидностей неимперативных норм. Чтобы не ломать устоявшееся в правоведении (прежде всего, в цивилистике) и легализованное в ГК РФ понимание диспозитивных норм, неимперативные нормы можно именовать диспозитивными *в широком значении*, а восполнительные нормы – диспозитивными *в узком значении*.

Заключение

Итак, *диспозитивность в праве* – это допускаемая правом юридическая свобода участников правоотношений осуществлять субъективные права, обязанности и запреты по своему усмотрению, основанная на автономии воли последних и строго в пределах, очерченных правовыми рамками. Категория «диспозитивность», с одной стороны, представляет собой сложную *теоретическую конструкцию*, а с другой стороны, её следует рассматривать как специфический *юридический инструментарий*, т.е. как средство практического преобразования реальности, позволяющее в рамках правообразования и правоприменения эффективно осуществлять цели, задачи и функции правового регулирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барташевич С.В. Категория свободы в налоговых правоотношениях: философские предпосылки решения проблемы // Политика и Общество. 2013. № 8. С. 950–967.
2. Глухова О.Ю. Институт диспозитивности как элемент свободы // Ленинградский юридический журнал. 2007. № 3. С. 204–211.
3. Евстигнеев Э.А. Императивные и диспозитивные нормы в договорном праве: М.: Инфотропик Медиа, 2017.
4. Кашанина Т.В. Структура права. М.: Проспект, 2012.
5. Клименко Ю.Г. Свобода как правовая категория: к вопросу о многообразии понятия // Вестник ТГУ. 2006. № 4. С. 455–459.
6. Комарова Т.Е. Функции запретов в механизме гражданско-правового регулирования: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.

7. Красавчиков О.А. Диспозитивность в гражданско-правовом регулировании // Советское государство и право. 1970. № 1. С. 41–49.
8. Лапшин И.С. Диспозитивные нормы российского права: монография. Н.Новгород, 2002.
9. Петров П.А. Диспозитивность как качество права, её соотношение с императивностью // Евразийский юридический журнал. 2016. № 4 (95). С. 87–90.
10. Разгильдиева М.Б. Финансово-правовое принуждение. Тамбов: Изд-во Тамбовского государственного университета, 2011.
11. Сидоренко Э.Л. Диспозитивный режим уголовно-правового регулирования. М.: Юрлитинформ, 2013.
12. Сумачев А.В. Диспозитивность в уголовном праве // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2008. № 1 (4).
13. Толмачёв В.В. Техничко-юридические средства установления и реализации запретов в российском праве (вопросы теории и практики): Дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014.
14. Шевцов С.Г. Категория усмотрения в философии права // Законность и правопорядок в современном обществе. 2011. № 6. С. 59–64.
15. Шевцов С.Г. Усмотрение в гражданско-правовых нормах // Гражданское право. 2011. № 4. С. 11–12.

ENGLISH

Discretion in Law: General Concept, Trends, Prospects

Alexander Vasilievich Demin — Dr. of Law, Professor of Commercial, Entrepreneurial and Financial Law at the Law Institute of Siberian Federal University (Krasnoyarsk), head of the project “Discretion in the tax law and “partnership” model of tax management” (16-03-00044a).

E-mail: demin2002@mail.ru

The author examines discretion in law as an inter-sectoral phenomenon that manifests itself in all sectors of law without exception, yet with a consideration of the sectoral specifics. Discretion is legally permitted juridical freedom of participants of legal relations to execute their subjective rights, duties and prohibitions at their discretion, based on the autonomy of will of the latter entities and strictly within the legal limits. The attributive features of discretion include legal grounds, alternativeness and multivariate behavior, freedom of will, initiative of the participants of legal relations, and restrictions by the law and a number of extra-legal factors.

Keywords: discretion, freedom of choice, self-regulation, imperative norms, discretionary standards

REFERENCES

1. Bartashevich S.V. Kategoriya svobody v nalogovykh pravootnosheniyakh: filosofskie predposylki resheniya problemy // Politika i Obshchestvo. 2013. № 8. S. 950–967 (in Russian).
2. Glukhova O.Yu. Institut dispozitivnosti kak element svobody // Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal. 2007. № 3. S. 204–211 (in Russian).
3. Evstigneev E.A. Imperativnye i dispozitivnye normy v dogovornom prave: M.: Infotropik Media, 2017 (in Russian).

4. Kashanina T.V. Struktura prava. M.: Prospekt, 2012 (in Russian).
5. Klimenko YU.G. Svoboda kak pravovaya kategoriya: k voprosu o mnogoobrazii ponyatiya // Vestnik TGU. 2006. № 4. S. 455–459 (in Russian).
6. Komarova T.E. Funktsii zapretov v mekhanizme grazhdansko-pravovogo regulirovaniya: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2008 (in Russian).
7. Krasavchikov O.A. Dispozitivnost' v grazhdansko-pravovom regulirovanii // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1970. № 1. S. 41–49 (in Russian).
8. Lapshin I.S. Dispozitivnye normy rossiyskogo prava: monografiya. N.Novgorod, 2002 (in Russian).
9. Petrov P.A. Dispozitivnost' kak kachestvo prava, eyo sootnoshenie s imperativnost'yu // Evraziyskiy juridicheskiy zhurnal. 2016. № 4 (95). S. 87–90 (in Russian).
10. Razgil'dieva M.B. Finansovo-pravovoe prinuzhdenie. Tambov: Izd-vo Tambovskogo gosuniversiteta, 2011 (in Russian).
11. Sidorenko E.L. Dispozitivnyy rezhim ugovolno-pravovogo regulirovaniya. M.: Yurlitinform, 2013 (in Russian).
12. Sumachev A.V. Dispozitivnost' v ugovolnom prave // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. 2008. № 1 (4) (in Russian).
13. Tolmachyov V.V. Tekhniko-yuridicheskie sredstva ustanovleniya i realizatsii zapretov v rossiyskom prave (voprosy teorii i praktiki): Diss. ... kand. jurid. nauk. Saratov, 2014 (in Russian).
14. Shevtsov S.G. Kategoriya usmotreniya v filosofii prava // Zakonnost' i pravoporyadok v sovremennom obshchestve. 2011. № 6. S. 59–64 (in Russian).
15. Shevtsov S.G. Usmotrenie v grazhdansko-pravovykh normakh // Grazhdanskoe pravo. 2011. № 4. S. 11–12 (in Russian).

УДК 001.3

ГРНТИ 12.21.21; 02.31.01

DOI: 10.22204/2587-8956-2018-091-02-87-97

Л.В. ШИПОВАЛОВА*

Проблема эффективности научных исследований

В статье раскрывается проблема эффективности научных исследований, находящаяся в центре научных и философских дискуссий современности. Данная проблема истолковывается как противоречие между эффективностью и автономией — двумя существенными характеристиками научной деятельности. Это противоречие становится актуальным во второй половине XX в. и выражается в кризисе институциональных взаимодействий или конфликте интересов сообщества учёных и управляющих наукой субъектов. В статье кратко описываются исторические предпосылки возникновения противоречия, проводится анализ современного кризиса, а также определяются возможные пути выхода из него. В качестве вывода подчёркивается, что решением проблемы научной эффективности может быть внедрение такой системы адекватной репрезентации научных исследований, которая бы одновременно служила основанием оценки эффективности науки, объединяя цели различных заинтересованных в научной деятельности субъектов. Важными условиями этого внедрения в России являются формирование консолидированного научного сообщества, а также корректировка целевых ориентаций научной политики.

Ключевые слова: научная деятельность, научный менеджмент, наукометрия, социальные взаимодействия

Сложно представить тему, более обсуждаемую сегодня в научном сообществе, чем эффективность науки и её оценка. Она объединяет учёных всего мира, представителей разных направлений исследований, сотрудников академических и образовательных организаций, а также тех, кто занимается непосредственно наукой и научным образом её изучает — социологов,

историков, специалистов в области наукометрии. Полная репрезентация актуальной литературы, связанной с ней, — почти бесконечная задача [1]. Переосмысливая данную тему, мы стремились понять её как философскую проблему: исторически возникающее закономерное противоречие в собственных основаниях научной деятельности. Именно в результате осознания этой проблемы

* **Шиповалова Лада Владимировна** — доктор философских наук, заведующая кафедрой философии науки и техники Санкт-Петербургского государственного университета, руководитель проекта «Проблема эффективности научных исследований. Философский и исторический контексты» (15-03-00572а).
E-mail: ladaship@gmail.com

научное сообщество сегодня может стать и уже становится субъектом практических действий, направленных на её решение.

Введение в проблему

В самом общем виде исследуемую проблему можно понять как противоречие между «внешним» требованием эффективности, предъявляемым к науке, и автономией как существенной характеристикой научной деятельности [2, с. 9–46]. Противоречие это выражается в так называемом кризисе институциональных взаимодействий или конфликте интересов сообщества учёных и иных социальных субъектов в поле науки. Среди таких субъектов особая роль принадлежит тем, кто осуществляет управление, обладая властным ресурсом принятия решений относительно научной деятельности, оказываясь проводниками «внешнего» требования эффективности, закрепляя своими действиями status quo академического капитализма и гетерономии. Какие шаги можно осуществить на пути решения данной проблемы?

Прежде всего, следует подчеркнуть, что проблема не начнёт решаться, пока требование эффективности и процедуры её оценки будут истолковываться как внешние по отношению к научной деятельности, а гетерономия – абстрактно противопоставляться автономии. Убеждение, которое в большей или меньшей степени разделяют представители научного сообщества, критикующие существующие системы оценки эффективности и предлагающие усовершенствования, состоит в том, что без учёта общественного воздействия и многообразных социальных связей понимание научной деятельности не будет полным. Наука, очевидно, не существует в башне из слоновой кости, а её автономию не следует мыслить как отдельность и самодостаточность.

Наше исследование имело целью, во-первых, продемонстрировать теоретическое и историческое основание дан-

ного убеждения и тем самым представить необходимую взаимосвязь таких характеристик научной деятельности, как эффективность и автономия.

Однако нельзя отрицать и реальности существующего сегодня противоречия между целями науки и требованием эффективности с конкретными формами её оценки, вынуждающими учёных подстраиваться под них, трансформировать свои исследования, менять способы их репрезентации. А потому второй целью было раскрытие самой современной проблемной ситуации возникновения отчуждения этого требования от существа научных исследований. Третья цель состояла в определении способов разрешения проблемы, в частности, в разработке и обосновании элементов системы адекватной оценки научной эффективности.

Эффективность науки: от истока к отчуждению

Исторический анализ употребления концепта эффективности, в том числе в контексте дискуссий об общественном значении науки и образования, показал, что его экономический смысл, определяемый разницей между затратами и доходами, возникает только в XX в. До этого эффективность была тождественна результативности, причём понималась зачастую не в утилитарном смысле конкретной пользы, но как альтернатива замкнутости и самодостаточности. С таким широким смыслом требования эффективности были связаны, в частности, критика средневековых университетов и идея возникновения новых научных и образовательных учреждений в конце XVIII – начале XIX в. В эпоху становления немецкого классического университета эффективность отнюдь не противостояла новому пониманию автономии – следованию всеобщему интересу, но дополняла его [2, с. 9–46].

Связь научной деятельности с таким образом понятой эффективностью, с открытостью и заботой о легитимации оче-

видна и сегодня в экстерналистском контексте, коль скоро мы признаем, что наука — социальный институт, взаимодействующий с иными общественными субъектами в процессе производства знания и распределения его результатов [3, с. 271].

Однако не менее важен и интерналистский контекст, где этот концепт, истолкованный в широком смысле, можно понять как вклад в развитие исследования, в формирование научного сообщества, становление всеобщего языка науки. В этом контексте также оправданно говорить об эффективности той или иной методологической стратегии [4]. То, что научная деятельность с необходимостью репрезентируется в поле внешней и внутренней коммуникации посредством публикаций, также подтверждает признание учёными этой характеристики в качестве существенной для науки, поскольку именно благодаря репрезентации можно производить то или иное воздействие на других.

В истории отчуждения требования эффективности и создания проблемы следует выделить несколько взаимосвязанных аспектов. Первый состоит в том, что математика, признаваемая в качестве всеобщего и объективно значимого языка науки новоевропейским естествознанием, распространяется, например в виде статистики, и на сами научные исследования, на репрезентацию и легитимацию их результатов. Наука, играющая роль в стандартизации общественной жизни, сама закономерно оказывается её предметом и жертвой. Этот процесс, обнаруживаемый историками науки в XIX в., соотносится с демократическими тенденциями и внешним давлением, с требованием понятности значения результатов исследований любому общественному субъекту. Язык чисел в этом контексте подтверждает свою

универсальность — претензию репрезентировать любое качественное своеобразие объекта и обеспечивать возможность его сравнения с другими в гомогенном математическом универсуме [5].

Однако универсальность, применяемая к самим научным исследованиям, как и к другим общественным явлениям, приводит к искажениям, имея обратной стороной редукцию значимого своеобразия. Математический язык становится внешним тогда, когда оказывается самостоятельным, а не вспомогательным, не производным от качественной определённости измеряемого объекта, когда предаётся забвению традиция, настаивающая на абстрактной природе количественных закономерностей [6, с. 88–93]. Т.Портер подчёркивает существенную деталь становления общественного доверия числам. Этот язык склонно использовать для репрезентации и легитимации результатов именно то научное сообщество, которое на данный момент является слабым и не имеет достаточно авторитетных экспертов, способных продемонстрировать публике значение собственной деятельности [5, с. 225–231].

Второй аспект закономерного отчуждения требования эффективности связан со спецификой социального бытия науки в XX в., в эпоху так называемой научно-технической революции. Эта вторая научная революция, событие которой констатирует историк науки Дж.Бернал, отличается от первой тем, что затрагивает по преимуществу отношения науки с другими социальными институтами, демонстрируя очевидность воздействия её на общество¹. Причём такого воздействия, которое имеет не только позитивные следствия. Очевидность внешней эффективности науки делает её возможным объектом управления со стороны государственных структур, формирующих

¹ «Первая революция фактически открыла научный метод, тогда как вторая — его применение. Революционный характер XX века не может быть ограничен наукой: не в меньшей мере он обнаруживает себя в факте, что только в наше время наука имеет доминирующее влияние на промышленность и сельское хозяйство» [7, р. 495].

ожидания и заказы (в том числе военные), обеспечивающих и распределяющих финансирование, оценивающих результаты, контролирующих применение. При этом неоднозначность оценки её результатов делает науку как социальный институт в эпоху второй революции не только возможным, но и необходимым объектом управления. Эта ситуация оказывается условием актуализации внешней власти государства и управляющих структур и тем самым доводит до радикального противопоставления автономии научных исследований и настойчиво звучащее извне требование эффективности.

Третий аспект связан с необходимой репрезентацией научных исследований в сети публикаций. Сеть эта развивается и совершенствуется с момента основания первого научного журнала «Philosophical Transaction» в 1665 г. Несмотря на то, что формальная коммуникация не охватывает всего поля научных взаимодействий и различается в зависимости от конкретной области знаний, значение её для научного сообщества сложно переоценить. Целям научной деятельности отчасти служит и математическая формализация этой сети. Ю. Гарфилд, основатель Индекса научного цитирования (SCI), а также Дж. Бернал считали, что с его помощью учёный сможет ориентироваться в потоках бесконечной информации, увидеть пути развития собственной идеи, производимый ею эффект [8]. Представление науки с помощью публикационных метрик позволяет историкам, социологам, науковедам научным образом исследовать поле науки.

Один из отечественных основателей наукометрии В. Налимов небезосновательно предполагал, что использование количественной репрезентации науки как информационной системы может служить конструктивной заменой

командно-административным методам управления ею. Иначе говоря, формализованная сеть научных публикаций с учётом её внутренней вариативности, развития и совершенствования оправданно претендует на то, чтобы быть адекватной репрезентацией научной деятельности. Однако именно она оказывается одним из основных проводников и внешнего требования эффективности.

Ситуация отчуждения и проблема научной эффективности возникают тогда, когда соединяются три описанных элемента, когда универсальная формализованная репрезентация науки посредством публикаций становится орудием управляющих наукой структур, замещая для них репрезентируемое – саму научную деятельность. Это орудие используется научным менеджментом односторонне, то есть без внимания к условиям производства результатов и интересам научного сообщества. В итоге актуализируется противоречие интересов или кризис в системе научных институциональных взаимодействий, создающий препятствия развитию науки¹.

Эффективность как внешнее требование. Симптомы кризиса

Следует отметить, что указанный кризис давно находится в поле внимания как самих учёных, представляющих собой объект управления, так и изучающих науку социологов, историков, науковедов, философов. В нашем исследовании была предпринята попытка систематизации его проявлений, имеющая целью и определить пути работы с его причинами.

Первая группа проявлений имеет условием потребность менеджмента в объективном, универсальном и наиболее простом инструменте управления наукой. Кризис возникает, когда предполагается, что адекватный инструмент уже най-

¹ Для описания кризиса, связанного с репрезентацией науки посредством наукометрии, в нашем исследовании был использован концептуальный аппарат современной эпистемологии, применяемый ею в диагностике кризиса научных репрезентаций, а также в прояснении адекватных способов выхода из него [9, 10].

ден и не требует совершенствования¹. Однако очевидно, что объективность при использовании традиционной наукометрии не включает суждений ряда научных сообществ относительно признаваемых ими критериев оценки; они остаются принципиально неучтёнными «единой» метрикой, связанной с публикациями в журналах с высоким импакт-фактором². Универсальность оказывается видимостью, но продолжает работать: например, рекомендации Совета по науке при Министерстве образования и науки РФ учитывать специфику социальных и гуманитарных наук в современной России на уровне конкретного принятия кадровых и финансовых решений в организациях не всегда выполняются. Также остаются без внимания целевые и функциональные различия организаций (в частности университетов), попадающих в поле единой оценки [13]. Не замечается то, что научное исследование осуществляется не только в форме результативных научных проектов. Стремление к новизне, открытие горизонтов неизвестного, сомнение в имеющемся знании принципиально невидимо традиционным метрикам, однако без этого исследование перестаёт быть таковым. Таким образом, инструмент управления — формализованная сеть научных публикаций — берётся в абстракции от условия своего производства — конкретных научных практик, их вариативности. Более того, само их осуществление и поддержка ставятся в зависимость от их же результата — публикаций и прочих измеряемых эффектов. Возникает инверсия целей и средств, репрезентация замещает репрезентиру-

емое. В соответствии с принципом Гурхарта средство управления перестаёт действовать в качестве такового, начиная не столько измерять, сколько влиять на научную деятельность.

С этим связана вторая группа проявлений кризиса. Научные исследования, их тематика, форма презентации результатов изменяются под давлением определённым образом заданного требования эффективности, причём эти изменения имеют не только позитивное значение для всего общества [14]. Учёные отмечают, что часто возникает отказ от исследования актуальных проблем локальной значимости в пользу тех, которые будут востребованы в международном контексте, от междисциплинарных исследований, поскольку их результаты сложнее представить в специализированных журналах [15].

Немаловажным следствием требования публикации в зарубежных журналах оказывается пренебрежение национальным языком. Концептуальный аппарат дисциплины, особенно в социально-гуманитарных науках, определяет зрелость научного языка, возможность дискуссий и развития собственных исследований. Это одна из необходимых предпосылок того, что конкретное локальное научное сообщество будет входить в международный контекст со своим вкладом. Последний аспект негативной трансформации связан с изменением структуры научного сообщества. Устойчивость научных групп и формирование школ, солидарность и взаимодействие оказываются жертвой конкурентной борьбы за эффективность — как между учёными, так и между

¹ Искажающие эффекты измерения, о которых пишут специалисты по наукометрии, в частности эффект Матфея, или неоднозначность корреляции научной значимости публикации и её цитирования [11], оставляются за скобками этого административного решения.

² Так, для представителей технических наук значимы публикации в сборниках материалов научных конференций, которые не принято активно цитировать. Для математиков слишком узким оказывается общепринятый импакт-фактор журналов, учитывающий цитирование всего за три года. Для гуманитарных исследований более адекватным способом репрезентации является монография. И хотя все эти формы публикаций включены в той или иной степени в основные информационные базы научных данных, они остаются неучтёнными, когда эффективность начинает измеряться одним универсальным критерием [12].

организациями. А творческое начало научной деятельности уничтожается прагматическими требованиями непрерывно возрастающей бюрократии [16].

Третья группа проявлений кризиса представляет собой закономерную реакцию научного сообщества на то разрушительное воздействие, которое оказывает использование формализованной сети научных публикаций в качестве универсального критерия оценки. К этой реакции относятся различного рода игры с показателями, например публикационная инфляция, не всегда оправданное увеличение числа соавторов, известный метод *salami slicing* и т.п. [17]. Здесь имеет место зеркальная ситуация относительно первой группы проявлений. Если управляющие наукой субъекты перестают видеть за публикацией интересы учёных и научные практики, её создающие, то научное сообщество также начинает относиться к публикации как к объекту цитирования, но не как к посреднику, позволяющему сделать собственную мысль доступной другому.

Конечно же, эта тенденция далеко не доминирует в современном научном сообществе, но присутствие её сложно отрицать. Непосредственно связано с этой реакцией пренебрежительное отношение учёных к требованию эффективности, а также отсутствие серьёзной рефлексии возможностей применения и общественного воздействия результатов собственных исследований. Негативное восприятие требования эффективности в свою очередь выражается в проблематичности диалога научного сообщества с любыми аутсайдерами, будь то научный менеджмент или публика, относительно которой часто сохраняется позиция элитарного экспертного сообщества, формирующего основания принятия решений и осуществляющего иерархически выстроенную научную популяризацию [18].

На пути к решению проблемы

Первым знаком того, что научное сообщество стоит на пути решения про-

блемы, оказывается активное обсуждение кризисных явлений, а также то, что указанные выше симптомы далеко не абсолютны. Стремление учёных к диалогу, не только констатация фактов искажения и негативных влияний, но и конкретные предложения по совершенствованию способов оценки говорят о признании эффективности в качестве характеристики исследований, т.е. о преодолении внешнего характера этого требования.

Предложения эти можно условно разделить на три группы:

1. усовершенствование существующих метрик (уточнение показателей, в том числе с целью учёта вариативности различных направлений исследования) [19];
2. работа над качественной экспертной оценкой – обоснование её предпочтительной значимости, а также возможностей сравнения результатов экспертизы [20, 21];
3. предложения альтернативной метрики, связанной с общественной видимостью результатов научных исследований [22].

В целом преодоление кризиса включает два конкретных условия: актуализацию многообразия репрезентаций результатов научной деятельности, а также внимание научного менеджмента к условиям их производства.

Если трактовать эту работу не столько как совершенствование системы оценки, сколько как преодоление кризиса и решение проблемы научной эффективности, то для её успешности необходима корректировка целевых ориентаций актуальной научной политики. Вопрос об эффективности должен ставиться и получать ответ на основе интересов всех субъектов и с учётом конкретных путей развития научных исследований. Распределение финансирования или достижение международного признания государства не могут быть единственными целями научной политики, хотя и должны быть включены в общее поле интересов. На словах при-

знаваемая общность целей на деле означает включение предложений консолидированного гражданского общества (и научного сообщества как его части) в основание принятия решений, обязательность открытых обсуждений процедур, связанных с оценкой эффективности, и использования в управлении тех форм представления результатов научной деятельности, которые сами учёные признают значимыми. Метрики эффективности должны отвечать интересам различных общественных субъектов: распределяющих государственное и негосударственное финансирование, принимающих кадровые решения, репрезентирующих собственные исследования для публики и коллег, заинтересованных в научных экспертизах и т.п.

Следует, однако, заметить, что если тенденции осуществления научной политики в современной России будут определяться укреплением властной вертикали и увеличением бюрократического аппарата, реализация данного условия останется достаточно проблематичной.

Учёт интересов различных общественных субъектов выражается в таких способах репрезентации научных результатов, которые включают как многообразие форм, отражающих различные направления исследований, так и возможность их сравнения в целях изучения науки и управления. Ниже будет представлен эскиз такой возможной системы репрезентации научной деятельности, которая одновременно может служить и инструментом оценки¹. В качестве основания были использованы уже описанные критические исследования, а также некоторые действующие и планируемые к использованию системы [24–26].

В основе данной системы — первый уровень: личный профиль учёного, репрезентирующий содержание и результаты его исследований. В него включаются группы

показателей эффективности, признаваемые научным сообществом. Среди них — награды и иные показатели репутации, полученное финансирование, аннотации исследований и проектов, группы различных публикаций, научное сотрудничество (конференции и общества), экспертная деятельность, полученные патенты и свидетельства применения, выпускники и т.п. Особое место среди них занимает популяризация научной деятельности. Группы показателей могут дополняться в результате достигнутого в научном сообществе консенсуса и заполняются каждым учёным. Содержание этого уровня может быть использовано для автоматического генерирования отчётов, подбора экспертов (методом структурно-семантического анализа текстов публикаций), нахождения коллег для сотрудничества. Оно же должно служить основанием для оценки, производимой на следующих уровнях. При этом оказываются представленными все возможные сферы деятельности учёного, все его пути воздействия на общество, хотя наполнение групп различается в зависимости от конкретной области науки.

Второй уровень — экспертная оценка содержания первого уровня (индивидуальной работы учёного), которая может быть использована при решении кадровых вопросов и выделении дополнительного финансирования. Параметры этой оценки квантифицируются как в любой экспертной анкете, однако сама эта квантификация подлежит обсуждению в научном сообществе. При этом учитываются все аспекты эффективности учёного, а сравнение осуществляется между показателями одной и той же группы. Количественное значение каждой группы показателей различается соответственно направлению научных исследований²; при этом устанавливается единое суммарное максимальное значение всех

¹ Подробнее об этом см.: [23].

² Например, одно сообщество придаёт большее значение монографиям, другое — статьям в журналах. Для одного больший вес имеют объёмы привлечённого финансирования, для другого — экспертная деятельность.

групп показателей. Вариативность групп показателей важна не только для учёных. Так, принятие во внимание только группы формализованной публикационной активности создаёт так называемую публикационную инфляцию и провоцирует «игры в цифирь», вряд ли служащие интересам науки и управляющих наукой структур. Кроме того, условием высоких показателей репутации, играющих роль в международных рейтингах, в которых также заинтересовано государство, зачастую в большей степени служит неформальная научная коммуникация.

Третий уровень относится к оценке работы организаций. В этой ситуации также имеет значение сравнение одних и тех же групп показателей, поскольку это даёт возможность увидеть сильные и слабые стороны каждой организации, вычленив основное направление её деятельности. Квантификация показателей, обеспечивающая уже количественное, а не качественное измерение и сравнение, оказывается предметом работы специалистов, но не самих учёных. Следует подчеркнуть, что цели такого рода оценки могут быть различны: распределение финансирования может быть ориентировано на уничтожение слабых организаций и на поддержку сильных, а также на развитие того направления, которое на данный момент репрезентирует в большей степени деятельность организации. Однако слабая организация может и не быть таковой в полной мере, если принимать в расчёт вариативность показателей.

Важным дополнительным, но не альтернативным ресурсом подсчёта должна быть альтметрика, позволяющая учитывать различные пути влияния той или иной работы: упоминания и обсуждения в социальных сетях, её просмотры и скачивания [27]. Именно альтметрика в большей степени демонстрирует репутацию того или иного учёного, а также функционирование его работ в качестве «мягкой силы», способствующей формированию общественного сознания, восприятия конкретного направления исследования, имиджа государства в целом [28].

Заключение

Решение рассматриваемой проблемы — установление взаимосвязи автономии научной деятельности и требования эффективности — возможно на основе внедрения уже существующих и разрабатываемых технологий, обеспечивающих одновременно как репрезентацию, так и оценку исследований. Однако для этого необходима воля к её решению с двух сторон: консолидированного научного сообщества, готового трудиться над разработкой и уточнением технологий, которого пока нет в силу различных обстоятельств, а также научного менеджмента, расположенного к трансформации целевых ориентаций научной политики. Конкретизация совместных действий, связанных с консолидацией и объединением целей, — уже предмет и забота не только и не столько теоретического анализа, сколько конкретных практик, которые теория делает возможными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аналитический обзор состояния проблемы эффективности научных исследований. URL: [http://philosophy.spbu.ru/userfiles/kathedras/scitech/Shipovalova/effectiveness_research/Analiticheskii_obzor_dopolnennyi\(1\).pdf](http://philosophy.spbu.ru/userfiles/kathedras/scitech/Shipovalova/effectiveness_research/Analiticheskii_obzor_dopolnennyi(1).pdf) (дата обращения: 20.12.2017).
2. Наука: испытание эффективностью. СПб.: Фонд развития конфликтологии, 2016.
3. Цветкова Л.А., Комарова А.В. Новые критерии эффективности участников исследовательской деятельности и распорядителей бюджетных средств на исследования и разработки // Экономика науки. 2015. Т. 1. № 4. С. 270–282.

4. Дмитриев И.С. Homo Mathematicus как эффективный менеджер природы // Мысль. 2015. № 19. С. 61–89.
5. Porter T.M. Trust in Numbers: The Pursuit of Objectivity in Science and Public Life. Princeton: Princeton University Press, 1995.
6. Идеи и числа. Основания и критерии оценки результативности философских и социогуманитарных исследований. М.: Прогресс-Традиция, 2016.
7. Bernal J.D. Science in History. 2nd ed. London: Watts, 1957.
8. Garfield E. Tracing the influence of J.D. Bernal on the world of science through citation analysis // Irish association for crystal growth conference and Bernal symposium on protein crystallization, Dublin, 2007. URL: <http://garfield.library.upenn.edu/papers/bernal-dublin-0907.pdf> (дата обращения: 3.12.2017).
9. Representation in Scientific Practice Revisited. / С. Coopman, J. Vertesi, M. Lynch, S. Woolgar (eds.) Cambridge Mass. & London: The MIT Press, 2014.
10. Куприянов В.А., Шиповалова Л.В. Кризис репрезентаций. Как возможен успешный исход // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 51. № 1. С. 171–188.
11. Писляков В.В., Дьяченко Е.Л. Эффект Матфея в цитировании статей российских учёных, опубликованных за рубежом // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы. М.: Изд-во ВИНТИ РАН, 2009. С. 19–24.
12. Hicks D. One size doesn't fit all: On the co-evolution of national evaluation systems and social science publishing. // Confero. Vol. 1. № 1. 2013. P. 67–90.
13. Биргер П.А. Эффективность университетов: модели и реальность // Мысль. 2015. № 19. С. 33–41.
14. Bornmann L., Leydesdorff L. Scientometrics in a changing research landscape. // EMBO reports. 2014. Vol. 15. № 12. P. 1228–1232.
15. Bianco M., Gras N., Sutz J. Academic Evaluation: Universal Instrument? Tool for Development? // Minerva. 2016. Vol. 54. Is. 4. P. 399–421.
16. Watermeyer R., Olssen M. 'Excellence' and Exclusion: The Individual Costs of Institutional Competitiveness // Minerva. 2016. Vol. 54. Is. 2. P. 201–218.
17. Elliott D.B. Salami slicing and the SPU: Publish or Perish? // Ophthalmic and Physiological Optics. 2013. № 33 (6). P. 625–626.
18. Hilgartner S. The Dominant View of Popularization: Conceptual Problems, Political Uses // Social Studies of Science. 1990. Vol. 20. P. 519–539.
19. Mingers J., Leydesdorff L. A Review of Theory and Practice in Scientometrics // European Journal of Operational Research. 2015. Vol. 246. № 1. P. 1–19.
20. Hicks D., Wouters P., Waltman L., Rijcke S., Rafols I. Bibliometrics: The Leiden Manifesto for Research Metrics // Nature. 2015. Vol. 520. № 7548. P. 429–431.
21. Левин В.И. Библиометрические показатели или экспертные оценки: как оценивать результаты научной деятельности // Современное образование. 2016. № 4. С. 11–28.
22. Priem J., Taraborelli P., Groth P., Neylon C. Altmetrics: A manifesto. 2010. URL: <http://altmetrics.org/manifesto> (дата обращения: 20.06. 2017).
23. Научная эффективность в работе: инструмент или оружие. СПб.: Фонд развития конфликтологии, 2017.
24. Snowball Metrics Recipe Book. / L. Colledge. URL: https://www.snowballmetrics.com/wp-content/uploads/snowball-recipe-book_HR.pdf. (дата обращения: 20.12.2017).
25. Research Excellence Framework. URL: <http://www.ref.ac.uk/2014/> (дата обращения: 20.12.2017).
26. Соболев В.А. PURE: Централизованная система управления научными исследованиями. Презентация. URL: <http://www.library.spbu.ru/blog/wp-content/uploads/2015/04/PUREHosted-EditionValueStory2014.pdf> (дата обращения: 10.12.2017).
27. Чеботарёва Е.Э. Научные исследования в контексте цифровой экономики // International Journal of Open Information Technologies. 2017. Vol. 5. № 11. С. 36–40.

28. Чеботарёва Е.Э. Гуманитарные исследования как ресурс мягкой силы: новый критерий эффективности? // Конфликтология. 2017. Т. 1. С. 239–250.

ENGLISH

Scientific Research Efficiency

Lada Vladimirovna Shipovalova – PhD, Head of Department of Philosophy of Science and Engineering, St. Petersburg State University, head of the project “Scientific research efficiency. Philosophical and historical contexts” (15-03-00572a).

E-mail: ladaship@gmail.com

The paper reveals the issue of the scientific research efficiency, which is in the center of modern scientific and philosophical debates. This problem is interpreted as a contradiction between efficiency and autonomy – the two significant features of academic research. This contradiction became urgent in the second half of the 20th century and is expressed in the crisis of institutional interactions or a clash of interests between academia and its governing stakeholders. The paper provides a brief description of the historical prerequisites of this contradiction, obtains insights into the modern crisis and outlines possible ways out. As a conclusion, it emphasizes that the issue of academic efficiency may be solved through a new system of adequate representation of scientific research that would also act as a metric of academic efficiency, thus aligning the targets of various entities engaged in the academic activities. The crucial preconditions for this system in Russia are the formation of a consolidated academia and aligned targets of the academic policy.

Keywords: academic research, scientific management, scientometrics, social interactions

REFERENCES

1. Analiticheskiy obzor sostoyaniya problemy effektivnosti nauchnykh issledovaniy. URL: [http://philosophy.spbu.ru/userfiles/kathedras/scitech/Shipovalova/effectiveness_research/Analiticheskii_obzor_dopolnenniyi\(1\).pdf](http://philosophy.spbu.ru/userfiles/kathedras/scitech/Shipovalova/effectiveness_research/Analiticheskii_obzor_dopolnenniyi(1).pdf) (data obrashcheniya: 20.12.2017) (in Russian).
2. Nauka: ispytanie effektivnost'yu. SPb.: Fond razvitiya konfliktologii, 2016 (in Russian).
3. Tsvetkova L.A., Komarova A.V. Novye kriterii effektivnosti uchastnikov issledovatel'skoy deyatelnosti i rasporyaditeley byudzhetykh sredstv na issledovaniya i razrabotki // Ekonomika nauki. 2015. T. 1. № 4. S. 270–282 (in Russian).
4. Dmitriev I.S. Homo Mathematicus kak effektivnyy menedzher prirody // Mysl'. 2015. № 19. S. 61–89 (in Russian).
5. Porter T.M. Trust in Numbers: The Pursuit of Objectivity in Science and Public Life. Princeton: Princeton University Press, 1995.
6. Idei i chisla. Osnovaniya i kriterii otsenki rezul'tativnosti filosofskikh i sotsiogumanitarnykh issledovaniy. M.: Progress-Traditsiya, 2016 (in Russian).
7. Bernal J.D. Science in History. 2nd ed. London: Watts, 1957.
8. Garfield E. Tracing the influence of J.D. Bernal on the world of science through citation analysis // Irish association for crystal growth conference and Bernal symposium on protein crystallization, Dublin, 2007. URL: http://garfield.library.upenn.edu/papers/bernalDublin_0907.pdf (data obrashcheniya: 3.12.2017).

9. Representation in Scientific Practice Revisited. / C. Coopman, J. Vertesi, M. Lynch, S. Woolgar (eds.) Cambridge Mass. & London: The MIT Press, 2014.
10. Kupriyanov V.A., Shipovalova L.V. Krizis reprezentatsiy. Kak vozmozhen uspeshnyy iskhod // Epistemologiya i filosofiya nauki. 2017. T. 51. № 1. S. 171–188 (in Russian).
11. Pislyakov V.V., D'yachenko E.L. Effekt Matfeya v tsitirovanii statey rossiyskikh uchyonykh, opublikovannykh za rubezhom // Nauchno-tehnicheskaya informatsiya. Seriya 2: Informatsionnye protsessy i sistemy. M.: Izd-vo VINITI RAN, 2009. S. 19–24 (in Russian).
12. Hicks D. One size doesn't fit all: On the co-evolution of national evaluation systems and social science publishing. // Confero. Vol. 1. № 1. 2013. P. 67–90.
13. Birger P.A. Effektivnost' universitetov: modeli i real'nost' // Mysl'. 2015. № 19. S. 33–41 (in Russian).
14. Bornmann L., Leydesdorff L. Scientometrics in a changing research landscape. // EMBO reports. 2014. Vol. 15. № 12. P. 1228–1232.
15. Bianco M., Gras N., Sutz J. Academic Evaluation: Universal Instrument? Tool for Development? // Minerva. 2016. Vol. 54. Is. 4. P. 399–421.
16. Watermeyer R., Olssen M. 'Excellence' and Exclusion: The Individual Costs of Institutional Competitiveness // Minerva. 2016. Vol. 54. Is. 2. P. 201–218.
17. Elliott D.B. Salami slicing and the SPU: Publish or Perish? // Ophthalmic and Physiological Optics. 2013. № 33 (6). P. 625–626.
18. Hilgartner S. The Dominant View of Popularization: Conceptual Problems, Political Uses // Social Studies of Science. 1990. Vol. 20. P. 519–539.
19. Mingers J., Leydesdorff L. A Review of Theory and Practice in Scientometrics // European Journal of Operational Research. 2015. Vol. 246. № 1. P. 1–19.
20. Hicks D., Wouters P., Waltman L., Rijcke S., Rafols I. Bibliometrics: The Leiden Manifesto for Research Metrics // Nature. 2015. Vol. 520. № 7548. P. 429–431.
21. Levin V.I. Bibliometricheskie pokazateli ili ekspertnye otsenki: kak otsenivat' rezul'taty nauchnoy deyatel'nosti // Sovremennoe obrazovanie. 2016. № 4. S. 11–28 (in Russian).
22. Priem J., Taraborelli P., Groth P., Neylon C. Altmetrics: A manifesto. 2010. URL: <http://altmetrics.org/manifesto> (data obrashcheniya 20.06. 2017).
23. Nauchnaya effektivnost' v rabote: instrument ili oruzhie. SPb.: Fond razvitiya konfliktologii, 2017 (in Russian).
24. Snowball Metrics Recipe Book. / L. Colledge. URL: https://www.snowballmetrics.com/wp-content/uploads/snowball-recipe-book_HR.pdf. (data obrashcheniya: 20.12.2017).
25. Research Excellence Framework. URL: <http://www.ref.ac.uk/2014/> (data obrashcheniya: 20.12.2017).
26. Sobolev V.A. PURE: Tsentralizovannaya sistema upravleniya nauchnymi issledovaniyami. Prezentatsiya. URL: <http://www.library.spbu.ru/blog/wp-content/uploads/2015/04/PUREHostedEditionValueStory2014.pdf> (data obrashcheniya: 10.12.2017) (in Russian).
27. Chebotaryova E.E. Nauchnye issledovaniya v kontekste tsifrovoy ekonomiki // International Journal of Open Information Technologies. 2017. Vol. 5. № 11. S. 36–40 (in Russian).
28. Chebotaryova E.E. Gumanitarnye issledovaniya kak resurs myagkoy sily: novyy kriteriy effektivnosti? // Konfliktologiya. 2017. T. 1. S. 239–250 (in Russian).

ФИЛОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

А.А. СТЕПИХОВ*

Сегментация спонтанной речи и индивидуальность эксперта

УДК 81-25
ГРНТИ 16.21.29
DOI: 10.22204/2587-8956-2018-091-02-98-107

В статье описываются результаты психолингвистических экспериментов, проведённых на материале немецкой и русской спонтанной речи с целью выявления возможной взаимосвязи между характером членения спонтанной речи на предложения (их средней длиной) и индивидуальными особенностями эксперта, осуществляющего это членение. Комплект стимульного материала состоял из текстовой части, подлежащей экспертной сегментации, и тестовой части, включающей пятифакторный опросник личности, тесты на скорость обработки информации и два теста объёма рабочей памяти. Сегментация осуществлялась на основе только текстовой информации, без опоры на звучание.

Вопреки гипотезе исследования, объём рабочей памяти эксперта оказался не связан со средней длиной предложения ни в русском, ни в немецком языке. Скорость обработки информации также не имела влияния на длину предложения. Тем не менее, было установлено, что при аннотации немецкой спонтанной речи значимое влияние на длину предложения оказывает уровень нейротизма: эксперты с более высокими баллами по этой шкале (более эмоциональные люди) имеют склонность членить текст на более короткие высказывания. На материале русского языка статистически значимой оказалась взаимосвязь средней длины предложения и черты «самоконтроль – импульсивность»: эксперты, в большей степени склонные к волевой саморегуляции своего поведения, проявляют тенденцию к членению текста на более длинные предложения.

Анализ длины предложения выявил статистически значимые корреляции (от умеренных до сильных) средней длины предложения в текстах разных типов при разметке одним и тем же экспертом, причём это явление наблюдалось на материале как немецкого, так и русского языков. Данный факт свидетельствует о том, что длина предложения является индивидуальной для каждого эксперта и остаётся стабильной вне зависимости от внешних факторов, таких как язык или тип текста.

Ключевые слова: спонтанная речь, монолог, экспертная разметка, сегментация, межфразовая граница, граница предложения, личность, пятифакторная модель личности, объём рабочей памяти

* **Степихов Антон Анатольевич** — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного университета, руководитель проекта «Сегментация русской спонтанной речи: экспериментальное исследование» (15-04-00165а).

E-mail: stepikhov@yahoo.com

Введение

Несмотря на большую степень изученности грамматики устного дискурса, проблема сегментации спонтанной речи и сегодня не теряет своей актуальности. Особое значение этот вопрос имеет в рамках развития новых междисциплинарных направлений – корпусной лингвистики и обработки текстов на естественных языках. Устная речь, в отличие от письменной, не содержит эксплицитной информации о межфразовых границах, однако сведения о них оптимизируют работу информационно-поисковых систем, улучшают автоматическую морфологическую и синтаксическую разметку, автоматическое реферирование и перевод, а также облегчают восприятие человеком автоматически распознанной речи, представленной в виде текста [1, 2].

Ручная разметка спонтанной речи (членение её на предложения) обычно считается золотым стандартом аннотации. Тем не менее, даже эксперты членят спонтанную речь на предложения по-разному [3–8]. Вариативность экспертной оценки проявляется как в постановке границ между предложениями в различных позициях в тексте, так и в неодинаковом количестве самих границ, т.е. в различной средней длине предложения.

Среди причин вариативной сегментации спонтанной речи исследователи называют речевые сбои [4], неверное понимание инструкции для проведения разметки [9], различную интерпретацию одного и того же текста или сложность задания, ведущую к ошибкам эксперта [10].

Ранее нами было установлено, что на степень межэкспертного согласия при членении спонтанной речи на предложения влияют такие факторы, как пол и профессия говорящего, а также тип текста [11]. Вариативная сегментация может также объясняться как особенностями грамматического строя русского языка (например, относительно свободным порядком слов и характером связи между частями сложного предложения), так

и психологическими особенностями эксперта, выявляемыми с помощью пятифакторного личностного опросника [8, 12].

Поскольку пятифакторная модель личности не является универсальной и всеобъемлющей [13], можно предполагать существование иных индивидуальных характеристик, которые оказывают влияние на характер экспертной сегментации. Например, в работе Б.Светса и др. [14] была установлена связь между объёмом рабочей памяти и длиной просодических фрагментов во внутренней речи при чтении про себя. Этот факт может быть экстраполирован и на членение текста на предложения в ходе экспертной разметки, поэтому проект «Сегментация русской спонтанной речи: экспериментальное исследование» предполагал дальнейшее изучение связи языковых и когнитивных особенностей личности.

Одной из задач проекта была проверка гипотезы, согласно которой эксперты, имеющие больший объём рабочей памяти, склонны членить спонтанную речь на более длинные предложения. С целью верификации данного предположения была разработана методика психолингвистического эксперимента, направленного на выявление возможной взаимосвязи между характером членения спонтанной речи на предложения и индивидуальными особенностями эксперта, осуществляющего это членение. Осознание этой взаимосвязи может способствовать усовершенствованию моделей автоматического определения границ между предложениями.

Методика психолингвистического эксперимента

Комплект заданий, предложенных для выполнения участникам эксперимента, состоял из нескольких частей.

1. Текстовая часть экспериментального материала. В состав данной части вошли орфографические расшифровки различных типов спонтанных монологов, не содержащие пунктуационных знаков,

обозначений пауз хезитации (*м-м*) и невербального поведения (*смех*). Использование различных типов текста было обусловлено тем, что, как нами было ранее установлено, тип текста влияет на характер его сегментации. Информация о типах текста, включённых в материал, представлена ниже – в разделах, посвящённых описанию проведённых экспериментов.

Для проверки единообразного понимания задания экспертами – участниками эксперимента в стимульный материал был также включён контрольный текст, представляющий собой короткий детский рассказ с простым синтаксисом и практически однозначным членением на предложения (371 слово). Контрольный текст не отличался по своей форме от остальных текстов и предъявлялся первым.

В ходе выполнения текстового задания экспертам необходимо было расставить границы между предложениями, используя знак «/». В инструкции особо отмечалось, что предложение может состоять из нескольких частей, например, из главной и придаточной. Сегментация осуществлялась на основе только текстовой информации, без опоры на звучание, и не предполагала ограничений по времени на выполнение задания.

2. Тестовая часть экспериментального материала.

2.1. Пятифакторный опросник личности («большая пятёрка»). Использованный в эксперименте опросник был разработан в 1997 г. Х.Тсуйи и др. в Японии [15] и затем адаптирован А.Б.Хромовым [16] для тестирования носителей русского языка.

2.2. Два теста объёма рабочей памяти в виде интервальных задач, основанных а) на чтении и понимании текста и б) на решении математических примеров. Использование двух различных тестов рабочей памяти соответствует рекомендациям, изложенным в статье Э.Конвея и др. «Интервальные задачи для измерения рабочей памяти: методологический обзор и руководство пользователя» [17]. Сам тестовый материал также

основан на рекомендациях, изложенных в данной работе. Задачи на измерение памяти были представлены в программном обеспечении, разработанном Т. фон ден Мальсбургом [18]. Немецкая версия данного программного обеспечения в ходе подготовки экспериментального материала была адаптирована для русского языка и теперь может быть использована заинтересованными специалистами, так как размещается в открытом доступе.

В ходе первого теста, основанного на чтении текста, участнику эксперимента предъявлялись 12 серий предложений, при этом количество предложений в серии варьировалось от двух до пяти (т.е. три серии по два предложения, три серии по три предложения и т.д.). При выполнении задания необходимо было прочитать вслух последовательно выводимые на экран предложения, определить, имеют ли они смысл, и запомнить слова, следующие за ними, для дальнейшего воспроизведения по окончании каждой из серий. Примеры предложений: *Чтобы определить эффект препарата, врач осмотрел всех пациентов; Блестящий адвокат впечатлил судей прохладной корой преступления.*

При выполнении интервальных задач, основанных на решении математических примеров, необходимо было подтвердить или опровергнуть правильность предъявленных на экране вычислений, предварительно прочитав их вслух (например, $(9 + 2) \times 4 = 45$; $(2 + 4) \times 4 = 24$), запомнить следующие за ними буквы и затем воспроизвести их. Количество примеров и их серий было таким же, что и в интервальных задачах на чтение текста.

Выполнение каждого задания занимало около 10 минут. На основе полученных за каждое задание баллов вычислялось среднее значение объёма рабочей памяти эксперта.

2.3. Тест на выявление сходства / различия фигур (рис. 1). Данный тест направлен на обнаружение особенностей пространственного мышления и был

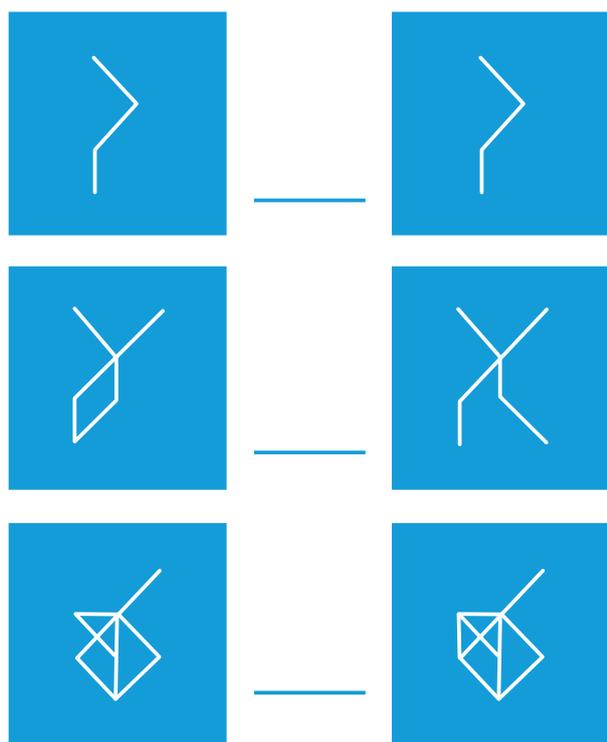

Рис. 1. Образец задания на выявление сходства / различия фигур

включен в экспериментальный материал как дополнительный измерительный инструмент, способный выявить возможное влияние восприятия пространства на восприятие текста.

2.4. Тест на выявление сходства / различия последовательности букв (рис. 2). Данный тест направлен на измерение кратковременной памяти. Для проведения эксперимента на материале русского языка латиница в исходном варианте теста была заменена на кириллицу.

Тесты, указанные в пп. 2.3 и 2.4, также являются инструментом измерения скорости обработки информации [19].

3. Анкета эксперта. Эксперту предлагалось предоставить некоторые данные

Рис. 2. Образец задания на выявление сходства / различия последовательности букв

о себе: возраст, пол, опыт проведения научных исследований в области лингвистики или изучения лингвистических (филологических) дисциплин в вузе.

Для эксперимента привлекались лица, имеющие опыт лингвистических исследований или изучения филологических дисциплин более одного года.

Эксперимент на материале немецкой спонтанной речи

В 2016 г. с целью проведения в дальнейшем компаративного исследования был осуществлён эксперимент на материале немецкого языка.

Для анализа экспертного аннотирования немецкой спонтанной речи от двух информантов, носителей немецкого языка с высшим нефилологическим образованием в возрасте 42 и 49 лет, были записаны 3 различных типа текста: текстописание (156 и 502 слова), сюжетный рассказ (182 и 605 слов) и рассказ о себе и своих увлечениях (266 и 545 слов). Общая продолжительность записей составила 23 минуты. В качестве стимулов для пересказа информантам предлагались переведённые на немецкий язык фрагмент рассказа И.Бунина «Антоновские яблоки» и его же рассказ «Лапти». Подбор материала объяснялся стремлением сделать стимулы в экспериментальном материале на разных языках максимально единообразными.

В соответствии с описанной выше методикой тексты были расшифрованы без использования пунктуации и предъявлены информантам для членения на фразы. Объём контрольного текста составил 355 слов. В качестве пятифакторного опросника личности был использован опросник, адаптированный Б.Рамштедт и Д.Даннером [20] для носителей немецкого языка на основе английской версии «большой пятёрки» [21]. Объём рабочей памяти тестировался с помощью немецких версий интервальных задач [18].

Экспериментальная сессия длилась в среднем 60–70 минут. Информантами-экспертами были носители немецкого

языка как родного. Количество опрошенных составило 31 человек.

Анализ длины предложения выявил статистически значимые корреляции (от умеренных до сильных) средней длины предложения в разных типах текста при разметке одним и тем же экспертом. Значимые корреляции наблюдались в 14 из 15 сравниваемых пар текстов. Минимальный значимый коэффициент корреляции r -Спирмена составил 0,51 ($p < 0,001$), максимальный — 0,88 ($p < 0,001$). Данный факт свидетельствует о том, что решение эксперта в пользу более коротких или более длинных предложений не зависит от типа текста и обычно демонстрирует устойчивую тенденцию, охватывающую все тексты.

Этот результат в целом повторяет данные, полученные нами ранее на материале русского языка [12], и может свидетельствовать о существовании тенденции, в соответствии с которой эксперт при членении текста стремится (по всей видимости, бессознательно, основываясь на своём языковом вкусе) унифицировать длину выделяемых предложений.

Для всех размеченных текстов была вычислена степень межэкспертного согласия. В качестве меры оценки согласия экспертов использовалась метрика каппа Флейса. В ходе анализа была выявлена средняя степень межэкспертного согласия при членении речи на предложения (в среднем $\kappa = 0,4$). Как и ожидалось, наибольшее согласие эксперты проявили при сегментации контрольного текста ($\kappa = 0,6$).

Подобные результаты были получены нами ранее на материале русского языка [22]. Поскольку порядок слов в немецком языке значительно менее свободен, чем в русском, ожидалось, что для немецкой спонтанной речи степень межэкспертного согласия будет существенно выше. Однако полученные данные свидетельствуют о сходном характере спонтанной речи в немецком и русском языках, а также о том, что их носители при сегментации спонтанного дискурса испытывают однотипные затруднения.

В ходе дальнейшего статистического анализа для оценки влияния различных индивидуальных характеристик эксперта на длину предложений при сегментации текстов была использована смешанная линейная модель. В качестве зависимой переменной выступала длина каждого предложения, в качестве случайных факторов — информант (автор текстов), тип текста и эксперт, а в качестве фиксированных факторов — индивидуальные характеристики экспертов. Таких фиксированных факторов было восемь: пять результатов по итогам измерения личностных черт, объём рабочей памяти и два результата по тестам на скорость обработки информации. Модель вычислялась в программной среде R с помощью пакета lmerTest [23].

Анализ показал, что из всех факторов только нейротизм оказывал значимое влияние на длину предложения ($p = 0,027$): эксперты с более высокими баллами по шкале нейротизма (более эмоциональные люди) имели склонность членить текст на более короткие высказывания. Вопреки гипотезе исследования, объём рабочей памяти оказался не связан со средней длиной предложения. Также не имела влияния на длину предложения и скорость обработки информации.

Анализ разбиения дисперсий продемонстрировал, что фактор нейротизма объясняет 2,3% вариативности длины предложения. Прочие личностные характеристики экспертов, оцененные в рамках случайных факторов, объясняют ещё 13% вариативности; при этом факторы текста и информанта объясняют 1,6% и 5,2% вариативности соответственно.

Поскольку речь информантов существенно различалась с точки зрения предпочитаемых ими синтаксических структур, мы применили эту же модель к результатам аннотации текстов первого и второго информантов по отдельности. Фиксированные факторы в этой модели были теми же, что и в первой, но из числа случайных факторов был исключён ин-

формант. Для Информанта 2 модель продемонстрировала тот же результат, что и общая модель, — значимый эффект нейротизма ($p = 0,032$), объясняющего 2,6% общей вариативности. Прочие характеристики эксперта, не охваченные фиксированными эффектами, смогли объяснить ещё 15% вариативности длины предложения. Значимый эффект нейротизма наблюдался и в модели, построенной на основе данных Информанта 1 ($p = 0,015$), где эта черта определила 5% вариативности, т.е. в 2 раза больше, чем для Информанта 2. Характеристики эксперта обусловили в этой модели ещё 11% вариативности.

Полученный результат может быть обусловлен различным синтаксисом речи у информантов. Информант 1 предпочитает бессоюзную или сочинительную связь между частями сложного предложения и редко использует в своей речи подчинение (доля сочинительных союзов в его речи — 7,8 на 100 слов, доля подчинительных союзов — 2,3 на 100 слов). Например:

also eine Bauerfamilie ist im Winter auf dem Bauernhof der Sohn ist krank die Mutter ist alleine der Bauer ist woanders er ist nicht da und nur der Knecht könnte helfen
'*так крестьянская семья зимой на ферме сын болеет мать одна крестьянин где-то в другом месте его здесь нет и только слуга мог бы помочь*'.

Использование союзов в речи Информанта 2, напротив, имеет сбалансированный характер, при этом доля подчинительных союзов и союзных средств у него в два раза больше (доля сочинительных союзов — 5,3 на 100 слов, доля подчинительных союзов — 5,0 на 100 слов).

В то время как бессоюзная и сочинительная связь предоставляют простор для вариативной сегментации, следствием чего могут быть как более короткие, так и более длинные предложения в зависимости от стратегии эксперта, использование подчинения между частями предложения увеличивает его длину и снижает вариативность разметки, поскольку ве-

роятность границы предложения перед подчинительным союзом довольно мала. Таким образом, можно предположить, что бессоюзная и сочинительная связь между простыми предложениями (в том числе в составе сложного) позволяет эмоциональности немецкоязычного эксперта проявить себя в большей степени, чем в синтаксически более сложной речи.

Эксперимент на материале русской спонтанной речи

В 2017 г. аналогичный психолингвистический эксперимент был проведён на материале русской спонтанной речи.

В экспериментальный материал были включены пять различных типов спонтанных монологов: пересказ текста-описания — фрагмента рассказа И. Бунина «Антоновские яблоки» (162 слова), пересказ сюжетного рассказа И. Бунина «Лапти» (225 слов), описание картины Винсента ван Гога «Хижины» (266 слов), описание серии картинок Х. Бидструпа «Шляпа» (244 слова) и рассказ на тему «Мой образ жизни» (312 слов). Перечисленные тексты были записаны от одного информанта, мужчины 40 лет с высшим нефилологическим образованием.

Поскольку эксперимент, проведённый ранее на материале немецкого языка, выявил влияние синтаксических особенностей текста на характер его членения, в текстовую часть экспериментального материала были включены ещё два текста, записанных от второго информанта, мужчины 53 лет с высшим нефилологическим образованием: описание картины Винсента ван Гога «Хижины» (269 слов) и описание серии картинок Х. Бидструпа «Шляпа» (223 слова). В отличие от текстов первого информанта, в речи которого наблюдался баланс союзной и бессоюзной связи в сложном предложении, в текстах второго информанта преобладало бессоюзие. Таким образом, текстовая часть экспериментального материала состояла из восьми текстов.

На базе описанной выше методики был проведён психолингвистический экспери-

мент. Длительность экспериментальной сессии составила в среднем 70–75 минут. Всего в ходе эксперимента были опрошены 76 человек.

Как и в предыдущих экспериментах, анализ данных выявил статистически значимые умеренные и сильные корреляции средней длины предложения в аннотированных текстах. Таким образом, можно сделать вывод о том, что длина предложения является своеобразной индивидуальной характеристикой эксперта, которая остаётся стабильной вне зависимости от внешних факторов, таких как язык или тип текста.

Статистическое моделирование данных с помощью метода множественной линейной регрессии показало, что, как и в эксперименте, проведённом на материале немецкого языка, объём рабочей памяти эксперта и его скорость обработки информации не связаны со средней длиной предложения. Однако статистически значимой оказалась взаимосвязь между длиной предложения и одной из психологических черт, измеряемых с помощью пятифакторного личностного опросника по шкале «самоконтроль – импульсивность» ($R^2 = 0,05$, $p = 0,04$). Согласно полученным данным, эксперты, в большей степени склонные к волевой саморегуляции своего поведения, проявляют тенденцию к членению текста на более длинные предложения.

При моделировании данных отдельно по каждому из двух информантов результаты были несколько иными. Модель, построенная по итогам сегментации текстов первого информанта, в речи которого средняя длина предложения составила 17,7 слов, показала более высокий результат по сравнению с первой (объединённой) моделью и смогла объяснить 7% вариативности средней длины предложения ($R^2 = 0,07$, $p = 0,02$). Применённая к результатам аннотации текстов второго информанта, речь которого членилась экспертами на значительно более короткие высказывания (средняя их длина составила 11,6 слов), модель не показала статисти-

ческой значимости. Таким образом, бессознательное, которое в немецком языке было основой для проявления эмоциональности эксперта при аннотации, в русском языке не имело такого влияния на сегментацию. Однако, принимая во внимание относительно небольшой объём текстов второго информанта, следует относиться к полученным результатам с известной осторожностью. Отсутствие статистической значимости у последней модели может быть связано с недостаточностью данных для моделирования.

Выводы

Первоначальная гипотеза исследования о влиянии объёма рабочей памяти эксперта при осуществлении им разметки транскриптов спонтанной речи экспериментально не подтвердилась. Тем не менее, на материале разных языков удалось обнаружить общие закономерности в процессе членения текста. Так, анализ данных показал, что как в русском, так и в немецком языках эксперты испытывают сложности при членении спонтанной речи на предложения, что обуславливает не самую высокую степень межэкспертного согласия в ходе аннотации. Кроме того, корреляционный анализ продемонстрировал стремление экспертов привести длину предложения в ходе членения речи к некоему имеющемуся у них «эталону», который не зависит ни от говорящего (автора текста), ни от типа текста. Этот факт свидетельствует о том, что длина предложения может рассматриваться как особая индивидуальная характеристика эксперта.

Анализ экспериментального материала также позволил выявить психологические черты эксперта, связанные с результатами сегментации, причём в разных языках эти черты были различными. В немецком языке длина предложения оказалась связанной с уровнем нейротизма эксперта (его эмоциональностью), а в русском языке – с уровнем поведенческой саморегуляции, измеряемой по шкале «самоконтроль – импульсивность».

ЛИТЕРАТУРА

1. Shriberg E. How people really talk and why engineers should care // Proc. Interspeech 2005. Pp. 1791–1794.
2. Xu C., Xie L., Huang G., Xiao X., Chng E.S., Li H. A deep neural network approach for sentence boundary detection in broadcast news // Proc. Interspeech 2014. Pp. 2887–2891.
3. Ванников Ю., Абдалян И. Экспериментальное исследование членения разговорной речи на дискретные интонационно-смысловые единицы (фразы) // Русская разговорная речь / Ред. колл. О.Б. Сиротинина, Л.И. Баранникова, Л.Я. Сердобинцев. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1973. С. 40–46.
4. Guaïtella I. Rhythm in speech: What rhythmic organizations reveal about cognitive processes in spontaneous speech production versus reading aloud // Journal of Pragmatics. 31. 1999. Pp. 509–523.
5. Strassel S., Walker C. Data and annotation issues in RT-03 // EARS Rich Transcription Workshop. 2003.
6. Liu Y., Chawla V.N., Harper M.P., Shriberg E., Stolcke A. A study in machine learning from imbalanced data for sentence boundary detection in speech // Computer Speech and Language 20(4), 2006. Pp. 468–494.
7. Lee A., Glass J. Sentence Detection Using Multiple Annotations // Proc. Interspeech 2012. Pp. 1848–1851.
8. Stepikhov A. Resolving Ambiguities in Sentence Boundary Detection in Russian Spontaneous Speech // TSD 2013. LNCS (LNAI) 8082, 2013. Pp. 426–433.
9. Evanini K., Zechner K. Using crowdsourcing to provide prosodic annotations for non-native speech // Proc. Interspeech 2011. Pp. 3069–3072.
10. Cuendet S., Hakkani-Tür D., Shriberg E. Automatic labeling inconsistencies detection and correction for sentence unit segmentation in conversational speech // LNCS (Machine Learning for Multimodal Interaction) 4892, 2013. Pp. 144–155.
11. Stepikhov A. Analysis of Expert Manual Annotation of the Russian Spontaneous Monologue: Evidence from Sentence Boundary Detection // SPECOM 2013. LNCS (LNAI) 8113, 2013. Pp. 33–40.
12. Stepikhov A., Loukina A. Annotation and personality: Individual differences in sentence boundary detection // SPECOM 2014. LNCS (LNAI) 8773, 2014. Pp. 105–112.
13. Block J. The five-factor framing of personality and beyond: some ruminations // Psychological Inquiry 21 (1), 2010. Pp. 2–25.
14. Swets B., Desmet T., Hambrick D. Z., Ferreira F. The role of working memory in syntactic ambiguity resolution: a psychometric approach // Journal of Experimental Psychology: General 136 (1), 2007. Pp. 64–81.
15. Tsuji H., Fujishima Y., Tsuji H., Natsumo Y., Mukoyama Y., Yamada N., Morita Y., Hata K. Five-factor model of personality: Concept, structure, and measurement of personality traits // Japanese Psychological Review. 1997. 40 (2). Pp. 239–259.
16. Хромов А.Б. Пятифакторный опросник личности: Учебно-методическое пособие. Курган: Изд-во Курганского гос. университета, 2000.
17. Conway A.R.A., Kane M.J., Bunting M.F., Hambrick D.Z., Wilhelm O., Engle R.W. Working memory span tasks: A methodological review and user's guide // Psychonomic Bulletin & Review 12 (5), 2005. Pp. 769–786.
18. Von der Malsburg T. Py-Span-Task – A software for testing working memory span. doi: 10.5281/zenodo.18238, 2015 (дата обращения: 29.03.2018).
19. Salthouse T. A. The processing-speed theory of adult age differences in cognition // Psychological Review 103 (3), 1996. Pp. 403–428.
20. Rammstedt B., Danner D. Die Facettenstruktur des Big Five Inventory (BFI): Validierung für die deutsche Adaptation des BFI // Diagnostica. 2017. 63 (1). Pp. 70–84.

21. Costa P.T., McCrae R.R. Revised Neo Personality Inventory and Neo Five Factor Professional Manual. Odessa, FL: Psychological Assessment Resources, 1992.
22. Stepikhov A., Loukina A. Low inter-annotator agreement in sentence boundary detection and annotator personality // SPECOM 2016. LNCS (LNAI) 9811, 2016. Pp. 461–468.
23. Kuznetsova A, Brockhoff P. B., Christensen R.H.B. lmerTest Package: Tests in linear mixed effects models // *Journal of Statistical Software*. 2017. 82 (13). Pp. 1–26.

ENGLISH

Segmentation of Spontaneous Speech and Individuality of the Expert

Anton Anatolievich Stepikhov – Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language, St. Petersburg State University, head of the project “Segmentation of Russian spontaneous speech: pilot research” (15-04-00165a).
E-mail: stepikhov@yahoo.com

The paper focuses on the findings of the psycholinguistic tests with German and Russian spontaneous speech in order to detect possible interrelations between the nature of division of spontaneous speech into sentences (their average length) and individual specifics of the expert who carries out this division. The kit of stimulating material consisted of the text part subject to the expert segmentation and the text part that included a five-factor personality questionnaire, information processing speed tests and two tests connected with the working memory capacity. The segmentation was conducted on the basis of the text information alone, without any reliance on the sound.

Despite the research hypothesis, the capacity of the expert's working memory demonstrated no connection with the average sentence length in either Russian or German. The information processing rate also had no effect on the sentence length. Nevertheless, it was established that during annotation of the German spontaneous speech, significant impact on the sentence length was made by the level of neuroticism, that is, experts with a higher score (more emotional) had a tendency to break the text into shorter statements. Using the material of the Russian language, the interrelation between the average sentence length and the “self-control – impulsiveness” proved statistically significant – that is, experts more prone to the self-regulation of their behavior tended to divide the text into longer sentences.

The analysis of the sentence length revealed statistically significant correlations (from moderate to strong) in the average sentence length in diverse texts as they were marked by the same expert; notably, this phenomenon was observed on the material of both the German and Russian languages. This fact evidences that the sentence length is individual for each expert and remains stable regardless of external factors, such as the language or the text type.

Keywords: spontaneous speech, monologue, expert marking, segmentation, inter-phrase borderline, sentence border, personality, five-factor personality model, working memory capacity

REFERENCES

1. Shriberg E. How people really talk and why engineers should care // Proc. Interspeech 2005. Pp. 1791–1794.
2. Xu C., Xie L., Huang G., Xiao X., Chng E.S., Li H. A deep neural network approach for sentence boundary detection in broadcast news // Proc. Interspeech 2014. Pp. 2887–2891.

3. Vannikov Yu., Abdalyan I. Eksperimental'noe issledovanie chleneniya razgovornoy rechi na diskretnye intonatsionno-smyslovye edinytsy (frazy) // Russkaya razgovornaya rech' / Red. koll. O.B. Sirotinina, L.I. Barannikova, L.Ya. Serdobintsev. Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta, 1973. S. 40–46 (in Russian).
4. Guañtella I. Rhythm in speech: What rhythmic organizations reveal about cognitive processes in spontaneous speech production versus reading aloud // Journal of Pragmatics. 31. 1999. Pp. 509–523.
5. Strassel S., Walker C. Data and annotation issues in RT-03 // EARS Rich Transcription Workshop. 2003.
6. Liu Y., Chawla V.N., Harper M.P., Shriberg E., Stolcke A. A study in machine learning from imbalanced data for sentence boundary detection in speech // Computer Speech and Language 20(4), 2006. Pp. 468–494.
7. Lee A., Glass J. Sentence Detection Using Multiple Annotations // Proc. Interspeech 2012. Pp. 1848–1851.
8. Stepikhov A. Resolving Ambiguities in Sentence Boundary Detection in Russian Spontaneous Speech // TSD 2013. LNCS (LNAI) 8082, 2013. Pp. 426–433.
9. Evanini K., Zechner K. Using crowdsourcing to provide prosodic annotations for non-native speech // Proc. Interspeech 2011. Pp. 3069–3072.
10. Cuendet S., Hakkani-Tür D., Shriberg E. Automatic labeling inconsistencies detection and correction for sentence unit segmentation in conversational speech // LNCS (Machine Learning for Multimodal Interaction) 4892, 2013. Pp. 144–155.
11. Stepikhov A. Analysis of Expert Manual Annotation of the Russian Spontaneous Monologue: Evidence from Sentence Boundary Detection // SPECOM 2013. LNCS (LNAI) 8113, 2013. Pp. 33–40.
12. Stepikhov A., Loukina A. Annotation and personality: Individual differences in sentence boundary detection // SPECOM 2014. LNCS (LNAI) 8773, 2014. Pp. 105–112.
13. Block J. The five-factor framing of personality and beyond: some ruminations // Psychological Inquiry 21 (1), 2010. Pp. 2–25.
14. Swets B., Desmet T., Hambrick D. Z., Ferreira F. The role of working memory in syntactic ambiguity resolution: a psychometric approach // Journal of Experimental Psychology: General 136 (1), 2007. Pp. 64–81.
15. Tsuji H., Fujishima Y., Tsuji H., Natsuno Y., Mukoyama Y., Yamada N., Morita Y., Hata K. Five-factor model of personality: Concept, structure, and measurement of personality traits // Japanese Psychological Review. 1997. 40 (2). Pp. 239–259.
16. Khromov A.B. Pyatifaktornyy oprosnik lichnosti: Uchebno-metodicheskoe posobie. Kurgan: Izd-vo Kurganskogo gos. universiteta, 2000 (in Russian).
17. Conway A.R.A., Kane M.J., Bunting M.F., Hambrick D.Z., Wilhelm O., Engle R.W. Working memory span tasks: A methodological review and user's guide // Psychonomic Bulletin & Review 12 (5), 2005. Pp. 769–786.
18. Von der Malsburg T. Py-Span-Task – A software for testing working memory span. doi: 10.5281/zenodo.18238, 2015 (data obrashcheniya: 29.03.2018).
19. Salthouse T.A. The processing-speed theory of adult age differences in cognition // Psychological Review 103 (3), 1996. Pp. 403–428.
20. Rammstedt B., Danner D. Die Facettenstruktur des Big Five Inventory (BFI): Validierung für die deutsche Adaptation des BFI // Diagnostica. 2017. 63 (1). Pp. 70–84.
21. Costa P.T., McCrae R.R. Revised Neo Personality Inventory and Neo Five Factor Professional Manual. Odessa, FL: Psychological Assessment Resources, 1992.
22. Stepikhov A., Loukina A. Low inter-annotator agreement in sentence boundary detection and annotator personality // SPECOM 2016. LNCS (LNAI) 9811, 2016. Pp. 461–468.
23. Kuznetsova A, Brockhoff P. B., Christensen R.H.B. lmerTest Package: Tests in linear mixed effects models // Journal of Statistical Software. 2017. 82 (13). Pp. 1–26.

УДК 7 (5527)
ГРНТИ 183100

DOI: 10.22204/2587-8956-2018-091-02-108-123

А.А. РЫБАКОВ*

Великий Устюг — центр художественной культуры Русского Севера XIII–XVIII веков

В статье дан краткий обзор архитектурно-художественного наследия Великого Устюга — одного из ведущих региональных центров исторической художественной культуры Русского Севера. На протяжении XIII–XVIII вв. здесь достигли высокого уровня развития деревянное и каменное зодчество, живопись, резьба по дереву, художественная обработка бересты и металла, художественное ткачество и другие виды народного искусства. Благодаря активной самоотверженной деятельности устюжской интеллигенции — историков, художников, музейных работников, преподавателей первой половины XX в. — в городе до наших дней сохранилось большое число памятников архитектуры, живописи, резьбы по дереву, художественного серебра и произведений других видов искусства, составляющих важную часть отечественного культурного наследия. Особый историко-художественный интерес представляют ансамбли устюжских высоких иконостасов XVII–XVIII вв., выполненных местными и приглашёнными мастерами.

Ключевые слова: изобразительное искусство, иконопись, Русский Север, центры художественной культуры, Великий Устюг, музейные фонды, иконостасы

Великий Устюг, основание которого предположительно относится к XI–XII вв., был крупным художественным центром обширной северо-восточной области Северной Руси [1]. Город возник на северо-восточной окраине Ростово-Суздальской земли как форпост низовской волны заселения славянами Посухонья и Верхнего Подвинья.

Разделив судьбу Ростовского княжества, Великий Устюг со второй поло-

вины XVI столетия неизменно следует в фарватере объединительной политики московских великих князей. Контролируя водный путь на Урал и в сибирские земли, «в югру», устюжане не раз нападали на ходивших по Сухоне и Вычегде за сбором дани в Заволочье новгородцев и отнимали у них их добычу — «закамское серебро» и пушнину, «рыбий зуб» (моржовую кость). Устюжские летописи красочно повествуют о нападе-

* **Рыбаков Александр Александрович** — доктор искусствоведения, заслуженный деятель искусств РФ, ведущий научный сотрудник Вологодского филиала Всероссийского научно-реставрационного художественного центра им. академика И.Э. Грабаря, руководитель проекта «Иконы и иконостасы Великого Устюга XIII–XIX вв.» (16-04-00368а).

E-mail: kubenasee@mail.ru

нии на Устюг в 1398 г. большого новгородского отряда, захватившего посады и поселения у Чёрного Прилука, разграбившего и сжёгшего их. Новгородцы ограбили и Успенский собор, погрузив в ладьи и насады захваченное добро, в том числе иконы и пленников. Но корабли по какой-то причине не могли сдвинуться с места. Тогда один из новгородцев по имени Ляпун вскричал: «Николи же полоняник не связан не идёт на страну чюжу», — и связал убрусом чудотворную икону Богородицы Одигитрии из Успенского собора; только после этого смогли они тронуться в путь. Но на подходе к Великому Новгороду настигла их суровая кара Божья — стало вдруг «коробити их и руки и ноги корчитися и в хрептах ломота великая, и мало здравых внидоша, и паки многи слепотою мучащися...» Владыка Новгородский Иоанн, узнав о святотатстве ушкуйников, повелел им покаяться, вернуть в Устюг иконы и пленников и послал туда церковных мастеров, которые в 1399 г. вновь отстроили Успенскую соборную церковь «зело превысоку» [2].

Благодаря своему выгодному географическому положению Великий Устюг в XVI–XVII вв. стал средоточием северо-восточной торговли Русского государства. Оживлённые торговые связи способствовали приращению капиталов устюжских купцов, часть которых направлялась на благоустройство и украшение города, на строительство новых храмов. Эти процессы стимулировали развитие строительных и художественных ремёсел. Особенно высокого уровня достигли в Великом Устюге художественная обработка металлов, резьба по дереву, иконописание, финифтяное дело, изготовление изразцов, художественное ткачество, обработка бересты. В переписных и писцовых книгах Устюга XVII–XVIII вв. во множестве встречаются имена серебряников, пряничников, токарей, иконников и живописцев. На торговой площади города в XVII столетии существовал особый серебряный ряд [3]. Устюж-

ские иконописцы не только писали иконы для храмов Устюга, но выполняли заказы в других городах, неоднократно вызывались на работу в Москву.

Первые летописные сведения об устюжской иконописи относятся к XV в., когда был написан образ Спаса Нерукотворного и установлен над крепостными воротами города. К этому же столетию относится разработка местными иконописцами иконографии устюжского чудотворца Прокопия Праведного. Но возникновение устюжской иконописи несомненно относится к гораздо более древнему времени и находится в прямой связи с развитием и распространением ростовской художественной традиции на северных землях. Возможно, одним из первых устюжских иконописцев следует считать Пермского первосвященника Стефана, устюжского уроженца, прошедшего выучку в Ростове Великом. Местные предания связывали с его именем некоторые древние иконы из церкви зырянского края, где проходила миссионерская деятельность Стефана Пермского.

Имена устюжских иконописцев часто встречаются в источниках XVII–XVIII вв. С Великим Устюгом связана деятельность таких выдающихся мастеров, как Фёдор Зубов, Семён Спиридонов Колмогорец, Василий Кондаков. В XVIII в. славились устюжские иконописцы Стефан Соколов, Алексей Колмогоров, Василий Афанасьевич Аленин.

Ранним памятником живописи великоустюжского происхождения является икона «Собор Архангела Михаила» из Михайло-Архангельского монастыря, датированная второй половиной XIII – началом XIV в. (рис. 1). На иконе представлены архангелы Михаил и Гавриил в рост, поддерживающие медальон с изображением Христа-Эммануила. Существуют различные толкования символики этого образа (торжество православия над иконоборческой ересью, провозвестие воплощения Христа в Ветхом завете и др.), каждая из которых вследствие многозначности

Рис. 1. Собор архангела Михаила. Конец XIII – начало XIV в. Из местного ряда иконостаса Архангельского собора Михайло-Архангельского монастыря. Государственный Русский музей, Санкт-Петербург

христианской символики имеет свои основания. Икона написана на лазоревом фоне, на котором светятся светло-жёлтые нимбы и поля. Архангелы представлены в торжественных лоратных одеждах (одежды придворного византийского императора. — Ред.), их лоры, подольники и оплечья изукрашены «драгоценным камнем». На тёмном голубом фоне пламенем горит киноварь, которой написа-

ны плащи, папоротки крыльев и сапожки архангелов. Колорит иконы, как и приёмы личного письма, исполнение одежд и других элементов несомненно свидетельствуют о принадлежности автора этого произведения к ростовской художественной традиции.

Путешествовавший по России академик Яков Фриз в 1788 г. обнаружил в Троицкой Вожемской церкви (под Ярен-

ским) икону «Святая Троица» с пермскими письменами, которую местное население считало произведением Стефана Пермского. В 1790 г. эта икона была доставлена в Вологду и ныне находится в Вологодском музее. После раскрытия живописи иконы оказалось, что она действительно относится к временам Стефана Пермского — второй половине XIV в. Для успешной миссионерской деятельности, к которой считал себя призванным Стефан, ему необходимо было иметь наглядные живописные «воображения» христианских святых. За десятилетнее пребывание в стенах ростовского Григорьевского затвора Стефан мог не только разработать основы зырянской письменности, но и овладеть иконописным искусством, что вполне соответствует тому стремлению к универсализму, которое характерно для выдающихся личностей Средневековья. Возможно, предание о занятиях Стефана иконописанием не лишено исторических оснований. Во всяком случае, ростово-суздальская традиция иконы Святая Троица (Зырянская) (рис. 2) не вызывает сомнений, а при всей талантливости и искренности этого произведения его некоторая композиционная неуравновешенность выдаёт руку мастера, который, очевидно, не был профессионалом-иконописцем.

К эпохе активной борьбы Москвы и Новгорода за северные земли относится икона «Никола Зарайский, с деисусом и избранными святыми» XV в. Никола в среднике изображён в белой крещатой фелони и в белом же подризнике на киноварном фоне. Средник выделен чёрной каймой с крупными белыми «жемчугами». По сто-

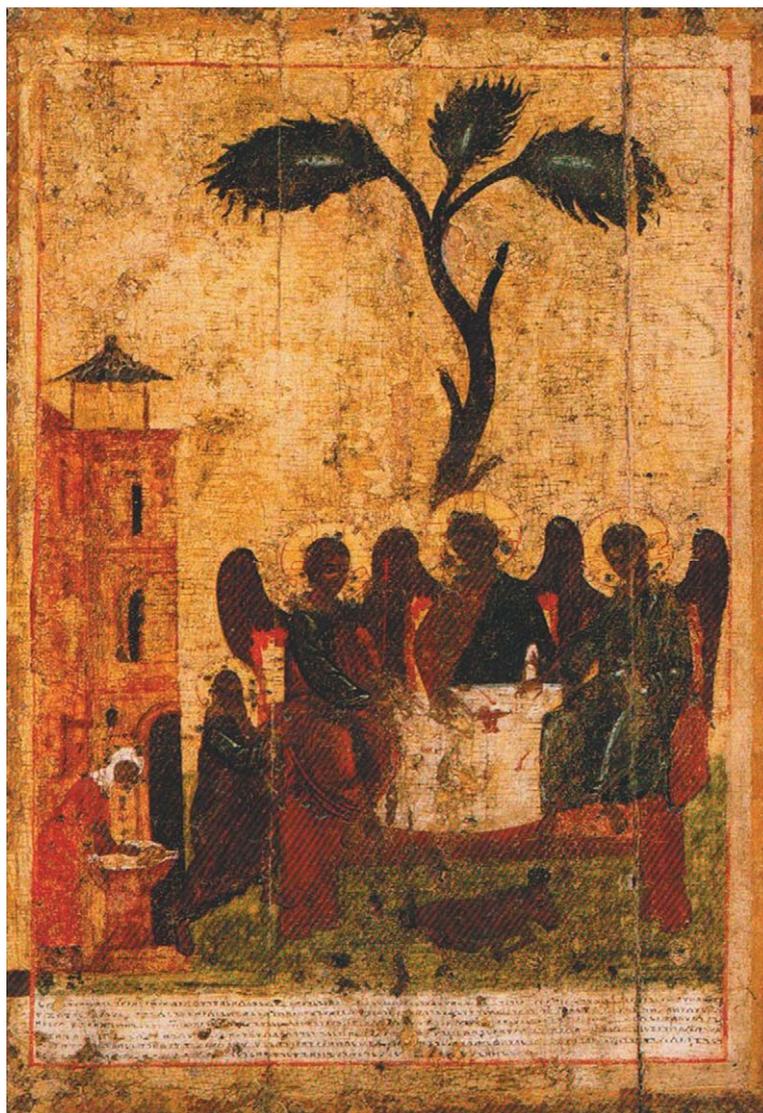

Рис. 2. Троица Ветхозаветная (Зырянская). XIV в. Работа св. Стефана Пермского (предполож.). Происходит из Троицкой церкви Вожемского погоста Яренского уезда Вологодской губернии

ронам средника на светлом фоне написаны деисус из пяти фигур со Спасом Нерукотворным и 15 полуфигур избранных святых, в их числе Прокопий Устюжский. Икона примечательна как пример органичного слияния в творчестве местных мастеров ростовской художественной традиции, на основе которой сформировался иконографический тип деисуса со Спасом Нерукотворным, особенно характерный для живописи Сухонско-Двинского бассейна, с отзвуками активного влияния искусства новгородских северных земель, где регистры избранных святых и красные фоны были привычным явлением.

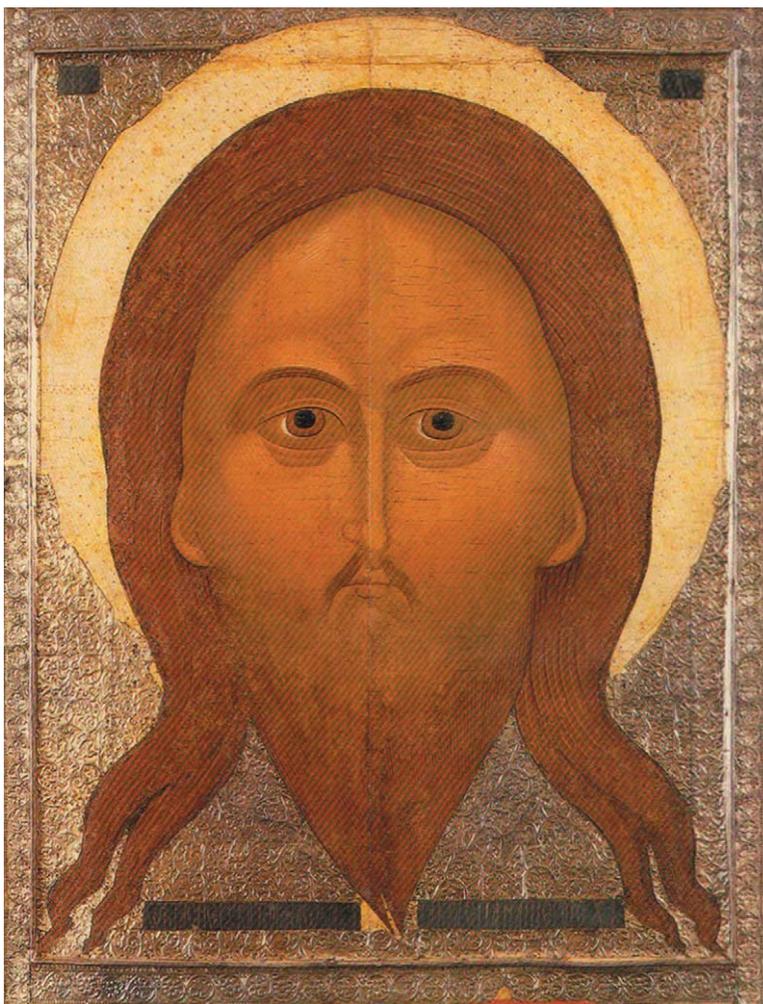

Рис. 3. Спас Нерукотворный. Конец XV в. – начало XVI в.
Великоустюжский государственный музей-заповедник

Великоустюжская живопись XVI в. хорошо представлена иконами «Покров» и «Спас Нерукотворный» (рис. 3). Судя по этим и некоторым другим произведениям той эпохи, творчество великоустюжских мастеров продолжало развиваться на основе ростовской художественной традиции, сохраняя некоторые элементы новгородской иконографии (в иконе «Покров» плат распростёрт над Богоматерью по новгородскому изводу композиции). К концу XVI в. в живописи Великого Устюга проявляются черты высокого художественного совершенства и даже некоторой академической суховатости. Возможно, это было связано с новой волной влияния новгородской художественной культуры.

Дальнейшая эволюция великоустюжского искусства в значительной мере определяется расцветом «северной державы» Строгановых и возросшей ролью города в экономике и торговле. Лучшие великоустюжские мастера XVII в. не уступают в умении царским жалованным иконописцам и неоднократно участвуют в украшении московских церквей и царских палат.

Иконы работы изографа Сергея 1670-х гг. из собора Троице-Гледенского монастыря «Успение Богородицы» и «Сошествие Святого Духа на апостолов» демонстрируют высокий уровень профессионального мастерства художника, глубокое и органичное восприятие им передовых по тому времени идей барокко. Особая любовь к детализации, обострённое чувство декоративности заставляют его всё живописное поле большой иконы заполнять многочисленными формами фантастических «палат», множеством фигур в разнообразных одеждах — «ризах».

Дальнейшее раскрытие и изучение памятников живописи из собрания Великоустюжского музея и сохранившихся интерьеров местных церквей позволит более точно и полно охарактеризовать искусство этого древнего города, оценить его роль в культуре Северной Руси.

Великий Устюг относится к числу многих городов Русского Севера, в храмах которых сохранились высокохудожественные иконостасы XVII–XVIII вв. Иконостасы ныне доступны для изучения в Прокопиевском соборе, в церкви Вознесения, в Архангельском соборе Михайло-Архангельского монастыря, в Троицком соборе Троице-Гледенского монастыря и храмах Дымковской слободы.

Каркасы иконостасов с резным деревянным декором сохранились в Успенском соборе и в церкви Симеона Столпника, но иконы из них вынуты и находятся в музейном фондохранилище.

По времени основания древнейшим храмом Великого Устюга считается Успенский собор (рис. 4). На протяжении столетий главной святыней Устюга являлась чудотворная икона — двухсторонний выносной образ «Богоматерь Одигитрия», на тыльной стороне которой написано «Богоявление». По летописным данным, икона была доставлена на Устюг из Ростова Великого ростовским епископом Тарасием в 1290 г. После реставрации, проведённой в 1968 г. во Всесоюзной центральной научно-реставрационной лаборатории консервации и реставрации, выяснилось, что эта икона не может быть датирована ранее середины XVI в. — времени возведения каменного здания собора на месте сгоревшего деревянного [4].

Ныне существующий в Успенском соборе иконостас создан в 1780–1786 гг. устюжскими и московскими мастерами под руководством протопопа Успенского собора Василия Афанасьевича Алёнова, который был профессиональным художником, прошедшим курс обучения в Императорской Академии художеств в Санкт-Петербурге. Он же написал и все иконы иконостаса, за исключением нескольких икон местного ряда. В настоящее время все иконы из иконостаса находятся в фондохранилище музея. Только две из них представлены в музейной экспозиции — чудотворная «Одигитрия» XVI в. и «Успение Богородицы» 1496 г. Конструкции и декор иконостаса временно скрыты за строительными лесами, установленными для реставрации иконостасной резьбы и позолоты. Габариты иконостаса: высота 17,64 м; ширина от северной стены собора до южной 22,24 м. В общую композиционную структуру иконостаса входят местный ряд икон,

Рис. 4. Успенский собор. Великий Устюг, XVII–XVIII вв.

Рис. 5. Василий Алеев. Успение Богородицы. Местный ряд иконостаса Успенского собора

праздничный регистр, деисусный чин и скульптурная композиционная группа страстного цикла. Царские врата иконостаса утрачены. Только из описей интерьера Успенского собора XIX в. мы знаем, что они были резные, изображения «Благовещения» и четырёх евангелистов

написаны на холсте и вставлены в створы врат, которые дополнительно были украшены вставками зеркального стекла. В местном ряду иконы «Христос Вседержитель в силах», «Успение Богородицы» (рис. 5), «Святые Стефан Пермский, Иоанн и Прокопий Устюжские», «Сошествие Святого Духа на апостолов», «Архидиакон Стефан» и «Архидиакон Филипп» на пономарских дверях написаны Василием Алеевым в стиле и технике академической живописи последней четверти XVIII в. на деревянной основе и на тонированном грунте.

Икона «Благовещение» написана в Москве, она является списком XVIII в. с иконы «Благовещение Устюжское» XII в. из Успенского собора Московского Кремля и прислана на Устюг в первой половине XVIII в. В гнезде, увенчанном киворием, размещена чудотворная «Богоматерь Одигитрия» XVI в. (рис. 7). Иконы праздничного чина написаны на прямоугольной деревянной основе, 8 икон имеют форму овальных клейм. Все они принадлежат кисти Василия Алеева. Над праздниками размещены большие иконы деисусного чина, представляющие Деисус апостольского типа. В центре чина находится изображение Христа Вседержителя на престоле в образе Царя Царей, апостолы написаны попарно, каждый со своим персональным атрибутом, это также работы Василия Алеева.

Скульптурную группу высокой художественной ценности представляет страстной цикл иконостаса Успенского собора, выполненный в технике деревянной полихромной пластики. В состав группы входят фигуры Спасителя, распятого на кресте, предстоящих Богородице, Ма-

рии Магдалины, Иоанна Богослова, Логина Сотника и двух припадающих ангелов. В основании голгофского креста помещена икона «Положение во гроб» [5].

В конце 1784 г. Василий Аленин закончил работу над иконами для нового иконостаса. К этому времени он был уже протопопом Успенского собора, заняв место своего отца, ушедшего «на покой». 5 октября 1784 г. ему «за написание святых образов в новый соборный иконостас живописною наукою» было выдано 600 рублей. Работы по реконструкции интерьера Успенского собора, его украшению новой «штукатурной и лепною работаю, иконостасом древней Римской Архитектуры, вызолоченным по полименту красным червонным весовым золотом» продолжались до весны 1786 г. По завершении всех работ 24 мая 1786 г. собор был освящён последним епископом Устюжским и Тотемским Иоанном. Этим днём можно датировать и создание ныне существующего иконостаса устюжского Успенского собора.

Троице-Гледенский монастырь в Великом Устюге почитается древнейшей обителью в верховьях Северной Двины. Согласно этому преданию, он основан неким иноком Иоанном, первым провозвестником христианства среди обитавших здесь коми-зырянских племён, ещё в XII в. Расположен монастырь на Гледенском холме. До середины XVII в. все строения монастыря оставались деревянными. Только в 1658 г. монастырские власти получили возможность начать каменное строение, получив по завещанию купца Босых 1500 рублей на возведение соборного храма. Троицкий монастырский собор был заложен в 1659 г. (рис. 6). Его строительство продолжила другая купеческая династия братьев Груд-

цыных и завершила возведение храма около 1690 г. [6]. Одновременно велись работы по украшению собора новыми иконами, которые были исполнены как устюжскими мастерами, так и лучшими московскими иконописцами.

Петровские реформы губительно сказались на благосостоянии монастыря, его строения постепенно приходили в упадок. Только в последней четверти XVIII в., когда Устюг стал административным центром Верхнего Подвинья, энергичный игумен Троице-Гледенского монастыря Геннадий сумел воспользоваться новым статусом Великого Устюга и получить от светских властей и жертвователей субсидии на развитие обители. Старый

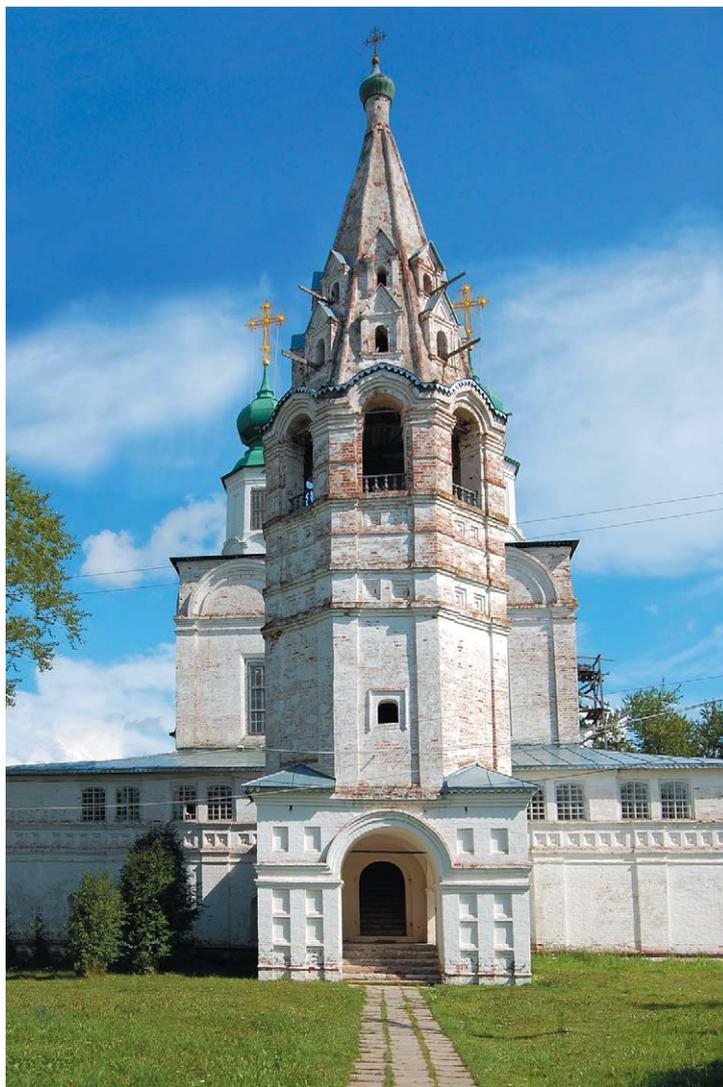

Рис. 6. Троицкий собор Троице-Гледенского монастыря, 1659. Западный фасад

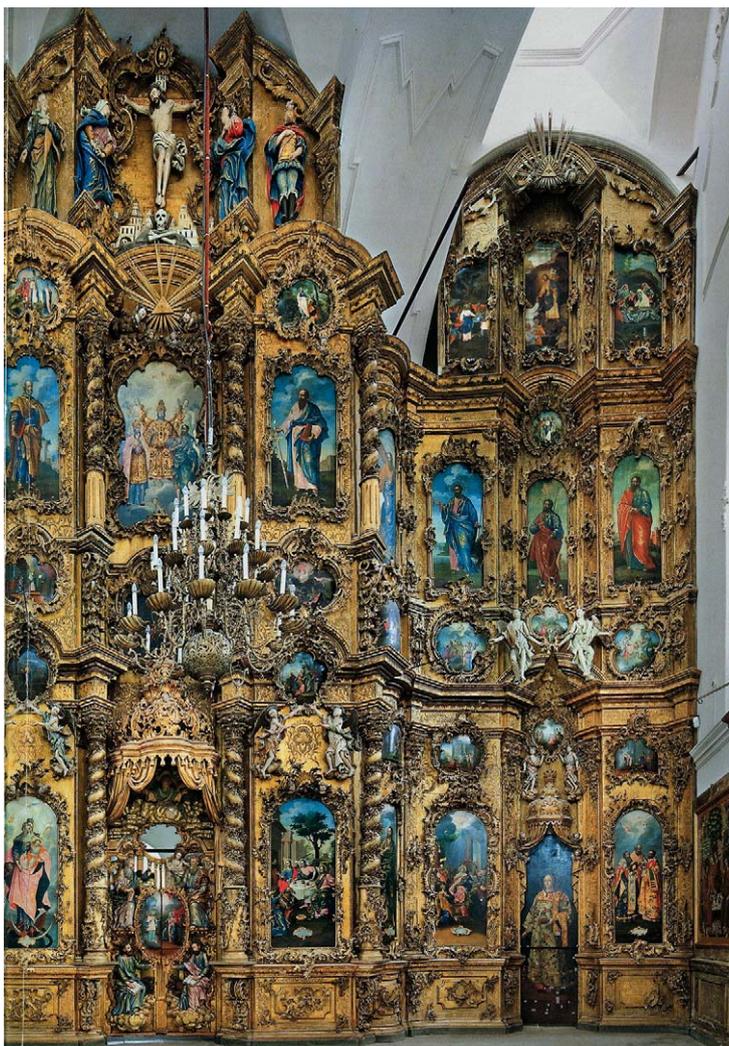

Рис. 7. Иконостас Троицкого собора Троице-Гledenского монастыря. 1776–1784 гг. Центральные и южные прясла

иконостас уже не отвечал новым вкусам. Побывавший в Ростове Великом игумен Геннадий был очарован новым иконостасом Зачатьевского собора Спасо-Яковлевского монастыря, богатством его пластики и изяществом резьбы. В 1773 г. Геннадий отправил в Ростов способных к художеству иноков и слуг для зарисовки зачатъевского иконостаса. Дело было непростое. Иконостас включал витые колонны готического типа, украшенные золочеными гирляндами затейливого рисунка и ювелирной резьбой по дереву. Поля иконостасных прясел заполнены мелкой накладной резьбой растительного узора, а сложнейшие изломанные и разорванные карнизы представляли до-

статочно сложную задачу для их графической фиксации.

Посланцы игумена Геннадия успешно справились с заданием. На основании их зарисовок устюжские мастера создали проект нового иконостаса и рабочие чертежи для изготовления всех деталей, а также иконостасной скульптуры, которые были реализованы в 1776–1783 гг. Резьбу по дереву для иконостаса выполнила артель тотемских и устюжских резчиков, в составе которой трудились Николай и Тимофей Богдановы из д. Лобаново Тотемской волости, крестьянин из д. Высокуши Верховской волости города Вельска Михаил Шурухин, крепостной человек прокурора Государственной военной коллегии В.А. Черткова Самсон Семёнов Соколов, устюжане Максим Фёдоров Бубнов и Николай Евстратьев. Позолотные работы по иконостасу выполнила та же артель записного ямщика Московской ямской Переславской слободы Петра Александровича Лабзина, которая позднее будет золотить иконостас Успенского собора. Полихромную

роспись деревянной скульптуры осуществили устюжане Семён Попов и Прокопий Андреев [7].

Композиционную структуру троицкого иконостаса составляют 5 ярусов, не считая цоколя (рис. 7). Его высота 1530 см, ширина 1450 см. В местном ряду иконостаса расположены восемь местных икон работы выдающегося устюжского иконописца Алексея Колмогорова 1777–1778 гг., царские врата, дверь жертвенника с изображением архидиакона Лаврентия и дверь диаконника с изображением архидиакона Стефана. В примыкающих к иконостасу киотах по северной и южной стенам расположены несколько икон из прежнего иконостаса XVII в. В двух ки-

отах на северной стене находятся большие уникальные иконы выдающихся московских мастеров «Св.Николай Чудотворец» конца XVII в. предположительно работы Кирилла Уланова и «Богоматерь Одигитрия» 1696 г. работы Стефана Нарыкова. На южной стене в киотах размещены «Троица Ветхозаветная» предположительно работы Фёдора Зубова последней четверти XVII в., «Успение Богородицы» 1673 г. работы инок Троице-Гледенского монастыря Изографа Сергия и его же «Сошествие Святого Духа» 1676 г.

В клеймах праздничного цикла размещены 20 икон сложной рокайльной формы. Они расположены в двух регистрах. При этом иконы нижнего регистра иллюстрируют евангельские, мартирологические и агиографические тексты, а иконы второго регистра представляют собственно праздники, но без соблюдения их календарной последовательности. Деисусный чин апостольского типа содержит 11 икон. Иконостас увенчан двумя аттиками, на которых размещены иконы страстного цикла, а между ними над тремя центральными пряслами возвышается полихромная скульптурная группа «Распятие» с предстоящими Богоматерью, Марией Магдалиной, Иоанном и Логиком Сотником.

Иконостас Троицкого собора по праву считается шедевром русской декоративной резьбы по дереву и деревянной полихромной пластики, венчающим эпоху русского барокко и рококо, а его царские врата с выразительными и пластически совершенными фигурами евангелистов являются непревзойдённым образцом мастерства отечественных резчиков по дереву последней четверти XVIII в. Можно согласиться с мнением М.А.Бургановой, что «троицкий иконостас является вершиной достижений в области синтеза искусств, в котором живопись органично сочетается с объёмной пластикой и сложным флористическим декором» [5].

Синтез местных традиций народной культуры и поступавших из Владимира,

Ростова, Москвы и Великого Новгорода культурных и художественных новаций способствовал развитию богатой и самобытной художественной культуры Великого Устюга, появлению здесь выдающихся произведений архитектуры, живописи и декоративно-прикладного искусства.

В начале XVI в. Устюг становится центром Устюжского уезда, включавшего множество волостей, а в 1682 г. создаётся самостоятельная Великоустюжская и Тотемская епархия. Первый устюжский епископ Геласий поселяется в Устюге, Успенский собор становится кафедральным.

Создание Устюжской епархии оживило церковное строительство и деятельность устюжских иконописцев. В XVII – начале XVIII в. в городе и его окрестностях деревянные приходские и монастырские храмы, служебные постройки начинают заменять каменными. Быстро растёт число храмов в приходах. К концу XVII в. в Великом Устюге числились 28 церквей, а с монастырскими храмами их насчитывалось до 40, при населении, согласно подворным переписям, около 3,5 тысяч человек. Обилие церковных глав и колоколен создавало сказочную панораму со стороны реки. В августе 1902 г. И.Э.Грабарь совершил свою первую поездку по Северу России. Проплывая мимо Великого Устюга, он поразился количеству церквей и написал в письме брату: «Северные города отличаются невероятным количеством церквей и полным отсутствием жителей и домов. Когда подъезжаешь к ним, то только и видишь, что 30 и больше церквей и дватри деревянных домика. В Великом Устюге их 38» [8].

Строительство церквей, их украшение иконами, расписными и золочёными иконостасами и полихромной скульптурой было делом дорогостоящим. Епархиальные власти редко участвовали в финансировании этих работ. Обычно заказы на ремонтные, строительные и живописные работы поступали от самих церквей, монастырей и оплачивали из их собственных доходов и пожертвований.

Мощной экономической базой благоустройства города и возведения новых храмов была поддержка богатого устюжского купеческого сословия. В Устюге в XVII–XVIII вв. сформировались купеческие династии, обладавшие крупными капиталами. К ним относились фамилии Жилиных, Курочкиных, Ключовых, Кабаковых, Костровых, Звездочётовых, Толконцевых, Ревякиных, Гусельниковых, Шиловых и ряда других семей.

В связи со строительством большого числа новых храмов и с обновлением интерьеров в монастырских соборах в Устюге и Устюжском уезде потребовалось увеличение контингента профессиональных иконописцев, живописцев, резчиков по дереву, позолотчиков. Вследствие этого подобно купеческим династиям среди устюжских иконописцев и живописцев в XVII–XVIII вв. появились семьи, в которых иконописным делом занимались из поколения в поколение. Славилась своим высоким искусством потомственные иконописцы Гольцовы, Соколовы, Колмогоровы, живописцы Березины. По неполным данным над украшением устюжских храмов живописью,

резьбой и новыми богатыми иконостасами трудились до 95 мастеров. Так, в XVII–XVIII вв. сформировалась своеобразная устюжская школа живописи, получившая у знатоков и коллекционеров XIX в. наименование «устюжских писем».

Хорошо усвоив эстетические нормы и художественные принципы барокко, а затем и рококо, в их русском восприятии, достигнув невероятных высот в мастерстве резьбы по дереву, мастера иконописной резьбы по дереву и деревянной полихромной скульптуры превращали иконописные прясла в чудесные райские поля, заполненные золотыми травами, цветами и гирляндами, в которых парят ликующие ангелы, вечно пребывают апостолы и другие библейские персонажи.

Но не только мастерством иконописцев и резчиков по дереву славился и был известен в России Великий Устюг. Здесь издревле существовали уникальные художественные ремёсла, изделия которых имели широкий рынок сбыта, служили важной опорой экономического благополучия города и поддерживали известность Устюга как крупного и самобытного регионального центра художественной культуры.

Наиболее важным, достигшим в своём развитии уровня мировых образцов в Великом Устюге, является серебряный промысел. Изделия устюжских серебряников были широко распространены как в церковном искусстве (оклады богослужебных книг и икон, венцы и цаты, богослужебные сосуды и дарохранильницы (рис. 8), привески донаторов к чтимым иконам и пр.), так и в советском обиходе (столовые приборы, табакерки, шкатулки, ювелирные изделия и др.). Истоки этого промысла восходят к XV–XVI столетиям, когда новгородцы, спасаясь от репрессий Ивана III и Ивана IV, бежали на Север. Часть этих бе-

Рис. 8. Звезда. 1770-е гг. Великий Устюг. Серебро, золочение, чернь, гравировка, канфарение

Рис. 9. Шкатулка «Барские палаты», XVIII в.
Великий Устюг. Просечка и тиснение по бересте

женцев осела в Устюге, другая часть ушла дальше на восток и основала недалеко от Устюга город Лальск. Были среди новгородских пришельцев иконописцы и серебряники, которые и оставили свой след в искусстве Великого Устюга.

Ранние произведения устюжских серебряников часто исполнялись в технике эмали по скани (оклады икон и книг, кресты-тельники, венчики икон и др.). Позднее большую популярность среди устюжских мастеров получило чернение по серебру. В этой технике исполнялся большой ассортимент изделий (стаканы, ларцы, подносы, панагии, оклады икон, игольницы и др.).

В 1761 г. в Великом Устюге братья Афанасий и Степан Поповы создали финифтяную фабрику («финифтяная на меди с накладкой серебром и золотом да черневых на серебре обронная»). Фабрика просуществовала до 1776 г. и выпустила большое число изделий, отличавшихся особым изяществом и своеобразием цве-

тового решения. Клеймение серебряных изделий в Великом Устюге было введено только в первой четверти XVIII в. К лучшим устюжским мастерам-серебряникам Устюга в XVIII–XIX вв. относились А.И. Жилин (1800 – ок. 1842), А.И. Мошнин (1721 – после 1751), И.П. Жилин (1750 – ок. 1812), М.М. Климшин (1711–1764), Ф.К. Бушковский (1778 – после 1834), М.П. Чирков (1866–1938) [9].

Искусство художественной обработки серебра процветает в Великом Устюге и в наши дни. С 1930 г. здесь действует фабрика «Северная чернь», изделия которой пользуются спросом как в России, так и за рубежом.

К уникальным промыслам Великова Устюга относится и художественная обработка бересты. Как свидетельствуют археологические и этнографические исследования, береста активно использовалась местным финно-угорским населением с глубокой древности. Из бересты делали обувь (лапти), даже охотничьи

Рис. 10. Шкатулка. XVIII в. Великий Устюг. Просечное железо

куртки, но особенно часто она применялась для изготовления бытовых предметов — бураков, туесов, коробов, солониц, шкатулок различного назначения. В поздний период из бересты выполнялись иногда оклады для икон. Берестяные изделия украшались растительным и геометрическим орнаментом, жанровыми сценками, исполненными в технике тиснения и просечки, иногда расписывались темперными красками. Если в древности изготовление берестяных изделий было семейным ремеслом, которым занимались мужчины и женщины, то в XVII–XVIII вв. оно оформляется в доходный промысел, сосредоточенный в прилегающих к Великому Устюгу деревнях, с выходом на устюжский рынок. Из Устюга через скупщиков берестяные изделия народных мастеров распространялись по торговым центрам и ярмаркам всей России, уходили даже за границу (рис. 9).

Особенно активно и успешно искусством резьбы по бересте занимались крестьяне Шемогодской волости. В конце XIX в. этим промыслом занимались до 200 человек, среди которых слави-

лись мастерством резчики династии Вепревых, позднее М.Рядовиков, Л.Остроумова и др. Деревни, где сформировался центр резьбы и росписи по бересте, располагались по берегам реки Шемоксы, по названию которой получил наименование и сам берестяной промысел. В 1918 г. здесь, в деревне Курово-Наволоку, создаётся «Шемогодская кооперативно-производственная берестяных изделий артель», переименованная в 1935 г. в артель «Художник». С этого времени мастера-резчики перебираются в Великий Устюг, и в 1940 г. здесь создаётся особый цех берестяных работ при Городском промысловом комбинате, ликвидированный в 1958 г. Но промысел не угас, он был возрождён в 1972 г. на фабрике «Великоустюжские узоры». В настоящее время фабрика выпускает разную сувенирную продукцию (хлебницы, туеса для упаковки масла, декоративные тарелки, шкатулки и пр.), которая пользуется большим спросом. Среди изделий фабрики особое внимание привлекают произведения талантливых мастеров А.Марковой, Л.Чупровой, Т.Вязовой [10].

Опыт и технику художественной обработки бересты в XVII–XVIII вв. осваивают и успешно используют устюжские кузнецы, которые разрабатывают технологию просечного железа. На железных пластинах и полосах мастер по предварительно нанесённому рисунку просекал узор растительного орнамента, иногда с включением зооморфных или антропоморфных мотивов, и накладывал их на украшенный предмет, покрывая всю его поверхность сплошной декоративной композицией, выполненной в металле. Чаще всего в такой технике обрабатывались ларцы, сундуки, жиковины замков. Таким образом обычно украшались и укреплялись дорожные сундучки-подголовники, в которых часто путешествовавшие купцы хранили казну и документы. Такие подголовники большей частью производились в Устюге и были известны под наименованием «устюжских» (рис. 10).

Оригинальную технологию украшения сундуков и шкатулок, которая называлась «мороз по жести», разработали устюжские умельцы. Железные полосы обрабатывали специальной смесью кислот и при нагреве таким образом обработанного железа на нём появляется узор, похожий на фантастические орна-

ментальные разводы, образующиеся зимой на замёрзшем оконном стекле. Этими декоративными железными полосами оковывалась деревянная основа сундуков и шкатулок, и в таком виде они поступали в продажу. Устюжские изделия с просечным железом и «морозом по жести» можно было встретить на всех крупных ярмарках российского рынка [11].

Из приведённой краткой характеристики исторического развития художественной культуры Великого Устюга можно видеть, как благодаря воздействию ряда различных факторов из небольшого городка — форпоста Владимиро-Суздальской Руси и Московского государства у истоков Северной Двины город превратился в крупный экономический и культурный региональный центр на Русском Севере. Удачное географическое расположение, интенсивное развитие проходивших через него торговых путей, пассионарный характер славянских первопроходцев, благоприятное синергетическое воздействие встречи и взаимодействия на этом перекрёстке различных культур создали необходимые условия для успешного развития творческой энергии устюжан, плоды которой ныне составляют ценнейший пласт отечественного культурного наследия.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Батаков Н., Мансветова Е., Широков В. Великий Устюг. Вологда, 1973; Шильниковская В.П. Великий Устюг. Развитие архитектуры города до середины XIX в. М., 1973; Тельтевский П.А. Великий Устюг. Архитектура и искусство. XVII–XIX вв. М., 1977; Бочаров Г., Выголов В. Сольвычегодск. Великий Устюг. Тотьма. М., 1983. Об исторических судьбах Великого Устюга существует обширная литература. См.: Фриз Я. Руководство к историческому и физическому описанию областного города Устюга Великого, сочиненное в 1793 году. СПб., 1899; Устюг Великий. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1883; Токмаков И.Ф. Историко-статистический и археологический очерк города Великого Устюга с уездом. М., 1894; Шляпин В.П. Из истории города Великого Устюга // Записки Северо-Двинского общества изучения местного края. Вып. 1, 2. Великий Устюг, 1925–1926; «Бысть на Устюзе...»: Историко-краеведческий сборник. Вологда, 1993 и др. Савваитов П.И. Описание великоустюжского Архангельского и приписанного к нему Троицкого Гledenского монастырей. СПб., 1848; Токмаков И.Ф. Указ. соч., С. 5–14; Бочаров Г. Выголов В. Указ. соч. С. 248–259.
2. Летописец города Великого Устюга. Публ. А.Н.Непогодьева // «Бысть на Устюзе...». С. 134–136.

3. Около 1570 г. много новгородцев поселились в Великом Устюге, а в 80 верстах от города ими был основан Лальский посад // Устюжский летописец. Вологда, 1874. С. 109.
4. «Опись кафедрального Успенского собора церковной ризнице и всякому имуществу, учинённая в 1783 году». ВУЦА. Ф. 584. Оп. 21. Д. 4. Л. 4 об.
5. Бурганова М.А. Русская скульптура XVI–XIX вв. Великий Устюг. М., 2012. С. 61–76.
6. Шильниковская В.П. Великий Устюг. Развитие архитектуры города до середины XIX в. М., 1987. С. 109–110.
7. Мальцев Н.В., Соловьёва И.Д. Иконостас Троицкого собора Троице-Гледенского монастыря. М., 2014.
8. Рыбаков А.А. Роль И.Э. Грабаря в изучении и сохранении архитектурно-художественного наследия Русского Севера // Грабарёвские чтения. V. М., 2003.
9. Постникова-Лосева М.М. Русское ювелирное искусство, его центры и мастера. XVI–XIX вв. М., 1974. С. 197, 230–232.
10. Пятницкая И.А. Исторические корни и эволюция шемогодской резьбы // Русское народное искусство Севера: Сборник статей / Под ред. И.Я. Богуславской и В.А. Сулова. Л., 1968. С. 145–154.
11. Комаров В.В. Художественные промыслы великоустюжских мастеров. Вологда, 1949.

ENGLISH

Veliky Ustyug – the Center of Artistic Culture of the Russian North of the 13th–18th Centuries

Alexander Aleksandrovich Rybakov – Dr. of Art History, Honored Artist of the Russian Federation, chief researcher of Vologda Branch of I.E. Grabar Russian National Scientific and Restoration Art Center, head of the project “Icons and iconostases of Veliky Ustyug of the 13th–19th centuries” (16-04-00368a).
E-mail: kubenasee@mail.ru

The paper gives a brief review of the architectural and artistic heritage of Veliky Ustyug – one of the leading regional centers of historical artistic culture of the Russian North. Throughout the 13th–18th centuries, wooden and stone architecture, painting, woodcarving, birch-bark and metal arts, weaving and other folk arts reached a high level of progress here. Because of the active dedicated work of Ustyug intelligentsia – historians, artists, museum staff and teachers of the first half of the 20th century – the city still has a great number of survived monuments of architecture, painting, woodcarving, silver art and works of other arts that constitute an important part of Russian cultural heritage. The ensembles of tall Ustyug iconostases of the 17th–18th centuries made by both local and guest artisans are of special historical and artistic interest.

Keywords: visual arts, icon painting, Russian North, centers of artistic culture, Veliky Ustyug, museum collections, iconostases

REFERENCES

1. Sm.: Batakov N., Mansvetova E., Shirokov V. Velikiy Ustyug. Vologda, 1973; Shil'nikovskaya V.P. Velikiy Ustyug. Razvitie arkhitektury goroda do serediny XIX v. M., 1973; Tel'tevskiy P.A. Velikiy Ustyug. Arkhitektura i iskusstvo. XVII–XIX vv. M., 1977; Bocharov G., Vygolov V. Sol'vychegodsk. Velikiy Ustyug. Tot'ma. M., 1983. Ob istoricheskikh sud'bakh Velikogo Ustyuga sushchestvuet

- obshirnaya literatura. Sm.: Friz Ya. Rukovodstvo k istoricheskomu i fizicheskomu opisaniyu oblastnogo goroda Ustyuga Velikogo, sochinennoe v 1793 godu. SPb. 1899; Ustyug Velikiy. Materialy dlya istorii goroda XVII i XVIII stoletiy. M., 1883; Tokmakov I.F. Istoriko-statisticheskiy i arkheologicheskiy ocherk goroda Velikogo Ustyuga s uezdom. M., 1894; Shlyapin V.P. Iz istorii goroda Velikogo Ustyuga // Zapiski Severo-Dvinskogo obshchestva izucheniya mestnogo kraya. Vyp. 1, 2. Velikiy Ustyug, 1925–1926; «Byst' na Ustyuze...»: Istoriko-kraevedcheskiy sbornik. Vologda, 1993 i dr. Savvaitov P.I. Opisanie velikoustyuzhskogo Arkhangel'skogo i pripisannogo k nemu Troitskogo Gledenskogo monastyrey. SPb., 1848; Tokmakov I.F. Ukaz. soch., S. 5–14; Bocharov G. Vygolov V. Ukaz. soch. S. 248–259 (in Russian).
2. Letopisets goroda Velikogo Ustyuga. Publ. A.N. Nepogod'eva // «Byst' na Ustyuze...». S. 134–136 (in Russian).
 3. Okolo 1570 g. mnogo novgorodtsev poselilis' v Velikom Ustyuge, a v 80 verstakh ot goroda imi byl osnovan Lal'skiy posad // Ustyuzhskiy letopisets. Vologda, 1874. S. 109 (in Russian).
 4. «Opis' kafedral'nogo Uspenskogo sobora tserkovnoy riznitse i vsyakomu imushchestvu, uchi-nyonnaya v 1783 godu». VUTSA. F. 584. Op. 21. D. 4. L. 4 ob. (in Russian).
 5. Burganova M.A. Russkaya skul'ptura XVI–XIX vv. Velikiy Ustyug. M., 2012. S. 61–76 (in Russian).
 6. Shil'nikovskaya V.P. Velikiy Ustyug. Razvitie arkhitektury goroda do serediny XIX v. M., 1987. S. 109–110 (in Russian).
 7. Mal'tsev N.V., Solov'yova I.D. Ikonostas Troitskogo sobora Troitse-Gledenskogo monastyrya. M., 2014 (in Russian).
 8. Rybakov A.A. Rol' I.E. Grabarya v izuchenii i sokhranении arkhitekturno-khudozhestvennogo naslediya Russkogo Severa // Grabaryovskie chteniya. V. M., 2003 (in Russian).
 9. Postnikova-Loseva M.M. Russkoe yuvelirnoe iskusstvo, ego tsentry i mastera. XVI–XIX vv. M., 1974. S. 197, 230–232 (in Russian).
 10. Pyatnitskaya I.A. Istoricheskie korni i evolyutsiya shemogodskoy rez'by // Russkoe narodnoe iskusstvo Severa: Sbornik statey / Pod red. I.Ya. Boguslavskoy i V.A. Suslova. L., 1968. S. 145–154 (in Russian).
 11. Komarov V.V. Khudozhestvennye promysly velikoustyuzhskikh masterov. Vologda, 1949 (in Russian).

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА

УДК 159.922.6

ГРНТИ 15.31

DOI: 10.22204/2587-8956-2018-091-02-124-133

**В.И. МОРОСАНОВА,
Т.Г. ФОМИНА,
М.Л. ОВАНЕСБЕКОВА***

Взаимосвязь осознанной саморегуляции, мотивации и личностных диспозиций с успеваемостью школьников

Обсуждается актуальность исследования возрастной специфики взаимосвязи осознанной саморегуляции (СР) учебной деятельности, мотивации, личностных диспозиций с академической успеваемостью учащихся. Представлены эмпирические данные об особенностях рассматриваемой взаимосвязи для школьников 6–11 классов ($N = 606$), основанные на анализе возрастных срезов. Результаты свидетельствуют о том, что в большей степени СР связана с академической успеваемостью учащихся 7–8 и 9–11 классов. Усложнение учебной деятельности, расширение спектра задач, которые необходимо решать ребёнку на более старших ступенях обучения, приводят к востребованности и актуализации СР как ресурса для достижения учебных целей. Корреляционный анализ показателей академической мотивации и успеваемости показал, что с успешностью в первую очередь связаны продуктивные виды внутренней мотивации: мотивация достижения и мотивация саморазвития, причём этих связей больше у учащихся 7–8 и 9–11 классов. Среди личностных диспозиций устойчивая положительная связь успеваемости зафиксирована в отношении фактора «Открытость опыту».

* **Моросанова Варвара Ильинична** — доктор психологических наук, член-корреспондент РАО, заведующая лабораторией психологии саморегуляции Психологического института (ПИ) РАО, руководитель проекта «Возрастные различия осознанной саморегуляции учебной деятельности во взаимосвязи с академической мотивацией, личностными особенностями учащихся и результатами их обучения» (16-06-00562а).
E-mail: morosanova@mail.ru

Фомина Татьяна Геннадьевна — кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии саморегуляции ПИ РАО, исполнитель того же проекта.
E-mail: tanafomina@mail.ru

Ованесбекова Маргарита Леонидовна — младший научный сотрудник лаборатории психологии саморегуляции ПИ РАО, исполнитель того же проекта.
E-mail: ovanesbekova@mail.ru

В контексте проблемы психологических факторов академической успеваемости данное исследование имеет большое практическое значение, которое заключается в обосновании применения технологий развития осознанной саморегуляции учащихся как метаресурса в достижении учебных целей, а также средства интеграции и мобилизации индивидуальных мотивационных и личностных особенностей.

Ключевые слова: осознанная саморегуляция, личностные особенности, академическая мотивация, успеваемость, учебная деятельность

Актуальность исследования саморегуляции для сферы образования подчёркивают многие отечественные и зарубежные исследователи. Психологической основой овладения различными видами учебной деятельности и фактором академической успешности является сформированность психической СР [1–6 и др.]. Это связано с тем, что учебная деятельность требует достаточно сформированную способность к саморегуляции и высвечивает основные её дефекты.

Масштабное изучение СР в учебной деятельности способствовало появлению в западной психологии нового термина – self-regulated learning (SRL). Предложенный конструкт позволял исследовать взаимовлияние регуляторных, когнитивных, мотивационных и ситуационных факторов на успешность учебной деятельности. Наиболее авторитетной моделью SLR являются модель, предложенная Schunk и Zimmerman (Self-regulation learning theory, SRL) [6], и её вариации. Эти модели хотя и различаются в частности, как правило, включают самооценку на основе самонаблюдения, инструментальные когнитивные и метакогнитивные инструкции, постановку целей и собственные мотивационные стратегии.

В модели Р. Pintrich, базирующейся на основных положениях социально-когнитивной теории [5], СР учебной активности состоит из взаимосвязанных процессов: планирования, самоконтроля, контроля и оценки. Причём каждый из процессов, в свою очередь, может быть опи-

сан через систему различных уровней: когнитивного, мотивационного, поведенческого и ситуационного. Р. Pintrich и В. Zimmerman отмечают важность обратной связи, поскольку она позволяет учащимся оставаться гибкими и использовать неудачи как инструмент для повышения успеваемости.

Отечественные учёные также изучают проблему СР и её связи с успешностью обучения. В последние годы в лаборатории психологии саморегуляции Психологического института РАО ведётся активная исследовательская работа в области осознанной саморегуляции учебной деятельности и её влияния на академическую успеваемость. Разрабатывается подход, согласно которому осознанная СР понимается как интегративный когнитивно-личностный конструкт. С одной стороны, она представляет собой систему когнитивных процессов переработки информации, включающих планирование целей, моделирование значимых для их достижения условий, программирование действий, оценивания и корректирования результатов, а с другой – представлена своеобразием инструментальных личностно-регуляторных свойств: гибкости, самостоятельности, надёжности, ответственности и др. Последние исследования, выполненные в лаборатории, не только доказали существенную роль осознанной саморегуляции в качестве значимого предиктора различных видов академической успешности, но и выявили специфику её вклада в успешность на-

ряду с другими психологическими характеристиками [2–4].

Компоненты саморегуляции присутствуют уже в очень раннем возрасте, в то время как способность к более сложному осознанному саморегулированию своей произвольной активности развивается только к подростковому возрасту. Механизмы саморегуляции формируются в связи и единстве с возрастным развитием психики, а также с расширением разнообразия и усложнением видов выполняемой ребёнком деятельности [1]. На сегодняшний день актуальной является проблема изучения возрастного становления осознанной СР, а также её взаимосвязи с продуктивными аспектами деятельности в различные периоды развития.

Объектом нашего исследования является период обучения в основной школе. Именно с переходом из начальной школы в среднее звено, по мнению исследователей, происходят основные изменения, связанные с осознанным целедостижением. Одним из важных параметров в этом смысле является успешность осуществления учебной деятельности. Основная задача настоящего исследования состояла в изучении системы взаимосвязей осознанной саморегуляции, мотивации, личностных диспозиций с академической успеваемостью учащихся.

Методы

Для оценки развития осознанной саморегуляции был использован опросник В.И. Моросановой «Стиль саморегуляции учебной деятельности, ССУД-М» [7]. Он включает 67 утверждений, описывающих типичные ситуации достижения учебных целей. Утверждения опросника сгруппированы в 10 шкал: планирование, моделирование, программирование, оценка результатов, гибкость, инициативность, надёжность, ответственность, социальная желательность, общий уровень саморегуляции.

Для диагностики академической мотивации учащихся использовалась мето-

дика «Шкалы академической мотивации школьников, ШАМ» [8]. Методика включает 8 шкал по 4 пункта в каждой: 3 шкалы внутренней (мотивация познания, достижения и саморазвития), 4 шкалы внешней мотивации (мотивация самоуважения, интроецированная регуляция, мотивация уважения родителей, экстернатальная регуляция) и шкалу амотивации.

Личностные особенности оценивались при помощи опросной методики «Большая пятёрка – детский вариант» (Big Five Questionnaire – Children version, BFQ-C) [9] для учащихся средней школы. Методика содержит 62 утверждения, которые необходимо оценить по 5-бальной шкале. Измеряемые шкалы: «Нейротизм», «Экстраверсия», «Открытость опыту», «Дружелюбность», «Добросовестность».

В качестве показателей академической успеваемости были использованы отметки по основным учебным предметам школьников – русскому языку и математике.

Выборка исследования: учащиеся 6–11 классов общеобразовательных школ г. Москвы – 606 человек.

Результаты и их обсуждение

Для установления значимых взаимосвязей и выявления их возрастной специфики между исследуемыми переменными был использован корреляционный анализ.

В табл. 1 представлены результаты корреляционного анализа регуляторных переменных и показателей успеваемости по математике и русскому языку внутри выделенных возрастных групп.

Результаты свидетельствуют о том, что в большей степени СР связана с академической успеваемостью у учащихся во второй и третьей возрастной группе (7–8 и 9–11 классы). Отсутствие значимых связей в возрастной группе 6 классов может объясняться несколькими причинами. Во-первых, для данной группы мы наблюдаем наиболее высокие в сравнении с остальными группами значения СР.

Таблица 1

Корреляционный анализ показателей осознанной СР учебной деятельности и академической успеваемости школьников 6–11-х классов

СР Успеваем.	Пл	М	Пр	ОР	Г	Н	И	Отв	ОУ
6-е классы									
Матем.	,044	,023	-,076	-,021	,061	,008	-,032	,016	,005
Русс. яз.	,048	,125	-,050	,057	,114	-,013	,085	,163	,096
7-е классы									
Матем.	,128	,255*	-,128	,392**	,115	,262*	,167	,034	,229*
Русс. яз.	,275*	,238*	,040	,330**	,213	,201	,231*	,057	,302**
8-е классы									
Матем.	,101	,265**	,036	,332**	,202*	,127	,191*	,033	,238**
Русс. яз.	,059	,068	-,017	,229**	,027	-,046	,190*	-,042	,085
9-е классы									
Матем.	,310**	,227*	,110	,297**	,258**	,262**	,269**	,171	,378**
Русс. яз.	,122	,136	-,059	,304**	,260**	,081	,163	,023	,197*
10-е классы									
Матем.	,131	,042	,055	,248*	,118	-,040	,052	,163	,151
Русс. яз.	,033	-,040	,022	,182	,033	-,134	,011	,148	,050
11-е классы									
Матем.	,201	-,216	-,372*	,086	-,088	-,136	-,080	-,011	-,145
Русс. яз.	,405*	,140	,038	,382*	,059	,090	,165	,422*	,365*

Примечания: Пл — планирование, М — моделирование, Пр — программирование, ОР — оценивание результатов, Г — гибкость, Н — надёжность, И — инициативность, Отв — ответственность, ОУ — общий уровень саморегуляции; * — значимость $p \leq 0,05$; ** — $p \leq 0,01$.

Успеваемость у шестиклассников также наивысшая. Вследствие этого в корреляционном анализе значимых связей не наблюдается. Во-вторых, данный факт может свидетельствовать о том, что усложнение учебной деятельности, расширение спектра задач, которые необходимо решать ребёнку на более старших ступенях обучения (выбор профиля обучения, организация подготовки к итоговым экзаменам и пр.), приводит к востребованности и актуализации СР как ресурса в достижении учебных целей. Также мы полагаем, что развитие СР учебной деятельности в соответствии с логикой возрастного развития идёт в направлении увеличения автономии и самостоятельности ребёнка. В 6 классе в организации

учебной деятельности ещё значительную роль играет ближайшее социальное окружение ребёнка (родители, учителя). Постепенно расширяя границы собственной автономии, школьник должен выходить и на самостоятельную регуляцию своей активности, опираясь на собственные ресурсы, в том числе на общую способность к саморегуляции.

В табл. 2 представлены результаты корреляционного анализа личностных факторов, измеренных с помощью опросника Big 5, и показателей академической успеваемости по математике и русскому языку.

Корреляционный анализ позволил установить, что наибольшее число положительных связей мы наблюдаем в отно-

Таблица 2

**Корреляционный анализ показателей личностных факторов (Большая пятёрка)
и академической успеваемости школьников 6–11-х классов**

Биг5 Успеваем.	Экстраверсия	Дружелюбие	Добросо- вестность	Нейротизм	Открытость опыту
6-е классы					
Матем.	-,020	,061	,020	,180	,209*
Русс. яз.	,110	,070	,073	,099	,188
7-е классы					
Матем.	-,045	-,051	,034	,029	,215*
Русс. яз.	,020	,126	,098	,122	,235*
8-е классы					
Матем.	,034	,167*	,175*	-,083	,290**
Русс. яз.	,020	,190*	,238**	,158	,197*
9-е классы					
Матем.	-,093	,051	,217*	-,050	,277**
Русс. яз.	-,093	,173	,182	-,005	,216*
10-е классы					
Матем.	-,126	-,120	,173	,046	,208
Русс. яз.	-,017	,070	,110	,283**	,153
11-е классы					
Матем.	-,181	-,193	,083	,064	,227
Русс. яз.	,115	-,030	,345*	,162	,353*

Примечания: * — значимость $p \leq 0,05$; ** — $p \leq 0,01$.

шении личностного фактора открытости новому опыту. Личностный фактор открытости опыту (Openness to Experience) характеризует способность воспринимать новые идеи, широту интересов, любознательность. В ряде других исследований также подтверждается положительная связь данной личностной особенности с академической успешностью [10–11] во многом благодаря тому, что обнаружена её достоверная связь с интеллектом ($r = 0,20 - 0,40$) [19]. Положительную связь с фактором добросовестности мы обнаружили на выборке учащихся 7–8 и 9–11 классов. В большом числе исследований показано, что добросовестность (Conscientiousness) имеет наиболее тесные связи с успеваемостью [12]. Это связь чаще всего обосновывается с точки зре-

ния мотивации: добросовестные ученики более ориентированы на достижение результата.

Значимых связей с фактором экстраверсии на нашей выборке не выявлено. В целом исследования связи академической успешности и фактора экстраверсии (Extraversion) демонстрируют разнообразные результаты [13–14]. Не обнаружено также значимых связей с фактором нейротизма, за исключением положительной связи с показателем академической успеваемости по русскому языку в возрастной группе 7–8 классов. Большинство исследований последних десятилетий фиксируют устойчивую отрицательную связь между нейротизмом (Neuroticism) и академическими достижениями [12]. Обосновывается это с точ-

ки зрения того, что эмоциональная нестабильность приводит к повышенному вниманию учащегося к собственным эмоциональным состояниям и, как следствие, снижается эффективность решения академических задач [15].

С фактором дружелюбия обнаружена положительная связь в возрастной группе 7–8 классов. Основная масса исследований свидетельствует об отсутствии значимой связи между фактором дружелюбия (Agreeableness) и академической успешностью (по данным метаанализов [12, 14]). Учёные подчёркивают, что фактор дружелюбия является независимым от интеллекта и в связи с этим не имеет существенного влияния на академические достижения. Но в некоторых исследованиях, в частности в российских [10], была обнаружена положительная связь результатов ЕГЭ

и дружелюбия. По мнению исследователей, это обусловлено тем фактом, что социальное взаимодействие является одной из необходимых частей учебного процесса, и именно поэтому эта личностная черта оказывается связанной с высокими академическими достижениями.

В табл. 3 представлены данные корреляционного анализа мотивационных показателей и академической успеваемости школьников.

Наши результаты свидетельствуют о том, что с академической успешностью в первую очередь связаны продуктивные виды мотивации: мотивация достижения и мотивация саморазвития, причём этих связей больше у учащихся 7–8 и 9–11 классов. По данным метаанализов внутренняя академическая мотивация является наиболее сильным предиктором

Таблица 3

Корреляционный анализ мотивационных показателей и академической успеваемости школьников 6–11-х классов

Мотивация Успешность	Познавательная мотивация	Мотивация достижения	Мотивация само- развития	Мотивация само- уважения	Интроеци- рованная мотивация	Мотивация уважения родителями	Экстер- нальная мотивация	Амотивация
6-е классы								
Матем	,094	,164	,086	,094	,010	-,151	-,128	-,098
Русс.	,218*	,161	,161	,072	,090	-,152	-,177	-,259*
7-е классы								
Матем	,192	,272**	,020	,142	,101	-,030	-,136	,010
Русс.	,179	,142	,074	,193	,182	,040	,019	-,066
8-е классы								
Матем	,137	,227**	,251**	,119	-,007	-,053	-,230**	-,139
Русс.	,131	,097	,207*	,141	,048	-,064	-,230**	-,199*
9-е классы								
Матем	,162	,399**	,269**	,059	-,018	-,088	-,086	,011
Русс.	,260**	,276**	,229*	,105	,090	-,024	-,066	-,009
10-е классы								
Матем	,093	,142	,114	,140	,307**	,058	,201	-,084
Русс.	,037	-,002	,013	,118	,162	-,017	,107	-,045
11-е классы								
Матем	,148	,410*	,141	,036	,044	-,235	-,245	-,060
Русс.	,058	,319	,148	,271	,324	,103	-,231	-,106

Примечания: * — значимость $p \leq 0,05$; ** — $p \leq 0,01$.

академических достижений [16]. В целом, внешняя интроецированная и экстернальная мотивация (контролируемые формы регуляции) в отличие от внешней идентифицированной, интегрированной и внутренней мотивации (так называемых автономных форм регуляции) связаны с меньшими достижениями в деятельности, менее продуктивными реакциями на трудности. Этот факт также нашёл подтверждение.

Учёные сходятся во мнении, что следует обязательно учитывать такой объективный факт, как динамика и изменчивость мотивации учебной деятельности, который имеет место быть на разных этапах обучения и связан с различной степенью вовлечённости учащихся в процесс обучения [17]. Динамика в развитии учебной мотивации демонстрирует как позитивные, так и негативные тенденции в отношении различных видов мотивов. В связи с этим требует уточнения проблема источников внутренней мотивации учащихся на разных этапах обучения, а также связи с другими предикторами школьной успешности.

Выводы

Таким образом, исследование взаимосвязей осознанной саморегуляции, мотивации, личностных диспозиций с академической успеваемостью позволяет предполагать наличие определённых особенностей этих взаимосвязей у учащихся разных классов.

1. Усложнение учебной деятельности, расширение спектра задач, которые необходимо решать ребёнку на более старших ступенях обучения, приводят к востре-

бованности и актуализации СР как ресурса в достижении учебных целей. Это может быть связано с изменениями в организации учебного процесса, специфики решаемых задач, перераспределением отдельных регуляторных ресурсов, обеспечивающих эффективность их решения.

2. Уточнены данные о взаимосвязи личностных характеристик (модель Большая пятёрка) и академической успеваемости на выборке российских школьников. Среди личностных диспозиций устойчивая положительная связь успеваемости зафиксирована в отношении фактора открытости опыту. Проанализирована возрастная специфика этой взаимосвязи: обнаружена положительная связь дружелюбия с успеваемостью в возрастной группе 7–8 классов, не зафиксированы значимые связи успеваемости с фактором нейротизма и экстраверсии, что может быть специфичной особенностью российской выборки.
3. Корреляционный анализ показателей академической мотивации и успеваемости показал, что с успешностью в первую очередь связаны продуктивные виды внутренней мотивации: мотивация достижения и мотивация саморазвития, причём этих связей больше у учащихся 7–8 и 9–11 классов.
4. Дальнейшее изучение обозначенной проблематики позволит расширить научные представления в области регуляторных механизмов обеспечения продуктивных аспектов учебной деятельности с учётом возрастной специфики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конопкин О.А. Общая способность к саморегуляции как фактор субъектного развития // Вопросы психологии. 2004. № 2. С. 128–135.
2. Морсанова В.И., Цыганов И.Ю., Ванин А.В., Филиппова Е.В. Осознанная саморегуляция и отношение к учению: их взаимосвязь и вклад в успешность обучения // Вопросы психологии. 2015. № 5. С. 32–45.

3. Моросанова В.И., Фомина Т.Г. Осознанная саморегуляция в системе психологических предикторов достижения учебных целей // Вопросы психологии. 2016. № 2. С. 124–135.
4. Morosanova V.I., Fomina T.G., Bondarenko I.N. Academic achievement: Intelligence, regulatory, and cognitive predictors // Psychology in Russia: State of the Art. Vol. 8 (3). P. 136–157.
5. Pintrich P.R. The role of goal orientation in self-regulated learning. Academic Press, 2000.
6. Zimmerman B.J., Schunk D.H. Self-regulating intellectual processes and outcomes: A social cognitive perspective // Motivation, emotion, and cognition: Integrative perspectives on intellectual functioning and development. 2004. P. 323–349.
7. Моросанова В.И., Бондаренко И.Н. Диагностика саморегуляции человека. М.: Когито-Центр, 2015. (Университетское психологическое образование).
8. Гордеева Т.О. и др. Шкалы внутренней и внешней академической мотивации школьников // Психологическая наука и образование. 2017. Т. 22. № 2. С. 65–74.
9. Малых С.Б., Тихомирова Т.Н., Васин Г.М. Адаптация русскоязычной версии опросника «Большая пятёрка – детский вариант» // Теоретическая и экспериментальная психология. 2015. Т. 8. № 4. С. 6–12.
10. Най Д.В.К., Орёл Е.А., Кочергина Е.В. Факторы «Большой пятёрки» как психологические предикторы академической успеваемости студентов вузов // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2013. Т. 6. № 27. <http://psystudy.ru/num/2013v6n27/776-kochergina27.html#e3> – 06.02.2018, 14.23.13.
11. Laidra K., Pullmann H., Allik J. Personality and intelligence as predictors of academic achievement: A cross-sectional study from elementary to secondary school // Personality and individual differences. 2007. Vol. 42. № 3. P. 441–451.
12. Poropat A. E. A meta-analysis of the five-factor model of personality and academic performance // Psychological bulletin. 2009. Vol. 135. № 2. P. 322.
13. Furnham A., Chamorro-Premuzic T., McDougall F. Personality, cognitive ability, and beliefs about intelligence as predictors of academic performance // Learning and Individual Differences. 2003. Vol. 14. № 1. P. 47–64.
14. O'Connor M.C., Paunonen S.V. Big Five personality predictors of post-secondary academic performance // Personality and Individual differences. 2007. Vol. 43. № 5. P. 971–990.
15. De Raad B., Schouwenburg H.C. Personality in learning and education: A review // European Journal of personality. 1996. Vol. 10. № 5. P. 303–336.
16. Richardson M., Abraham C., Bond R. Psychological correlates of university students' academic performance: a systematic review and meta-analysis // Psychological bulletin. 2012. Vol. 138. № 2. P. 353.
17. Гордеева Т.О., Шепелева Е.А. Внутренняя и внешняя учебная мотивация академически успешных школьников // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2011. № 3. С. 33–45.

ENGLISH

Interrelation between Conscious Self-Adjustment, Motivation and Personality Dispositions, and Performance of Schoolchildren

Varvara Il'nichna Morosanova – Dr. of Psychological Sciences, associate fellow of RAE, head of the laboratory of psychology of self-adjustment at the Institute of Psychology (IP) of RAE, head of the project “Age-related differences of conscious self-adjustment of learning activities in the interrelation with academic motivation, personality features of learners and results of their learning” (16-06-00562a).

E-mail: morosanova@mail.ru

Tatyana Gennadievna Fomina – Candidate of Psychology, chief researcher of the laboratory of psychology of self-adjustment at IP RAE, co-author in the same project.

E-mail: tanafomina@mail.ru

Margarita Leonidovna Ovanesbekova – Junior researcher of the laboratory of psychology of self-adjustment at IP RAE, co-author in the same project.

E-mail: ovanesbekova@mail.ru

The paper discusses the relevant study of age-related specifics of interrelation between conscious self-adjustment (SA) of learning activities, motivation and personality dispositions, and academic performance of learners. It presents empiric data about the specifics of the considered interrelation for schoolchildren of grades 6 through 11 (N=606) based on the analysis of age groups. The results show that SA is associated with academic performance of schoolchildren from grades 7–8 and 9–11 to a greater extent. Complication of the learning activities, expanded tasks, which schoolchildren must solve at the older learning stages, make SA demanded and actual as a resource helping to achieve learning targets. The correlation analysis of indicators of academic motivation and performance showed that success was primarily associated with the productive types of inner motivation, specifically motivation of achievement and motivation of self-development; it should be noted that schoolchildren from grades 7–8 and 9–11 have a greater number of these ties. Among personality dispositions, a sustained positive relation was recorded for “Openness to experience” factor.

In the context of psychological factors of academic performance, this research has a great practical importance, that is, the substantiation of application of technologies for development of the conscious self-adjustment in learners as a mega resource in achievement of learning targets and means of integration and mobilization of individual motivational and personality features.

Keywords: conscious self-adjustment, personality features, academic motivation, performance, learning activities

REFERENCES

1. Konopkin O.A. Obshchaya sposobnost' k samoregulyatsii kak faktor sub"ektnogo razvitiya // Voprosy psikhologii. 2004. №2. S. 128–135 (in Russian).
2. Morosanova V.I., Tsyganov I.Yu., Vanin A.V., Filippova E.V. Osoznannaya samoregulyatsiya i ot-noshenie k ucheniyu: ikh vzaimosvyaz' i vklad v uspeshnost' obucheniya // Voprosy psikhologii. 2015. № 5. S. 32–45 (in Russian).

3. Morosanova V.I., Fomina T.G. Osoznannaya samoregulyatsiya v sisteme psikhologicheskikh prediktorov dostizheniya uchebnykh tseyey // Voprosy psikhologii. 2016. № 2. S. 124–135 (in Russian).
4. Morosanova V.I., Fomina T.G., Bondarenko I.N. Academic achievement: Intelligence, regulatory, and cognitive predictors // Psychology in Russia: State of the Art. Vol. 8 (3). P. 136–157.
5. Pintrich P.R. The role of goal orientation in self-regulated learning. Academic Press, 2000.
6. Zimmerman B.J., Schunk D.H. Self-regulating intellectual processes and outcomes: A social cognitive perspective // Motivation, emotion, and cognition: Integrative perspectives on intellectual functioning and development. 2004. P. 323–349.
7. Morosanova V.I., Bondarenko I.N. Diagnostika samoregulyatsii cheloveka. M.: Kogito-Tsentr, 2015. (Universitetskoe psikhologicheskoe obrazovanie) (in Russian).
8. Gordeeva T.O. i dr. Shkaly vnutrenney i vneshney akademicheskoy motivatsii shkol'nikov // Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie. 2017. T. 22. № 2. S. 65–74 (in Russian).
9. Malykh C.B., Tikhomirova T.N., Vasin G.M. Adaptatsiya russkoyazychnoy versii oprosnika «Bol'shaya pyatyorka – detskiy variant» // Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya. 2015. T. 8. № 4. S. 6–12 (in Russian).
10. Nay D.V.K., Oryol E.A., Kochergina E.V. Faktory «Bol'shoy pyatyorki» kak psikhologicheskie prediktory akademicheskoy uspevaemosti studentov vuzov // Psikhologicheskie issledovaniya: elektronnyy nauchnyy zhurnal. 2013. T. 6. № 27. <http://psystudy.ru/num/2013v6n27/776-kochergina27.html#e306.02.2018,14.23.13> (in Russian).
11. Laidra K., Pullmann H., Allik J. Personality and intelligence as predictors of academic achievement: A cross-sectional study from elementary to secondary school // Personality and individual differences. 2007. Vol. 42. №3. P. 441–451.
12. Poropat A.E. A meta-analysis of the five-factor model of personality and academic performance // Psychological bulletin. 2009. Vol. 135. № 2. P. 322.
13. Furnham A., Chamorro-Premuzic T., McDougall F. Personality, cognitive ability, and beliefs about intelligence as predictors of academic performance // Learning and Individual Differences. 2003. Vol.14. №1. P. 47–64.
14. O'Connor M.C., Paunonen S.V. Big Five personality predictors of post-secondary academic performance // Personality and Individual differences. 2007. Vol. 43. № 5. P. 971–990.
15. De Raad B., Schouwenburg H.C. Personality in learning and education: A review // European Journal of personality. 1996. Vol. 10. № 5. P. 303–336.
16. Richardson M., Abraham C., Bond R. Psychological correlates of university students' academic performance: a systematic review and meta-analysis // Psychological bulletin. 2012. Vol. 138. № 2. P. 353.
17. Gordeeva T.O., Shepeleva E.A. Vnutrennyaya i vneshnyaya uchebnaya motivatsiya akademicheskii uspekhnykh shkol'nikov // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya. 2011. № 3. S. 33–45 (in Russian).

**И.В. ЕГОРОВ,
Д.В. НАУМОВА***

Гражданское мировосприятие студенческой молодёжи

В статье изложена авторская позиция изучения феномена гражданского мировосприятия. Гражданское мировосприятие рассматривается как ценностная установка, ядро сознания, признаками которого являются личностная зрелость, просоциальная активность, социальная идентичность. Гражданское мировосприятие является своеобразной ступенью, базой формирования гражданского мировоззрения, а результатом становления гражданского мировосприятия является географическое, историческое и экологическое сознание. Описаны виды и типы гражданского мировосприятия, социально-педагогические условия и программа его формирования у студенческой молодёжи.

Ключевые слова: гражданское мировосприятие, личность, идентичность, личностная зрелость, историческое сознание, пространственное сознание, экологическое сознание, типы гражданского мировосприятия, виды гражданского мировосприятия, формирование

Понятие и структура гражданского мировосприятия

Гражданское мировосприятие личности — это сложное явление, включающее образы, чувства, отношения личности, формирующееся и проявляющееся в деятельности и поведении в виде гражданской позиции. Детальное изучение отдельных феноменов, связанных с восприятием социального мира, с социальным познанием человека, специ-

ально изучалось в рамках социологии, социальной психологии (Г.М. Андреева, П. Бергер, Т. Лукман, Л.Я. Гозман, С. Московичи, П. Штомпка). Выделим работы, посвящённые социальной (гражданской, национальной, этнической как разновидности социальной) идентичности личности. В этих работах авторы (Л.М. Дробужева, Н.Л. Иванова, И.Н. Лебедева, Т.Г. Стефаненко, Г.У. Солдатова, В.А. Касамара, А.А. Сорокина, В.А. Ильин, Е.А. Ми-

* **Егоров Илья Владимирович** — кандидат психологических наук, доцент департамента психологии Института педагогики и психологии образования Московского городского педагогического университета, руководитель проекта «Гражданское мировосприятие молодёжи: структура, содержание, социально-педагогические условия формирования» (15-06-10681а).

E-mail: egorov_cpti@mail.ru

Наумова Диана Викторовна — доцент, кандидат психологических наук, доцент департамента психологии Института педагогики и психологии образования Московского городского педагогического университета, исполнитель того же проекта.

E-mail: seroglazka3@yandex.ru

хайлова) подчёркивают, что социальная идентичность является важной социально-психологической структурой, влияющей на восприятие человеком мира и себя в этом мире.

Ещё более интересны и редки исследования, посвящённые развитию и становлению у детей, подростков и юношества различных видов идентичности (социальной, гражданской, национальной, этнической, религиозной, пространственной) и связанных с этим качественных преобразований в мировосприятии и миропонимании (М.Барретт, Т.Рязанова, М.Воловикова, В.Е.Семёнов, В.Л.Каганский, А.В.Мудрик, В.В.Хрусталёва, Л.Б.Шнейдер).

Вместе с тем большинство исследователей (А.Адлер, К.А.Абульханова, Н.Я.Большунова, П.Бурдые, М.К.Акимова, И.М.Дзялошинский, А.А.Кроник, А.Э.Страдзе), изучая проблему формирования личности, её мировоззрения, говорят о том, что важной составляющей в этом процессе является социальная активность личности. Через социальную активность в поведении личности проявляются все те ценности, представления и нормы, которые усвоены и которые позволяют преобразовывать, развивать самого себя и окружающую действительность.

Интеграция личностью своих впечатлений, переживаний, опыта позволяет, образно говоря, конструировать свою оптику, определять свой фокус зрения, исходя из чего строить собственное мировосприятие. Возникающее мировосприятие предполагает активное взаимодействие личности с миром, демонстрирующее её определённую зрелость. Как писала Л.И.Божович, «...психологически зрелой личностью является человек, достигший определённого, достаточно высокого уровня психического развития. В качестве основной черты этого развития мы отмечаем возникновение у человека способности вести себя независимо от непосредственно воздействующих на него обстоятельств (и даже вопреки им), руководствуясь при этом собственными,

сознательно поставленными целями. Возникновение такой способности обуславливает активный, а не реактивный характер поведения человека и делает его не рабом обстоятельств, а хозяином и над ними, и над самим собой» [1, с. 322].

Терминологически понятие «мировосприятие личности» сходно с таким понятием, как «ментальность», т.е. частным, специфическим проявлением ментальности [2]. Вместе с тем термин «мировосприятие» в русском языке точнее отражает то, что закладывается в сущностную характеристику определения этого понятия, а именно — «образ мира», составляющий фундамент представлений о том, что окружает человека [3].

В нашей работе использование термина «гражданское мировосприятие личности» позволяет акцентировать внимание в его прикладном изучении на том образе мира, который складывается у человека в виде представлений о самом себе, о мире и той направленности действий, которую он предпочтёт в своём поведении как гражданин. Гражданское мировосприятие есть комплексный процесс и результат взаимодействия нескольких сложных социально-психологических структур.

Мы можем говорить о том, что «гражданское мировосприятие личности — это ценностное ядро сознания и поведения человека, проявляющееся через личностную зрелость, просоциальную активность, гражданскую и социальную идентичность личности, влияющее на понимание других людей, социальных взаимоотношений, взаимодействие отдельного человека и государства, общества, на осуществление им гражданских функций» [4, с. 15] (рис.).

В результате теоретического рассмотрения гражданского мировосприятия личности мы можем говорить о том, что:

- ◆ мировосприятие определяется как один из этапов становления мировоззрения;
- ◆ мировосприятие может быть направлено на самого себя, на других и на окружающий мир;

Рис. Показатели (координаты) гражданского мировосприятия личности

- ◆ показатели гражданского мировосприятия: личностная зрелость, просоциальная активность и идентичность (социальная и гражданская). Эти показатели являются и структурными компонентами мировосприятия;
- ◆ гражданское мировосприятие как процесс представляет собой последовательную смену таких этапов, как мировосприятие, миропонимание и мировоззрение. В то же время это циклический процесс, лежащий в основе миропостижения;
- ◆ в процессе мировосприятия личность создаёт образ мира, который в ходе становления личности постоянно корректируется и видоизменяется.

Ход исследования и результаты

Эмпирическая часть нашего исследования состояла из нескольких этапов:

- 1) подготовительный этап – подбирались и разрабатывались методики, адекватные цели, задачам исследования;
- 2) пилотажный этап – уточнялись исследовательские задачи и изучаемые конструкции, методы и методики исследования;
- 3) основной этап – проводилось изучение гражданского мировосприятия и его ос-

новных показателей (личностной зрелости, просоциальной активности, социальной и гражданской идентичности);

- 4) развивающий этап исследования – разрабатывалась, обосновывалась и апробировалась программа формирования и развития гражданского мировосприятия личности.

На подготовительном этапе исследования были разработаны методики, позволившие представить содержание мировосприятия личности в субъективных категориях. В ходе последующего (пилотажного) этапа эти методики дорабатывались и уточнялись.

В ходе основного этапа исследования для диагностики гражданского мировосприятия молодёжи были использованы шесть методик: «Тест личностной зрелости» (Ю.З.Гильбух) [5]; тест А.А.Кроник [6]; Методика изучения социальной идентичности (МИСИ) Шнейдер – Хрусталёвой [7]; опросник ДУМЭОЛП (И.Тимощук) [8]; методика «Мир и Россия в территориях, событиях, персоналиях» (И.В.Егоров, Л.Б.Шнейдер) [4, с. 53–57]; опросник Д.В.Наумовой «Отношение к России» [4, с. 57–65].

На этом этапе исследования были опрошены 548 человек (409 женщин, 139 мужчин) – студентов вузов различных профи-

лей из 10 городов России (Симферополя, Махачкалы, Москвы, Екатеринбурга, Тюмени, Пензы, Перми, Омска, Хабаровска, Петропавловска-Камчатского). Средний возраст опрошенных составил 26,7 лет.

В результате эмпирического исследования структурных компонентов гражданского мировосприятия было установлено следующее:

- ♦ уровень личностной зрелости опрошенных имеет прямую корреляционную связь с общим количеством событий (в прошлом, настоящем и будущем), указываемых молодёжью;
- ♦ страна воспринимается как государство с большими природными территориями, ресурсами и городами, главными из которых являются Москва и Санкт-Петербург, а также региональные центры;
- ♦ событийно молодёжь акцентирует внимание на военно-политическом прошлом, затрудняясь сформулировать что-то определенное относительно будущего своей страны;
- ♦ в восприятии персоналий молодёжь в первую очередь ориентируется на военно-политические авторитеты, затем — на духовно-равственные авторитеты, но затрудняется их назвать;
- ♦ существует противоречивая картина мировосприятия молодёжи, связанная с отношением к стране молодых людей и к происходящему в стране, с их точки зрения;
- ♦ имеются достоверные различия между типами социальной активности и восприятием событий, территорий, персоналий (авторская методика «Мир и Россия в пространствах, событиях, персоналиях»);
- ♦ в ментальной картине наших современников образ «мира» предстаёт как недружелюбный и опасный, поэтому им хотелось бы смягчить его характеристики, а своё «Я» — усилить [4, с. 66–95].

Анализ отдельных компонентов гражданского мировосприятия молодых людей, обучающихся в религиозных и свет-

ских вузах, проведённый И.Н.Рассказовой, А.И.Симаниной в рамках нашего исследования, выявил, что:

- ♦ общий уровень личностной зрелости выше у студентов религиозных вузов;
- ♦ в ответах об идеале студенты религиозных вузов в качестве образца нравственного поведения чаще указывают пророков и святых, а молодые люди из светских вузов чаще упоминают родителей (и/или родственников) и политических, государственных деятелей;
- ♦ более половины опрошенных студентов религиозных вузов имеют представление о будущем страны. И только треть молодых людей из светских вузов представляют, что будет происходить со страной в будущем. Те студенты, которые имеют мнение о будущем, по большей части (и в тех, и других вузах) представляют его в эсхатологической перспективе [9].

Качественный анализ результатов эмпирического исследования показал, что место проживания, культурный ландшафт, а также исторические события, пережитые людьми, определяют особенности гражданского мировосприятия и степень выраженности структурных компонентов этого феномена. Например, как показали наши исследования, содержание гражданского мировосприятия молодых людей, проживающих в мегаполисе и провинциальных городах, имеет отличия [10–12].

Типы и виды гражданского мировосприятия личности

В ходе математической обработки данных выявлено, что эти характеристики могут быть комплементарны, они образуют тесные прямые корреляционные связи. Взаимосвязь разных характеристик легла в основу формирования групп и как следствие — социальной типологии гражданского мировосприятия личности молодого человека.

Вместе с тем качественный анализ данных (проективных рисунков, устных ответов респондентов) позволил выявить

Таблица 1

Социальные типы гражданского мировосприятия

Тип А	Тип Б	Тип В	Тип Г	Тип Д	Тип Е
Человек берёт ответственность за себя на фоне стремления к независимости, это определяет его бездействие.	Активная общественная жизнь на фоне общей социальности, ориентации на Других.	Бездействие, стремление спрятаться и не принимать решений.	Индивидуализм на фоне нейтрального отношения к государству.	Оценочность и критичность к происходящим событиям на фоне бездействия.	Укоренённость на фоне позитивного отношения к государству.
Отчуждённые	Причастные	Равнодушные	«Я-для-себя»	Наблюдатель со стороны	Согласие и поддержка

то, что просоциальная активность, субъектность и гражданская идентичность могут проявляться в разных видах. Это дало возможность выделить целостный и фрагментарный виды гражданского мировосприятия. Под целостным характером гражданского мировосприятия мы понимаем сформировавшееся отношение к системам «я-для-себя», «другой-для-меня», «я-для-другого» (М.М. Бахтин), т.е. просоциальную активность, субъектность и гражданскую идентичность. Целостный характер гражданского мировосприятия определяет ответственное отношение к себе, к миру, стране, малой родине, родному краю, детерминирует «не-алиби», поступок. Фрагментарный характер гражданского мировосприятия подразумевает диффузию субъектности, поведение «алиби» (М.М. Бахтин) (я ни за что не несу ответственность, личность в стороне), оценочность событий, одновременно критичность и безучастность, изживенчество по отношению к государству [13].

Концептуальные и методические аспекты программы формирования гражданского мировосприятия личности

Мы разработали и описали методические и организационные вопросы технологии (тренинга) формирования и развития гражданского мировосприятия — у студентов и школьников [15, 16].

В ходе исследования были сформулированы психолого-педагогические условия формирования гражданского мировосприятия, под которыми понимаются различные техники и формы работы с молодёжью, направленные:

- ◆ на формирование знаний о стране и её истории, о её культурной самобытности;
- ◆ на формирование осознания и развития собственной гражданской идентичности;
- ◆ на освоение изоморфных атрибуций, выявление стереотипов и осознание собственной предубеждённости, развитие культурной сензитивности;
- ◆ на выработку в групповом обсуждении стратегий совладания с негативными государственными и этническими стереотипами относительно государства и этнической группы.

В исследовании показано, что при формировании гражданского мировосприятия современной молодёжи необходимо опираться на знания в области истории, географии и экологии. Историческое, пространственное и экологическое сознание является базисом, психологическим основанием гражданственности.

Ядро программы формирования гражданского мировосприятия личности составили рефлексивные технологии обучения. Через дискуссии и обсуждение, решение конкретных ситуаций происхо-

дит процесс становления гражданского мировосприятия.

В основе работы по формированию гражданского мировосприятия личности лежит принцип: от деятельности — к культуре и личностному смыслу.

Разработана программа тренинга сопровождения становления гражданского мировосприятия молодёжи, включающая задания, упражнения, кейсы, интерактивные игры.

При разработке программы учитывались:

- ◆ содержательная направленность заданий на развитие различных личностных компонентов — когнитивного компонента (знание в области истории, географии, экологии родного края); аксиологического компонента (мотивация и ценностные установки); праксиологического компонента (моделирование ситуаций, актуализация межсубъектных отношений) гражданского мировосприятия личности;
- ◆ использование активных методов социально-психологического обучения (диалоговые методики, работа с кейсами, рефлексивные дискуссии), для которых характерны следующие особенности: анализ и конструирование ре-

альности и её нормирование, субъектность, способность личности к открытому мышлению, возможность проявления таких личностных качеств, как ответственность, самостоятельность, бытийность.

Индикаторами качественных изменений в становлении гражданского мировосприятия молодёжи при реализации этой программы будут динамика представлений о стране, об особенностях её географического ландшафта; о специфике экологических проблем и путях их решения; повышение социальной активности учащихся; повышение уровня культурной сензитивности и толерантности; повышение уровня толерантности к истории родного края и страны; формирование ценностного отношения к отечественным культурным, научным, социальным достижениям прошлого; смыслообразование (установление личностного смысла и значения) гражданской позиции и ответственности.

В заключение подчеркнём, что для становления гражданского мировосприятия молодёжи необходимо выстраивать единый процесс формирования личности (через взаимодействие с организованным социумом) и объединения воспитательных усилий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Божович Л.И. Личность и её формирование в детском возрасте. СПб.: Питер, 2008.
2. Юревич А.В. Базовые компоненты национального менталитета // Историгенез и современное состояние российского менталитета / Отв. ред. В.А. Кольцова, Е.В. Харитонова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 240–264.
3. Вальцев С.В., Шнейдер Л.Б. Социально-психологические особенности национального менталитета: Учебное пособие. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2009.
4. Гражданское мировосприятие молодёжи: теоретико-эмпирическое исследование / Егоров И.В., Наумова Д.В., Шнейдер Л.Б., Симанина А.И., Фомин А.А. М.: ИИУ МГОУ, 2016.
5. Тест-опросник личностной зрелости / Ред. Ю.З. Гильбух. Киев: НПЦ Психодиагностика и дифференцированное обучение, 1994.
6. Сколько Вам лет? (Линии жизни глазами психолога) / Под ред. А.А. Кроника. М.: Просвещение, 1993.
7. Шнейдер Л.Б., Хрусталёва В.В. Ассоциативный тест как основа конструирования методики изучения социальной идентичности // Вестник РМАТ. 2014. № 3. С. 83–96.

8. Тимошук И. Диагностический инструментарий исследования некоторых аспектов ответственности у студентов-психологов // Практическая психология и социальная работа. 2004. № 8. С. 37–40.
9. Рассказова И.Н., Симанина А.И. Содержание отдельных компонентов гражданского мировосприятия студентов религиозных и светских вузов // Вестник ПСТГУ. Серия IV: «Педагогика. Психология». 2017. Вып. 44. С. 118–134.
10. Егоров И.В., Наумова Д.В. Содержание гражданского мировосприятия молодёжи разных регионов России (на примере студентов Крыма и Дальнего Востока) // Актуальные проблемы психологического знания. Теоретические и практические проблемы психологии. 2016. № 3 (40). С. 22–28.
11. Егоров И.В., Наумова Д.В. Сравнительное исследование содержания гражданского мировосприятия молодёжи Москвы и Уральского региона // Сибирский педагогический журнал. 2016. № 4. С. 31–36.
12. Наумова Д.В. Дистинктивность гражданского мировосприятия молодёжи // Там же. 2017. № 3 (17). С. 93–103.
13. Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники: Ежегодник. 1984–1985. М., 1986. С. 80–160.
14. Шнейдер Л.Б. Зависимость и привязанность в детско-родительских отношениях как истоки гражданственности // Актуальные проблемы психологического знания. Теоретические и практические проблемы психологии: Научно-практический журнал. 2016. № 1. С. 28–34.
15. Егоров И.В., Наумова Д.В. Гражданское мировосприятие молодёжи и модель сопровождения его становления // Там же. 2017. № 2 (43). С. 67–75.
16. Гражданское мировосприятие молодёжи: феноменология, диагностика и психолого-педагогические условия формирования / И.В.Егоров, Д.В.Наумова, Л.Б.Шнейдер, А.А.Фомин; Под общ. ред. И.В.Егорова. М.: ИИУ МГОУ, 2017.

ENGLISH

Civil Worldview of the College Youth

Ilya Vladimirovich Egorov – Candidate of Psychology, Associate Professor of Psychology, Institute of Pedagogy and Psychology of Education of Moscow Pedagogical University, head of the project “Civic worldview of the youth: structure, content, social and pedagogical conditions for its formation” (15-06-10681a).

E-mail: egorov_cpti@mail.ru

Diana Viktorovna Naumova – Assistant professor, Candidate of Psychology, Associate Professor of Psychology, Institute of Pedagogy and Psychology of Education of Moscow Pedagogical University, co-author in the same project.

E-mail: seroglazka3@yandex.ru

The paper states the authors' view of the civic worldview phenomenon. The civic worldview is considered as a value system and a conscience core, whose attributes are maturity of personality, pro-social activity and social identity. The civic worldview is a step upwards of a kind and a basis for the civic worldview formation, while the establishment of the civic worldview results in the geographical, historical and environmental consciousness. The research describes the types and kinds of the civic worldview, social and pedagogical conditions and the program of its formation in the college youth.

Keywords: civic worldview, personality, identity, maturity of personality, historical consciousness, spatial consciousness, environmental consciousness, types of civic worldview, kinds of civic worldview, formation

REFERENCES

1. Bozhovich L.I. Lichnost' i eyo formirovaniye v detskom vozraste. SPb.: Piter, 2008 (in Russian).
2. Yurevich A.V. Bazovye komponenty natsional'nogo mentaliteta // Istoriogenez i sovremennoe sostoyaniye rossiyskogo mentaliteta / Otв. red. V.A.Kol'tsova, E.V.Kharitonova. M.: Izd-vo «Institut psikhologii RAN», 2015. S. 240–264 (in Russian).
3. Val'tsev S.V., Shneyder L.B. Sotsial'no-psikhologicheskie osobennosti natsional'nogo mentaliteta: Uchebnoye posobie. M.: MPSI; Voronezh: MODEK, 2009 (in Russian).
4. Grazhdanskoe mirovospriyatие molodyozhi: teoretiko-empiricheskoye issledovaniye / Egorov I.V., Naumova D.V., Shneyder L.B., Simanina A.I., Fomin A.A. M.: IIU MGOU, 2016 (in Russian).
5. Test-oprosnik lichnostnoy zrelosti / Red. Yu.Z. Gil'bukh. Kiev: NPTS Psikhodiagnostika i differentsirovannoye obucheniye, 1994 (in Russian).
6. Skol'ko Vam let? (Linii zhizni glazami psikhologa) / Pod red. A.A. Kronika. M.: Prosveshcheniye, 1993 (in Russian).
7. Shneyder L.B., Khrustalyova V.V. Assotsiativnyy test kak osnova konstruirovaniya metodiki izucheniya sotsial'noy identichnosti // Vestnik RMAT. 2014. № 3. S. 83–96 (in Russian).
8. Timoshchuk I. Diagnosticheskiy instrumentariy issledovaniya nekotorykh aspektov otvetstvennosti u studentov-psikhologov // Prakticheskaya psikhologiya i sotsial'naya rabota. 2004. № 8. S. 37–40 (in Russian).
9. Rasskazova I.N., Simanina A.I. Soderzhanie ot del'nykh komponentov grazhdanskogo mirovospriyatия studentov religioznykh i svetskikh vuzov // Vestnik PSTGU. Seriya IV: «Pedagogika. Psikhologiya». 2017. Vyp. 44. S. 118–134 (in Russian).
10. Egorov I.V., Naumova D.V. Soderzhanie grazhdanskogo mirovospriyatия molodyozhi raznykh regionov Rossii (na primerestudentov Kryma i Dal'nego Vostoka) // Aktual'nye problemy psikhologicheskogo znaniya. Teoreticheskie i prakticheskie problemy psikhologii. 2016. № 3 (40). S. 22–28 (in Russian).
11. Egorov I.V., Naumova D.V. Sravnitel'noye issledovaniye soderzhaniya grazhdanskogo mirovospriyatия molodyozhi Moskvy i Ural'skogo regiona // Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal. 2016. № 4. S. 31–36 (in Russian).
12. Naumova D.V. Distinktivnost' grazhdanskogo mirovospriyatия molodyozhi // Tam zhe. 2017. № 3 (17). S. 93–103 (in Russian).
13. Bakhtin M.M. K filosofii postupka // Filosofiya i sotsiologiya nauki i tekhniki: Ezhegodnik. 1984–1985. M., 1986. S. 80–160 (in Russian).
14. Shneyder L.B. Zavisimost' i privyazannost' v detsko-roditel'skikh otnosheniyakh kak istoki grazhdanstvennosti // Aktual'nye problemy psikhologicheskogo znaniya. Teoreticheskie i prakticheskie problemy psikhologii: Nauchno-prakticheskiy zhurnal. 2016. № 1. S. 28–34 (in Russian).
15. Egorov I.V., Naumova D.V. Grazhdanskoe mirovospriyatие molodyozhi i model' soprovozhdeniya ego stanovleniya // Tam zhe. 2017. № 2 (43). S. 67–75 (in Russian).
16. Grazhdanskoe mirovospriyatие molodyozhi: fenomenologiya, diagnostika i psikhologo-pedagogicheskie usloviya formirovaniya / I.V.Egorov, D.V.Naumova, L.B.Shneyder, A.A.Fomin; Pod obshch.red. I.V.Egorova. M.: IIUMGOU, 2017 (in Russian).

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.22204/2587-8956-2018-091-02-142-158

Вл.В. СЕДОВ*

Княжеские саркофаги Георгиевского собора Юрьева монастыря

Ключевые слова: средневековая археология, архитектура Древней Руси, история древнерусского искусства, средневековье, архитектура Византии, храмы, монастыри, погребальная архитектура, саркофаги, топография некрополей, князья, архитектурная археология

История обители и её собора

Георгиевский собор Юрьева монастыря — выдающийся памятник древнерусской архитектуры раннего периода. В панораме Новгорода Юрьев монастырь и его собор до сих пор играют значительную роль. Каменный Георгиевский собор был заложен новгородским князем Всеволодом Мстиславичем в 1119 г. на левом берегу реки Волхов, недалеко от его истока из озера Ильмень. Вот как о закладке собора игуменом Кириаком и князем Всеволодом (почему-то князь назван после игумена) говорит Первая новгородская летопись под 6627 (1119) г.: «Заложи Кюрьяк игумен и князь Всеволод церковь каменную монастырь святого Георгия (в) Новегороде» [13, с. 21, 205]. Строительство каменного храма было связано с устройством (может быть — в том же году) мужского монастыря, патронируемого князем.

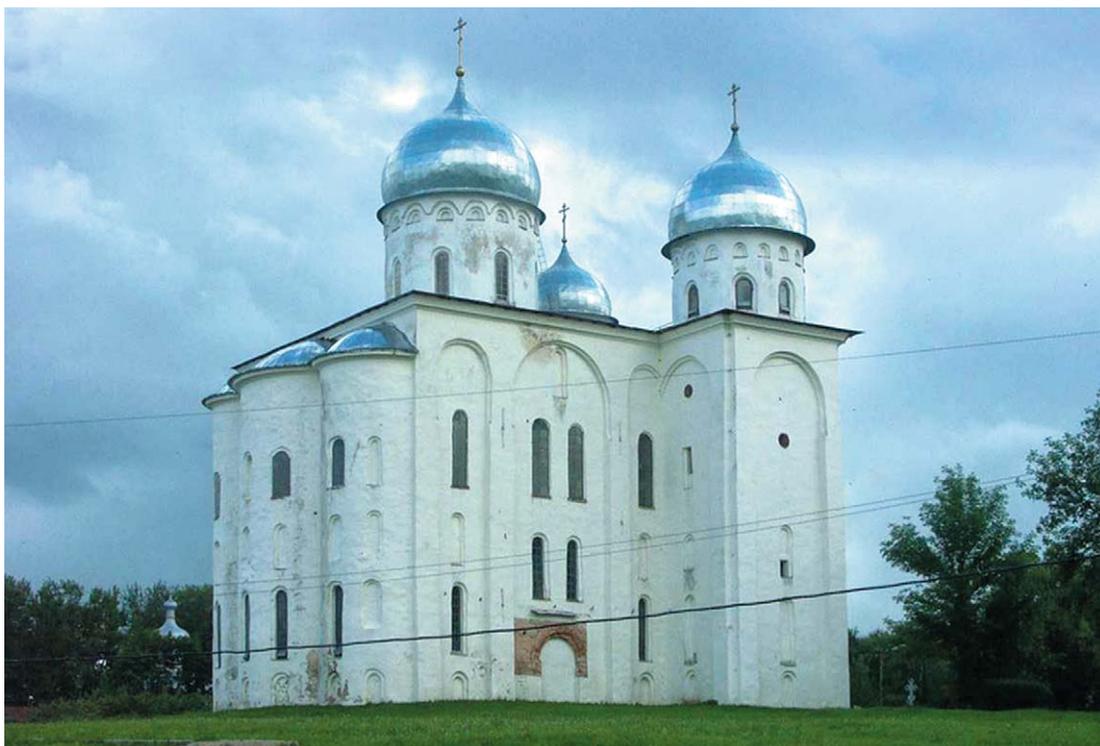
Каменный храм был торжественно освящён в 1130 г., причём летописец (впрочем, достаточно поздний, XVII в.)

говорит о том, что мастером, архитектором собора был некий Пётр: «и освятили в лето 6648, июня в 29 день, на память святых апостолов Петра и Павла; а мастер трудился Пётр» [14, Т. I. с. 189]. Это едва ли не первое упоминание имени древнерусского архитектора завоживало исследователей и заставляло их приписывать мастеру Петру все постройки Новгорода первой четверти XII в. [2, с. 7–13; 5; 11, с. 57–66; 12, с. 37–44].

Георгиевский собор (ил. 1) — очень высокий трёхглавый храм, относящийся в целом к киевскому типу так называемых шестистолпных храмов (на самом деле это четырёхстолпные с храмы с нартексом, опоры при входе в который часто считаются за дополнительную пару столбов), но уже обладает ощутимыми местными, новгородскими чертами.

К северо-западному углу собора примыкает квадратная в плане лестничная башня, винтовая лестница которой, опирающаяся на круглый столб, ведёт на площадку хор в западной части храма и выше, в завершающий башню ба-

* **Седов Владимир Валентинович** — член-корреспондент РАН, доктор искусствоведения, главный научный сотрудник Института археологии РАН, руководитель проекта «Юрьев, Пантелеймонов и Ситецкий монастыри древнего Новгорода» (17-01-18079е).
E-mail: sedov1960@mail.ru

Ил. 1. Георгиевский собор Юрьева монастыря. Вид с северо-востока

рабан с куполом. Храм венчают три купола на световых барабанах: большой купол над пересечением пространственного креста, упомянутый купол над лестничной башней и купол над угловым, юго-западным помещением на хорах (вероятно, здесь был придельный храм, князя и его семьи, для которых были сооружены хоры).

В качестве своеобразия форм собора стоит упомянуть и нарушающие симметрию башню и три купола. Но речь идёт о вертикальности Георгиевского собора, а также об обобщённости форм, которые выглядят как будто размытыми или оплавленными по сравнению с киевскими аналогами. Это памятник складывающейся севернорусской, новгородской архитектурной школы [7, с. 54–59; 24, с. 566–567].

В истории археологических раскопок и реставрации Георгиевского собора много пробелов. В начале XIX в., когда настоятелем Юрьева монастыря (с 1822 г.) стал архимандрит Фотий (1792–1838), собор перестроили [9]: был сделан новый пол выше древнего пола, заложены или растё-

саны окна; собор получил обстройку приделами и папертью с трёх сторон, а также новую крышу. В то же время со стен была сбита древняя фресковая роспись, которая сохранилась только в куполе лестничной башни [20] и в откосах окон [19].

В 1931–1935 гг. в соборе масштабные раскопки провёл археолог и искусствовед Михаил Константинович Каргер, исследовавший западную половину собора, где были обнаружены уровень первоначального пола, а также несколько погребений в каменных и кирпичных саркофагах, которые исследователь определил как погребения князей и новгородских бояр. Статья М.К. Каргера о раскопках 1933–1935 гг. в Георгиевском соборе Юрьева монастыря [6] стала одним из важнейших источников по истории культуры, архитектуры и живописи Древней Руси.

Во время Второй мировой войны в монастыре и соборе располагались солдаты испанской Голубой дивизии, при освобождении собор был повреждён артиллерийским обстрелом. Более значитель-

Ил. 2. Фрагмент штукатурки с надписями исторического содержания из южной абсиды Георгиевского собора

ными оказались потери внутри: в этот период были утрачены скелеты погребений. В 1950-е гг. в соборе устроили музей, где показывали пустые саркофаги. В.Л. Янин, опираясь на работу М.К. Каргера и проводя осмотр находящихся в соборе погребальных сооружений, опубликовал дополнительный материал по некрополю Георгиевского собора [31, с. 89–118].

В 2013–2017 гг. в соборе и около него были проведены археологические раскопки, позволившие по-новому взглянуть на его архитектуру и погребальную историю.

Была открыта вся восточная часть храма, до того не подвергавшаяся исследованиям, а также заново обследована западная часть собора. Выяснилось, что в каждом из двух боковых полукружий алтаря имелся свой придел, т.е. собор был трёхпрестольным. Так были устроены алтари некоторых церквей в Византии в средневизантийский период [32].

В переходе из средней абсиды в южную боковую абсиду была найдена надпись, сложившаяся из 30 фрагментов фресок с буквами и словами, она лежала

у сохранившейся на стене части зелёного фона. На сегодняшний момент это самая большая древнерусская надпись-граффито на территории России. Точнее — это две надписи. Особенно интересна нижняя, относящаяся к самому концу XII в. (ил. 2). Она располагалась на восточной плоскости юго-восточного подкупольного столба и повествовала о смерти князя Ростислава, сына новгородского князя Ярослава Владимировича, а также о смерти его брата, князя Изяслава. Это событие описано и в Новгородской летописи: в 1198 г. у князя Ярослава Владимировича умерли два сына: старший Изяслав (княживший номинально в городе Луки) и Ростислав, и были погребены в Георгиевском соборе. Их погребение в парном саркофаге в 1933 г. открыл ленинградский археолог М.К. Каргер [6, с. 200–204, 219–220].

Надпись, несмотря на утраты, легко восстанавливается при помощи дополнений из Новгородской первой летописи и конъектур по смыслу [3]. В процессе раскопок было обнаружено ещё около дюжины надписей, среди них надписи о смерти дьякона Нежаты и ещё одного лица, служивших в Георгиевском соборе. Новые надписи-граффиты, найденные в Георгиевском соборе, существенно пополняют фонд письменных источников по истории древнего Новгорода [4]. Отметим также обнаружение на некоторых фрагментах фресковой живописи надписей, сделанных глаголицей, глаголическим алфавитом, достаточно редким для Древней Руси XII в. [10].

В процессе раскопок расчищен первоначальный пол собора из больших прямоугольных каменных плит, форма которых находит аналоги в странах Византийского мира, а в самом Новгороде схожие полы известны только в более поздних памятниках второй половины XII – начала XIII в. [26].

Погребения внутри храма

Парный саркофаг у южной стены собора принадлежит Изяславу и Ростисла-

ву Ярославичам, погребённым здесь весной 1198 г. Саркофаг этого двойного погребения (погребения 1 и 2) явно носит следы спешной доделки: сначала умер один брат, видимо, старший, для которого был приготовлен саркофаг обычного размера. А когда узнали о смерти второго княжеского сына, саркофаг доделали с востока, превратив его в место погребения двух невысоких людей. Этот парный саркофаг княжичей после зачистки производит сильное впечатление: перед нами свидетельство трагедии 1198 г., приведшей к спешной переделке одинарного сборного саркофага в парный саркофаг необычной длины (ил. 3).

Ещё два погребения располагались у южной стены собора. Одно из них, князя Фёдора Ярославича 1233 г. (погребение 3), не сохранилось, на его месте сейчас пустое пространство, а от погребения его матери, княгини Феодосии 1244 г. (погребение 4), каменный саркофаг сохранился. Это массивный саркофаг из цельного камня; возможно, он изображает сборный саркофаг: он шире с запада и у него есть два выступа в виде вертикальных полос с западной же стороны. Саркофаг не принадлежит к новгородской традиции, возможно, он сделан в Северо-Восточной, Суздальской Руси, где подобные цельные саркофаги (правда — без полос) были распространены [28].

В северо-западном углу вновь открыт саркофаг парного погребения, он сложен из византийского кирпича, плитки, в первой половине XII в. Этот саркофаг был устроен для погребения кого-то из первых игуменов, может быть, двух первых (погребения 5 и 6).

Ещё один саркофаг из плитки, уже открывавшийся в 1930-е гг., был заново исследован в 2015 г. (погребение 7). Этот саркофаг одинарный, он принадлежит к той же группе византийских в основе плитчатых саркофагов. Его соорудили вскоре после постройки собора в начале XII в.

В юго-западном углу собора найдены остатки ещё одного саркофага, сделанного

Ил. 3. Парный саркофаг княжичей (погребения 1 и 2) в Георгиевском соборе.
Вид с севера и сверху

в XIV–XV вв., возможно, это погребение Московского великого князя Дмитрия Шемяки, отравленного ядом, который повар подложил в курицу, и погребённого в монастыре в 1453 г. Сохранился отпечаток саркофага на лопатке (пилястре) южной стены, это был сборный саркофаг из плит, возвышавшийся над полом (погребение 15А).

Группа из четырёх погребений (10, 11, 12 и 13) была обнаружена в южном отделении алтаря собора. Это детские погребения в деревянных колодах примерно одного периода. Здесь поражает несоответствие престижного места погребения — в алтаре — и бедного характера самих погребений.

Ещё одно погребение было открыто в северной части собора, где в 2013 г. мы нашли плиту с надписью о перезахоронении на этом месте в 1786 г. останков архиепископа Феофиста (погребение 14). В 2015 г. церковь дала согласие на производство археологических работ, в процессе которых под полом открылась гробница из кирпича XVIII в., расписанная «под мрамор». После удаления плиты стало возможным последовательное изучение погребения — перезахоронения святого Феофиста, мощи которого перенесли в монастырь из соседней обители, где его похоронили в 1310 г.

Отдельный круг исследований составила живопись, десятки тысяч фрагментов. О живописи в засыпках под полами известно давно, со времён раскопок М.К.Каргера. При реставрационных работах в монастыре найдено ещё несколько фрагментов с ликами [22]. Так что о первоначальной росписи можно судить только на очень скудном материале.

В некоторых местах подсыпка под поздние полы состояла почти полностью из фрагментов фресок. Одним из первых найденных фрагментов оказался кусок с ликом Богородицы; позднее его дополнил ещё один фрагмент (ил. 4). Исследование фрагментов фресок Георгиевского собора, находящихся теперь в Новгородском музее (НГОМЗ), только началось, однако уже вызвало большое число публикаций, касающихся как вопросов реставрационной практики [1, 18, 29], так и стиля росписей [25, 30].

В 2015–2016 гг. предприняты раскопки у северного фасада храма. Здесь обнаружены фундаменты поздних пристроек, а также каменные плиты, прикрывавшие захоронения в деревянных гробах, устроенные в XIV–XV вв. Эти массивные каменные плиты представляют особый вид погребений. Если погребения в саркофагах можно связать с новгородскими крупны-

ми феодалами, боярами, то погребения под плитами — с мелкими феодалами, так называемыми житыми людьми, сообщения о которых содержатся в летописях и актовых документах XIV–XV вв. [27].

Парный саркофаг княжичей Изяслава и Ростислава Ярославичей

На плане раскрытого некрополя Георгиевского собора выделяются погребения князей, расположенные в южной части храма (ил. 5). Не менее представительны выглядят погребения князей и на плане, где показаны только саркофаги и плиты, а также погребения в алтаре (ил. 6). Три погребения (парное 1 и 2 и соседствующие погребения 3 и 4) совершены в саркофагах под полом собора в специально выбитых в этом полу отверстиях, в которые погружались отдельные плиты «сборных» саркофагов (собиравшихся на месте) или целые саркофаги. После укладки тела погребённого верхнюю часть саркофага закрывали крышкой. Над крышкой, обычно почти сразу на ней, восстанавливали пол. Прямоугольник разрушенного и восстановленного пола был, очевидно, хорошо виден, что сохраняло память о месте погребения того или иного лица. Погребения не были никак надписаны, во всяком случае, об этом мы не имеем никаких сведений, как не знаем и о каких-то иконах или фресковых композициях, которые почти обязательно размещались на стене около погребений.

Все три княжеских погребения в саркофагах под полом были совершены много позже постройки собора. Княжеские погребения в соборе Юрьева монастыря не совершались до 1198 г.

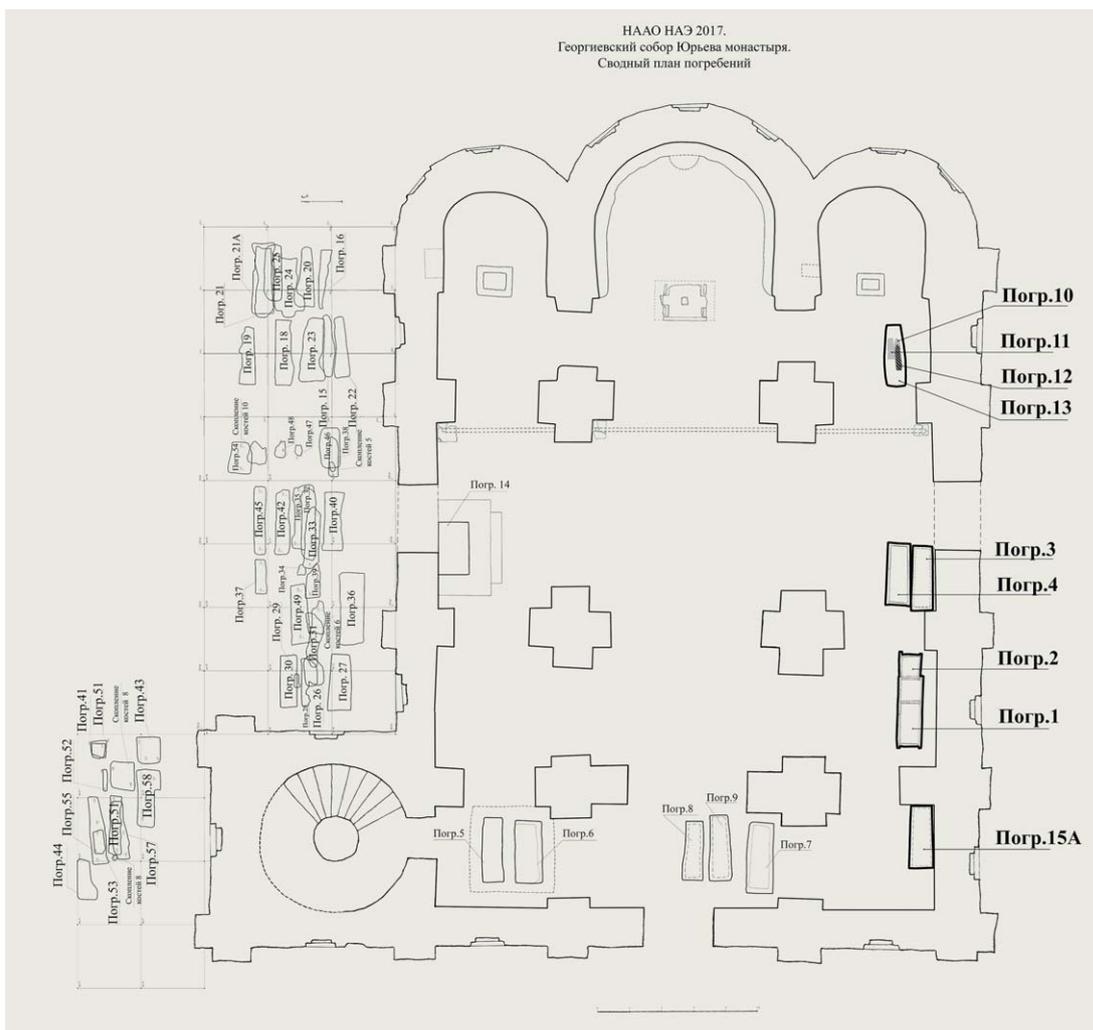
Князей в Новгороде обычно хоронили в Софийском соборе. Этот храм, сооружённый по заказу князя Владимира Ярославича в 1045–1050 гг., почти полве-

Ил. 4. Фрагмент фресковой живописи с ликом Богородицы

ка до 1103 г. (когда была построена церковь Благовещения на Городище) являлся единственным каменным храмом Новгорода. В Софии в 1152 г. был погребён её строитель, князь Владимир Ярославич [13, с. 181]. Там же в 1096 г. «на левой стране» (т.е. в северной части храма) был погребён муромский князь Изяслав Владимирович, сын Владимира Мономаха [15, с. 128; 31, с. 155]. Перенос тела своего брата, по всей видимости, организовал князь Мстислав Владимирович, который в 1096 г. находился в Новгороде. Мстислав Великий, таким образом, продолжил традицию погребения князей в Софии Новгородской.

В дальнейшем князья, которые с 1136 г. приглашались в Новгород, редко умирали в своём временном стольном граде. В XII столетии мы знаем о двух умерших князьях, погребённых в Софии. В 1178 г. в Новгороде умер князь Мстислав Ростиславич, внук Юрия Долгорукого. Тело князя Мстислава, носившего прозвище Безокий после того, как он был ослеплён (частично) своим дядей Всеволодом Большое Гнездо в 1177 г., было положено «у святей Софии в притворе» [13, с. 225].

Ил. 5. План Георгиевского собора с указанием раскопанных погребений.
Выделены погребения князей в южной части

В 1180 г. в Новгороде преставился князь Мстислав Ростиславич Храбрый, внук Мстислава Великого, и был погребён «в святей Софеи в пределе святыя Богородица» [13, с. 226].

На этом фоне решение князя Ярослава Владимировича похоронить двух своих сыновей, Изяслава и Ростислава, весной 1198 г. «у святого Георгия в монастыре» [13, с. 44, 237] выглядит неожиданно. По всей видимости, князь Ярослав Владимирович решил сделать Юрьев монастырь своей родовой усыпальницей. В этом отношении он, думается, развивал первоначальный замысел князя Всеволода Мстиславича, который строил монастырский собор Георгия, возможно, и для того, чтобы быть похороненным в его стенах. Мы

знаем, что уже с начала XII в. русские князья строили «свои монастыри» и часто были погребены в соборах этих монастырей, в чём можно видеть влияние византийской практики [23, с. 452 –457].

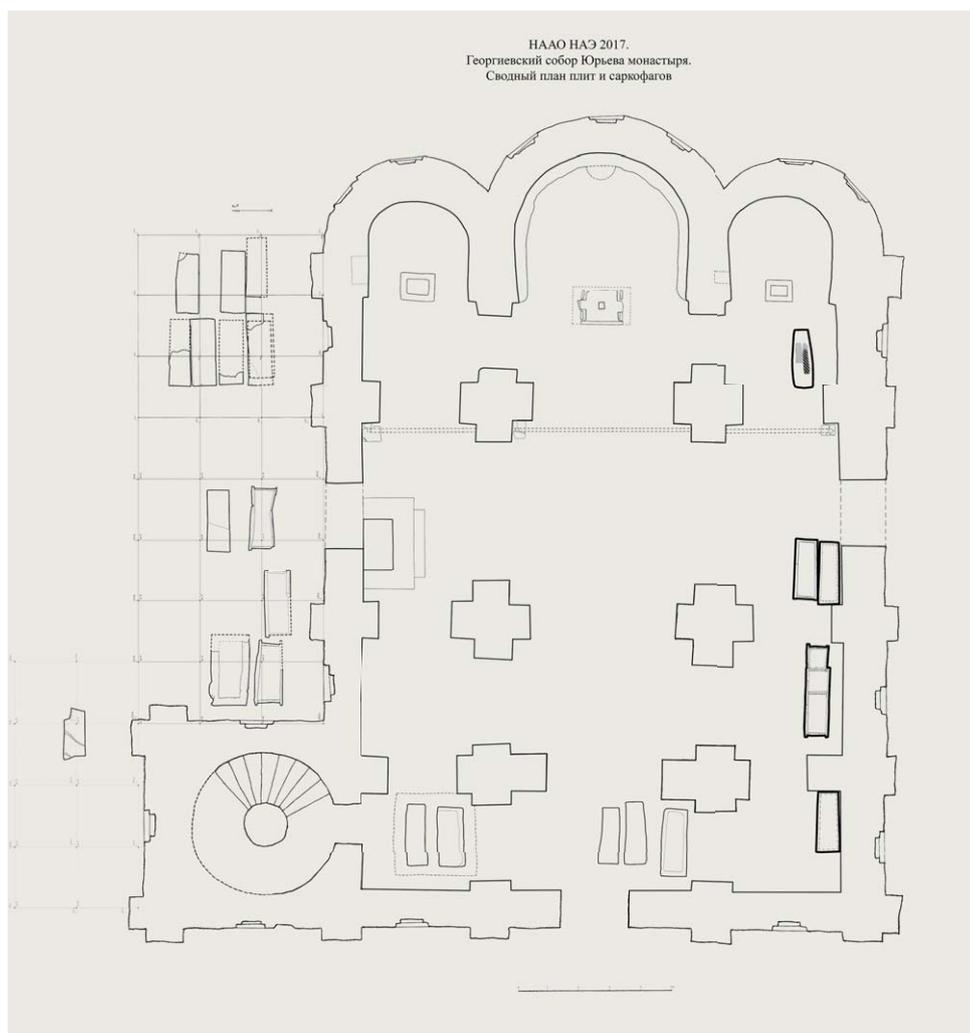
Восточную стенку сборного саркофага княжеских детей (саркофаг погребений 1 и 2), поначалу бывшего обычным для этого типа сооружением из шести плит, затем демонтировали и перенесли западнее. С востока саркофаг удлинили сначала новой плитой днища, положенной впритык к старому днищу, а затем — двумя боковыми стенками. Причём если новая северная стенка поставлена впритык к старой северной, то южную новую стенку поставили с наложением на старую южную стенку. Новую восточную

стенку устроили в пазах новых боковых стенок, а старую восточную стенку поместили в новые, вытесанные в старых стенках пазы и вставили примерно посередине саркофага, ставшего теперь двойным. Размеры саркофага: высота стенок 50–55 см, ширина стенок 7 см, длина старого саркофага 228 см, с востока он надставлен на 78 см. Длина внутри получившегося западного отсека 130 см, восточного — 140 см. Некоторые швы сохранили следы промазки (возможно — первоначальной) известковым раствором.

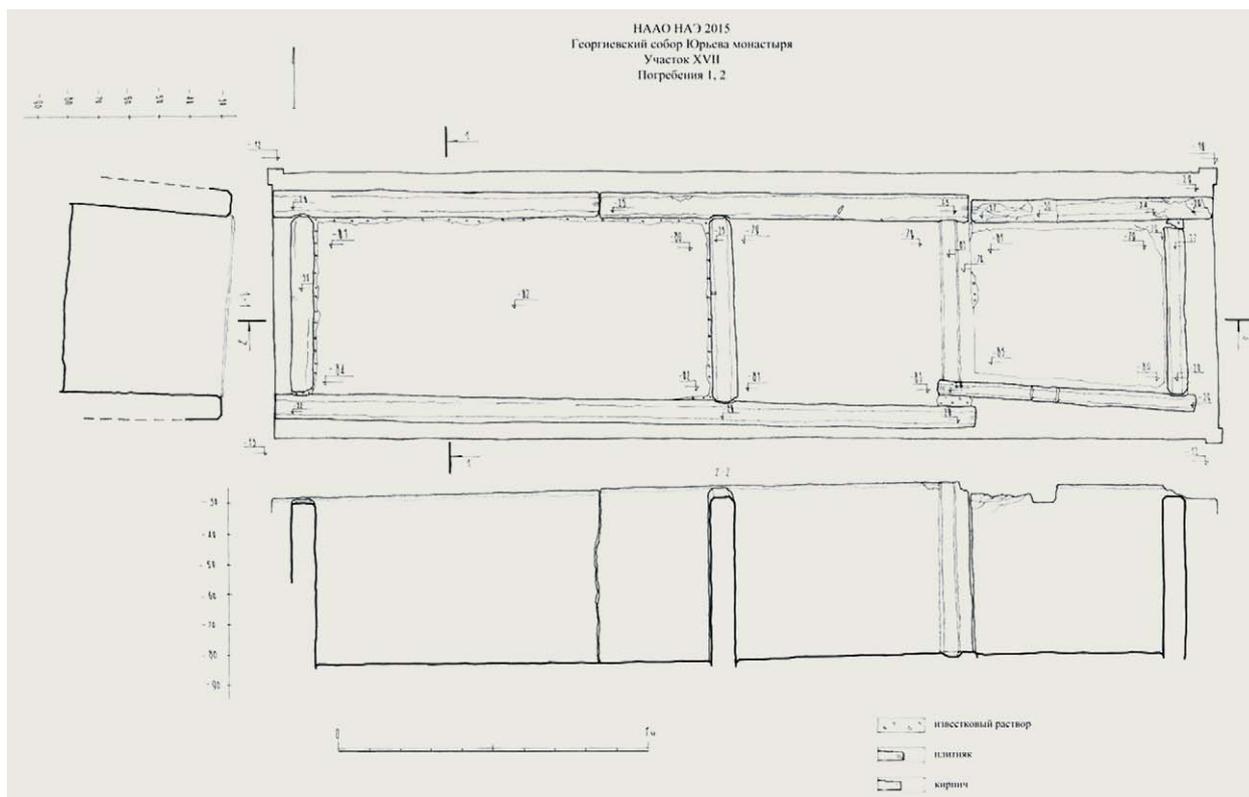
Необычная конструкция сборного саркофага княжичей вызвана необычными обстоятельствами: каменный гроб обычной формы готовили, очевидно, для Изяслава,

умершего на Луках, вдалеке от Новгорода, а потому у мастеров было время изготовить обычный для Новгорода «сборный» саркофаг. Внезапная смерть княжича Ростислава заставила отца заказать расширение гроба к западу, его надставку, что привело к созданию необычного «сборного» саркофага продолговатой формы и с внутренней перегородкой (ил. 7).

Точно такие, как у княжичей, саркофаги в Новгороде больше не известны, хотя сам способ расширения или устройства необычного саркофага «сборной» конструкции в Новгороде известен: в притворе Успенского собора Аркажа монастыря найден саркофаг необычной ширины с внутренней перегородкой посередине,

Ил. 6. План Георгиевского собора с указанием только каменных саркофагов и каменных надгробных плит. Выделены саркофаги князей в южной части храма. В южном отделении алтаря показаны грунтовые погребения 10, 11, 12 и 13

Ил. 7. Саркофаг погребения 1 и 2 (погребения княжичей Изяслава и Ростислава). План и разрезы

в одном (северном) отделении было совершено одно погребение, тогда как в другом (южном) отделении в беспорядке находились останки нескольких человек, перемещённые и сложенные сюда.

Саркофаги княжича Фёдора Ярославича и его матери Феодосии

В первой половине XIII в. мы знаем только один случай погребения князя в Софии Новгородской: в 1218 г. сын князя Мстислава Мстиславича Удатного (сына Мстислава Храброго) разболелся в Торжке и умер во время перевозки в Новгород, где в это время князем был его отец. Княжича похоронили в Софии Новгородской в приделе Рождества Богородицы «в головах у деда» [13, с. 57, 258]. В этом случае мы видим факт погребения если не в семейной усыпальнице, то на семейном участке южной стороны городского и епархиального собора.

К началу XIII в. в Софии Новгородской сложился княжеский некрополь: мы зна-

ем о погребении князей Владимира Ярославича (1052), Изяслава Владимировича (1096), Мстислава Ростиславича Безокого (1178), Мстислава Ростиславича Храброго (1180) и Василия Мстиславича (1218). Однако сложившаяся традиция погребения новгородских князей в Софийском соборе продолжения не получила, в этом храме погребали только новгородских архиепископов.

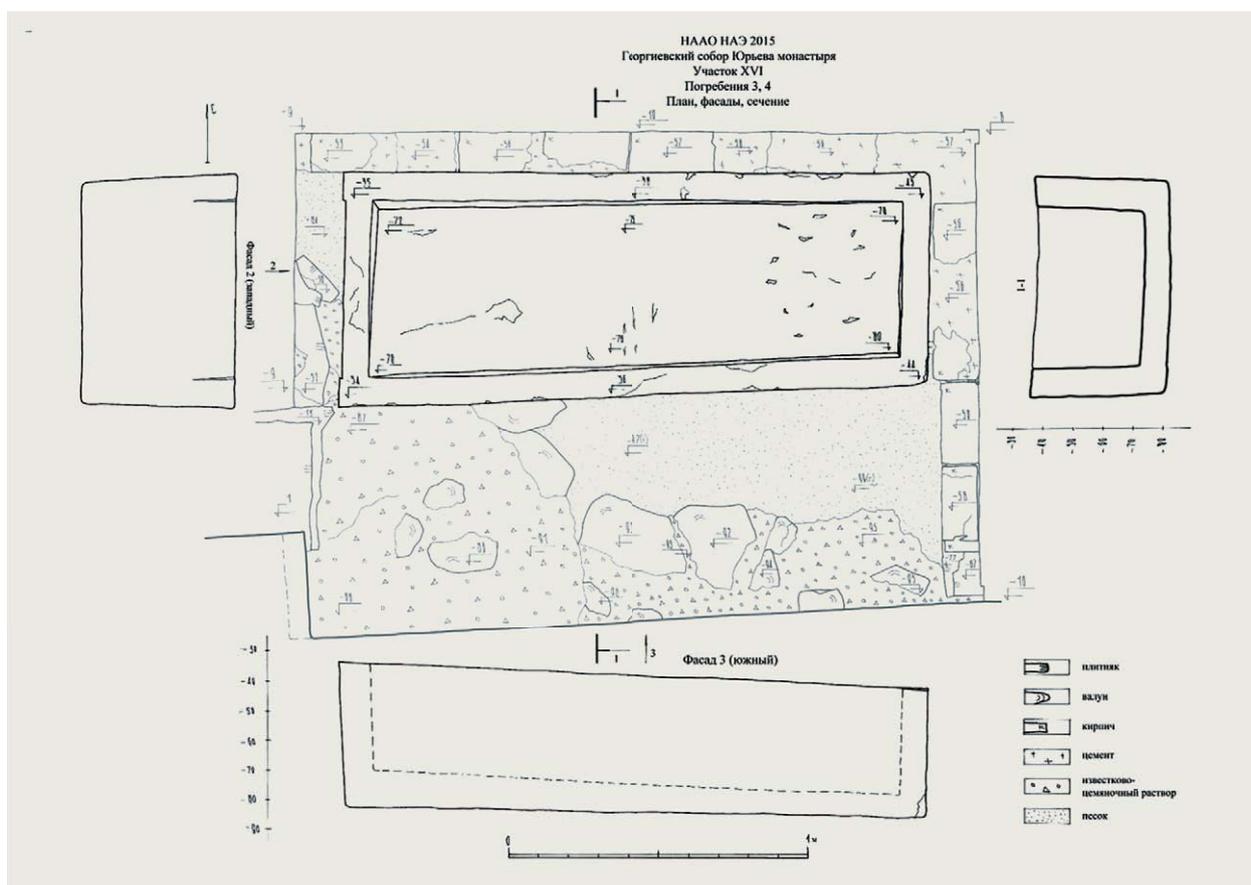
В 1233 г. в Новгороде умер князь Фёдор Ярославич, старший сын князя Ярослава Всеволодовича; князь Фёдор, относительно которого летопись замечает, что он был «ещё млад», «положен бысть въ монастыри святого Георгия» [13, с. 72, 282]. Князь Ярослав в это время правил в Новгороде, водил новгородцев в походы, но старшего сына решил похоронить не в городском соборе, а в монастыре напротив своей резиденции, Городища. В отношении выбора места погребения для сына он следовал, кажется, за князем Ярославом Владимировичем, похоронившим в Георгиевском соборе двух своих

сыновей в 1198 г., за 35 лет до погребения князя Фёдора Ярославича.

Для его погребения выбрали участок вдоль южной стены, но, поскольку юго-восточный угол наоса собора уже был занят саркофагом Изяслава и Ростислава Ярославичей, то для саркофага князя Фёдора выбрали членение восточнее, в южном рукаве пространственного креста. Из-за того, что посередине южной стены этого членения находится портал, саркофаг князя сместили к западу, места для него хватило. Судя по тому, что известно из публикации М.К. Каргера [6, с. 204, 205], каменный саркофаг для тела князя Фёдора Ярославича, изготовленный в 1233 г., был цельным, т.е. выдолбленным из единого куска камня. Саркофаг имел выгнутую коробом изнутри и снаружи крышку, слегка трапециевидный план с расширением к голове, к западу, в днище саркофага имелось круглое отверстие диаметром 10 см.

Саркофаги такого типа, цельнодолблённые, трапециевидные и с коробовой крышкой, в Новгороде неизвестны, зато совершенно такие же (за исключением того, что с покатыми треугольными в сечении, а не коробовыми крышками) встречаются во Владимиро-Суздальских землях [28]. Если учесть владимирское (переславское) происхождение и князя Фёдора, и его отца, князя Ярослава Всеволодовича, то можно предположить, что саркофаг для княжича заказали во владимирских землях и оттуда транспортировали. К сожалению, саркофаг князя Фёдора не сохранился, а потому мы не знаем, из какого камня он изготовлен, возможно, это белый камень владимиро-суздальских построек и саркофагов.

В 1244 г. в Георгиевском соборе похоронили «сторонь сына своего Фёдора», т.е. рядом с сыном, жену Владимирского великого князя Ярослава Всеволодовича, Ростиславу/Феодосию, перед смертью

Ил. 8. Место погребений 3 и 4 и саркофаг погребения 4 (княгини Феодосии).
План, западный фасад, разрезы

постригшуюся в монахини под именем Евфросиньи [13, с. 79, 298]. Как сообщает летопись, она постриглась в мужском Георгиевском монастыре («Преставися княгини Ярославля, постригшися у святого Георгия в монастыри; ту же и положена бысть, сторонь сына своего Фёдора»), что вызывает вопрос о том, постригались ли женщины в мужских монастырях. Почему княгиня, муж которой в это время находился во Владимире (его вызвали в Орду в 1245 г.), пребывала в Новгороде, где в это время правил её сын Александр (Невский), мы точно не знаем. Возможно, её отправили из Владимира для безопасности.

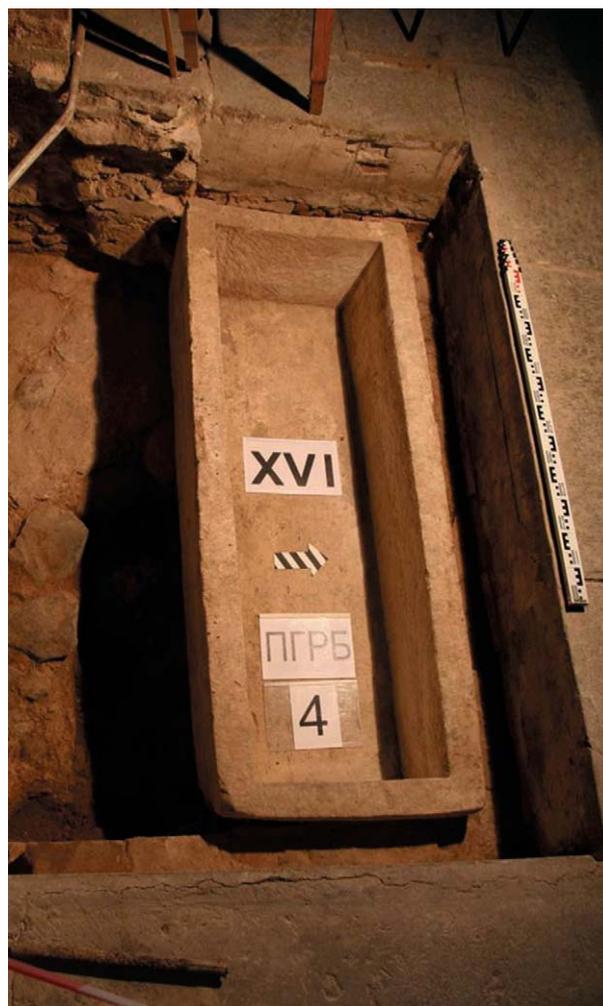
Для княгини сделали саркофаг, похожий на тот, который был создан за 11 лет до этого для её сына: это сохранившийся до нашего времени цельный саркофаг из белого камня, трапециевидный в плане; он имел плоскую крышку, которая до нашего времени не дошла (ил. 8). Общие размеры саркофага 190×80 (в головах) или × 70 (в ногах). Толщина стенок около 10 см, такова же толщина дна. Стенки внутри и снаружи плавно сужаются, так что дно (70 см) чуть уже верха (75 см); глубина саркофага от верха до дна 35 см. Западный торец выше восточного (соответственно 50 и 43 см). С западного торца, со стороны головы, — два прямоугольных в сечении выступа по сторонам, плавно сходящие на нет; это, по всей видимости, воспроизведение выступов «сборного» саркофага (т.е. подражание форме другого типа саркофага), с востока таких выступов нет, здесь углы каменного гроба плавно скруглены.

Вполне вероятно, что и этот саркофаг изготовили во Владимиро-Суздальской Руси и привезли в Юрьев монастырь. Однако возможно, что производство цельных саркофагов было налажено в самом Новгороде, а материал, из которого их изготовили, это не белый камень, а чистый местный известняк (ил. 9). Во всяком случае, само влияние формы владими́ро-суздальских саркофагов на княже-

ские саркофаги в Георгиевском соборе, как 1233 г., так и 1244 г., несомненно.

Помимо этих двух саркофагов мы знаем ещё один цельный каменный саркофаг в Новгороде: это саркофаг погребения 6 в Мартирьевской паперти Софийского собора, который отождествляют с погребением в 1243 г. «в притворе..., идеже Аркадии и Мартурии архиепископа лежита» посадника Степана Твердиславича [13, с. 79, 297–298]. Крышка этого саркофага не коробовая, как у саркофага князя Фёдора 1233 г., а плоская, как у саркофага княгини Феодосии 1244 г.

В любом случае, мы имеем дело с влиянием владими́ро-суздальской погребальной традиции, в которой были хорошо известны цельные трапециевидные саркофаги. Эта традиция получила некоторое

Ил. 9. Саркофаг погребения 4 (княгини Феодосии). Вид с востока и сверху

Ил. 10. Остатки саркофага погребения 15А
(великого князя Дмитрия Юрьевича Шемяки). Вид с запада

развитие в трёх саркофагах 1230–1240-х гг., два из которых поставлены в Георгиевском соборе Юрьева монастыря, а один — в Мартирьевской паперти Новгородской Софии.

Саркофаг княгини Феодосии (Евфросинии) 1244 г. разместили параллельно гробу её сына и рядом с ним, с севера (вспомним летописное «сторонь сына своего»). Вместе эти два каменных гроба, крышки которых находились ниже уровня первоначального пола, составляли показательную пару, над гробом княгини на поздней мраморной плите была сделана надпись, в которой говорилось о погребении на этом месте княгини, что подтверждает сохранившуюся историческую память.

Саркофаг князя Дмитрия Шемяки

Московский князь Афанасий Данилович, правивший в Новгороде по велению своего брата великого князя Юрия Даниловича, постригся перед смертью в монахи и был погребён (в 1319 г.) не в Юрьевом монастыре, а в монастырской церкви Спаса на Нередице, относившейся к княжеской резиденции на Городище.

Последующие многочисленные новгородские князья XIV–XV вв. умирали не в Новгороде. Только в 1453 г. мы встречаем сообщение о смерти великого князя Дмитрия Юрьевича Шемяки, который умер на Городище, в своей резиденции, и «положен бысть в монастыре святого Егории в церкви», т.е. внутри собора [16, стлб. 193]. Для устройства гроба великого князя Дмитрия Юрьевича выбрали место у южной стены внутри нартекса собора (это погребение 15А). Сохранилась западная часть сборного саркофага, стоявшего над полом XII в. (ил. 10). Как видим, даже в XV в. в Новгороде делали сборные саркофаги, но они были несколько проще домонгольских и грубее по тёске плит.

В 1456 г. в соборе была погребена дочь князя Дмитрия Шемяки, Мария, жена князя Александра Васильевича Чарторыйского, в то время являвшегося служилым князем Новгородским; княгиню положили где-то возле отца. Летопись говорит о том, что она «положена бысть в монастыре у святого Георгия, въ притворе въ Юрьеве монастыре» [16, стлб. 196]. Точного места погребения Марии Чарторыйской мы не знаем.

Вероятные погребения княжичей в алтаре

История княжеских погребений в Георгиевском соборе Юрьева монастыря оказалась бы неполной, если не указать несколько детских погребений в южной боковой абсиде собора, в дьяконнике. В Новгороде нам известно ещё только одно погребение в дьяконнике: это уже упомянутое погребение князя Афанасия Даниловича в монастырской церкви Спаса на Нередице близ Городища (1319).

Всего в дьяконнике Георгиевского собора Юрьева монастыря найдены четыре погребения. Все они совершены в деревянных долблённых колодах. Погребения получили номера 10 (ребёнок 2–4 лет), 11 (ребёнок 6–12 месяцев), 12 (ребёнок 4–6 лет) и 13 (подросток мужского пола 10–12 лет). У погребения 13 найдена свинцовая вислая печать новгородского владычного наместника рубежа XIV–XV вв., дающая дополнительную информацию для датирования детских погребений в южном отделении алтаря собора.

Погребения в дьяконнике Георгиевского собора содержат останки детей не очень

богатых родителей, но они расположены в таком важном месте, как алтарь, и уже потому принадлежат людям очень высокого статуса. Таким статусом могли обладать только служилые новгородские князья XIV–XV вв. Эти служилые князья из литовских Гедиминовичей или из суздальских Рюриковичей получали в кормление несколько малых новгородских городов, но они, видимо, не могли себе позволить заказать для своих детей каменный саркофаг и хоронили их в почётном и освящённом месте, но в деревянных колодах (ил. 11).

Остальные погребения внутри Георгиевского собора, одно в одиночном саркофаге из плинфы под номером 7 и другое – в парном саркофаге под номерами 5 и 6, принадлежат, возможно, игуменам. Об этом говорит формат плинфы, из которой они построены: он близок к формату кирпича самого собора, законченного в 1130 г. Ранняя дата плинфы свидетельствует о том, что гробницы или саркофаги из плинфы в западной части собора, в нартексе, были сооружены в 1130 или начале 1140-х гг., т.е. это значительно раньше начала XIII в. (именно к этому

Ил. 11. Погребение 13 в южном отделении алтаря Георгиевского собора. Вид сверху

времени их относил М.К.Каргер, связывая их с погребениями посадников, чего, как мы видим из новой датировки, быть не могло). Они могли содержать тела первого игумена Юрьева монастыря Кириака, а также его преемников, Стефана и Лазаря.

В Георгиевском соборе или около него найдены погребения новгородских бояр. Мы знаем о трёх фактах подобных погребений, но их насчитывалось, вероятно, намного больше. В 1203 г. «преставися Мирошья, посадник новгородский, постригъся у святого Георгия» [13, с. 45]. Это сообщение однозначно свидетельствует о том, что посадник Миронег был погребён там, где он принял постриг, т.е. в Юрьеве монастыре. В 1209 г. застреленного под Пронском сына Мирошки, посадника Дмитрия Мирошкинича привезли в Новгород и похоронили в Юрьеве монастыре «подъле отця» (рядом с отцом) [13, с. 51, 248]). Наконец, в 1230 г. убитого во время волнений посадника Семёна Борисовича похоронили в Юрьеве монастыре: «а самого погребоша у святого Гюргя въ манастыри» [13, с. 70, 277]. Места для этих погребений внутри собора нет. Погребения в нартек-

се принадлежат игуменам и монахам. Так что боярские погребения следует искать с внешней стороны собора.

В ходе наших раскопок обнаружены как плинфяные, так и каменные «сборные» саркофаги. Исследования останков, содержащихся в этих саркофагах, изучение вещевого материала и топографии некрополя даст новый материал для исторических атрибуций и интерпретаций такого выдающегося памятника, каким являются Георгиевский собор и его некрополь.

Пока же мы можем заключить, что в Георгиевском соборе Юрьева монастыря сложился княжеский некрополь, связанный с новгородской княжеской резиденцией. Некрополь этот формировался не последовательно, а пунктирно, что связано с отсутствием в Новгороде своей княжеской династии. В XI–XII вв. князей, как реально владевших Новгородом, так и приглашённых, чаще хоронили в Софии Новгородской. Персон, умиравших в Новгороде на Городище, начиная с конца XII в. погребали в соборе княжеского монастыря. Единственное исключение относится к началу XIV в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимова Т.И. Монументальная живопись и археология // Новгород и Новгородская земля. Искусство и реставрация. Вып. 6: Материалы VI Научно-практической конференции (9–11 декабря 2014 г., Великий Новгород). СПб., 2015. С. 288–300.
2. Брунов Н.И. Мастера древнерусского зодчества. М.: Государственное издательство литературы по строительству и архитектуре, 1953.
3. Гиппиус А.А., Седов Вл.В. Надпись-граффито 1198 года из Георгиевского собора Юрьева монастыря // Города и веси Средневековой Руси. Археология, история, культура. К 60-летию Н.А. Макарова. М.; Вологда: Древности Севера, 2015. С. 478–490.
4. Гиппиус А.А., Седов Вл.В. Находки в Георгиевском соборе Юрьева монастыря: новые фрески и новые надписи // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2015. М.: Наука, 2016. С. 190–208.
5. Ильин М.А. Мастер Пётр // Архитектура СССР. 1943. № 2. С. 37–39.
6. Каргер М.К. Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде // Советская археология. Вып. VIII. М.; Л., 1946. С. 175–224.
7. Комеч А.И. Два направления в новгородской архитектуре начала XII в. // Средневековое искусство. Русь. Грузия. М.: Наука, 1978. С. 45–62.
8. Макаров Н.А. Топография погребений в древнерусских храмах XI–XIII вв. // Тезисы докладов советской делегации на IV Международном конгрессе славянской археологии (София, сентябрь 1980 г.). М.: Наука, 1980. С. 71–73.

9. Маслов К.И. К истории обновления Юрьев-Новгородского монастыря архимандритом Фотием // Материальная база сферы культуры. Чтения памяти Л.А.Лелекова. Вып. 4. М., 1998. С. 74–90.
10. Михеев С.М. Древнерусские глаголические надписи XI–XII веков из Новгорода: № 23–28 // SLOVO. Sv. 65 (2015). Zagreb, 2015. P. 65–85.
11. Некрасов А.И. Древнерусское зодчество XI–XVII века. М.: Изд-во Всесоюзной академии архитектуры, 1936.
12. Николаев И.С. Творчество древнерусских зодчих. М.: Стройиздат, 1978.
13. Новгородская летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950.
14. Новгородские летописи. Рязань: Александрия, 2002.
15. Полное собрание русских летописей. Т. IX. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000.
16. Полное собрание русских летописей. Т. XVI: Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. М.: Языки русской культуры, 2000.
17. Ромашкевич Т.А. Создание мастерской по реставрации монументальной живописи в НГОМЗ (деятельность и перспектива) // Новгород и Новгородская земля. Искусство и реставрация. Вып. 6: Материалы VI Научно-практической конференции (9–11 декабря 2014 г., Великий Новгород). СПб., 2015. С. 40–57.
18. Сарабьянов В.Д. Фрески XII в. в основном объёме Георгиевского собора Юрьева монастыря // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегоник. 1997. М.: Наука, 1998. С. 232–239.
19. Сарабьянов В.Д. Росписи северо-западной башни Георгиевского собора Юрьева монастыря // Древнерусское искусство. Русь и страны Византийского мира. XII век. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 365–398.
20. Сарабьянов В.Д. Заказчик и стиль в древнерусских росписях XII века // Новгород и Новгородская земля. Искусство и реставрация. Вып. 4. Великий Новгород, 2011. С. 45–46.
21. Сарабьянов В.Д. О судьбе древних росписей Георгиевского собора Юрьева монастыря в Великом Новгороде // История собирания, хранения и реставрации памятников древнерусского искусства (Материалы конференции 25–28 мая 2010 г., ГТГ). М., 2012. С. 357–356.
22. Седов Вл.В. Погребения «святых князей» и архитектура княжеских усыпальниц Древней Руси // Восточно-христианские реликвии / Ред.-сост. А.М. Лидов. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 447–473.
23. Седов Вл.В. Сакральное пространство древнерусского храма: архитектурный аспект // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. М.: Индрик, 2006. С. 556–575.
24. Седов Вл.В., Этингер О.Е. Новые данные об архитектуре и фресках Георгиевского собора Юрьева монастыря // Архитектурное наследие. Вып. 65. М.; СПб.: Коло, 2016. С. 16–29.
25. Седов Вл.В., Вдовиченко М.В., Кадейшвили Е.А. Первоначальный пол Георгиевского собора Юрьева монастыря // Реставрация и исследования памятников культуры. Вып. 9. СПб.: Коло, 2017. С. 11–20.
26. Седов Вл.В. Погребения под каменными плитами в средневековом Новгороде // Памятники средневековой археологии Восточной Европы. К юбилею Марины Дмитриевны Полубояриновой. М.: ИА РАН, 2017. С. 80–94.
27. Седов Вл.В. Саркофаг князя Всеволода Большое Гнездо в Успенском соборе (по данным Н.Н. Воронина) // Краткие сообщения института археологии. Вып. 248. М.: Языки славянской культуры, 2017. С. 278–289.
28. Федоренко Т.К. Предварительные итоги исследования фрагментов росписи Георгиевского собора Юрьева монастыря (по материалам работ 2014 года) // Альманах: Культура. Искусство. Реставрация. 2015 (1). Ч. 1: Реставрация: Сборник статей / Под науч. ред. Е.П. Борзовой, А.Б. Буйчика. СПб., 2015. С. 69–79.

29. Царевская Т.Ю. Новые данные о первоначальной росписи Георгиевского собора Юрьева монастыря в Великом Новгороде // Искусство христианского мира. Вып. 13. М., 2016. С. 195–206.
30. Янин В.Л. Некрополь Новгородского Софийского собора. М.: Наука, 1988.
31. Marinis V. Architecture and Ritual in the Churches of Constantinople. Ninth to Fifteenth Centuries. NY: Cambridge University Press, 2014.

ENGLISH

Princely Sarcophagi of St. George's Cathedral at St. George's Monastery

Vladimir Valentinovich Sedov – associate fellow of the RAS, Dr. of History of Arts, chief researcher of the Institute of Archeology of the RAS, head of the project “St. George's, St. Pantaleon's and Sitka monasteries of ancient Novgorod” (17-01-18079e).

E-mail: sedov1960@mail.ru

Keywords: medieval archeology, architecture of Ancient Rus, history of the ancient Russian art, Middle Ages, architecture of Byzantium, churches, monasteries, burial architecture, sarcophagi, topology of necropoleis, princes, architectural archeology

REFERENCES

1. Anisimova T.I. Monumental'naya zhivopis' i arkheologiya // Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Iskusstvo i restavratsiya. Vyp. 6: Materialy VI Nauchno-prakticheskoy konferentsii (9–11 dekabrya 2014 g., Velikiy Novgorod). SPb., 2015. S. 288–300 (in Russian).
2. Brunov N.I. Mastera drevnerusskogo zodchestva. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo literatury po stroitel'stvu i arkhitekture, 1953 (in Russian).
3. Gippius A.A., Sedov V.V. Nadpis'-graffito 1198 goda iz Georgievskogo sobora Yur'eva monastyrya // Goroda i vesi Srednevekovoy Rusi. Arkheologiya, istoriya, kul'tura. K 60-letiyu N.A.Makarova. M.; Vologda: Drevnosti Severa, 2015. S. 478–490 (in Russian).
4. Gippius A.A., Sedov V.V. Nakhodki v Georgievskom sobore Yur'eva monastyrya: novye freski i novye nadpisi // Trudy Otdeleniya istoriko-filologicheskikh nauk RAN. 2015. M.: Nauka, 2016. S. 190–208 (in Russian).
5. Il'in M.A. Master Pyotr // Arkhitektura SSSR. 1943. № 2. S. 37–39 (in Russian).
6. Karger M.K. Raskopki i restavratsionnye raboty v Georgievskom sobore Yur'eva monastyrya v Novgorode // Sovetskaya arkheologiya. Vyp. VIII. M.; L., 1946. S. 175–224 (in Russian).
7. Komech A.I. Dva napravleniya v novgorodskoy arkhitekture nachala XII v. // Srednevekovoe iskusstvo. Rus'. Gruziya. M.: Nauka, 1978. S. 45–62 (in Russian).
8. Makarov N.A. Topografiya pogrebeniy v drevnerusskikh khramakh XI–XIII vv. // Tezisy dokladov sovetskoy delegatsii na IV Mezhdunarodnom kongresse slavyanskoy arkheologii (Sofiya, sentyabr' 1980 g.). M.: Nauka, 1980. S. 71–73 (in Russian).
9. Maslov K.I. K istorii obnovleniya Yur'evo-Novgorodskogo monastyrya arkhimandritom Fotiem // Material'naya baza sfery kul'tury. Chteniya pamyati L.A.Lelekova. Vyp. 4. M., 1998. S. 74–90 (in Russian).
10. Mikheev S.M. Drevnerusskie glagolicheskie nadpisi XI–XII vekov iz Novgoroda: № 23–28 // SLOVO. Sv. 65 (2015). Zagreb, 2015. P. 65–85 (in Russian).

11. Nekrasov A.I. Drevnerusskoe zodchestvo XI–XVII veka. M.: Izd-vo Vsesoyuznoy akademii arkhitektury, 1936 (in Russian).
12. Nikolaev I.S. Tvorchestvo drevnerusskikh zodchikh. M.: Stroyizdat, 1978 (in Russian).
13. Novgorodskaya letopis' starshego i mladshego izvodov. M.; L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1950 (in Russian).
14. Novgorodskie letopisi. Ryazan': Aleksandriya, 2002 (in Russian).
15. Polnoe sobranie russkikh letopisey. T. IX. Letopisnyy sbornik, imenuemyy Patriarshey ili Nikonovskoy letopis'yu. M.: Yazyki russkoy kul'tury, 2000 (in Russian).
16. Polnoe sobranie russkikh letopisey. T. XVI: Letopisnyy sbornik, imenuemyy letopis'yu Avraamki. M.: Yazyki russkoy kul'tury, 2000 (in Russian).
17. Romashkevich T.A. Sozdanie masterskoy po restavratsii monumental'noy zhivopisi v NGOMZ (deyatelnost' i perspektiva) // Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Iskusstvo i restavratsiya. Vyp. 6: Materialy VI Nauchno-prakticheskoy konferentsii (9–11 dekabrya 2014 g., Velikiy Novgorod). SPb., 2015. S. 40–57 (in Russian).
18. Sarab'yanov V.D. Freski XII v. v osnovnom ob'yome Georgievskogo sobora Yur'eva monastyrya // Pamyatniki kul'tury. Novye otkrytiya: Ezhegonik. 1997. M.: Nauka, 1998. S. 232–239 (in Russian).
19. Sarab'yanov V.D. Rospisi severo-zapadnoy bashni Georgievskogo sobora Yur'eva monastyrya // Drevnerusskoe iskusstvo. Rus' i strany Vizantiyskogo mira. XII vek. SPb.: Dmitriy Bulanin, 2002. S. 365–398 (in Russian).
20. Sarab'yanov V.D. Zakazchik i stil' v drevnerusskikh rospisyakh XII veka // Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Iskusstvo i restavratsiya. Vyp. 4. Velikiy Novgorod, 2011. S. 45–46 (in Russian).
21. Sarab'yanov V.D. O sud'be drevnikh rospisey Georgievskogo sobora Yur'eva monastyrya v Velikom Novgorode // Istoriya sobiraniya, khraneniya i restavratsii pamyatnikov drevnerusskogo iskusstva (Materialy konferentsii 25–28 maya 2010 g., GTG). M., 2012. S. 357–356 (in Russian).
22. Sedov V.I.V. Pogrebeniya «svyatykh knyazey» i arkhitektura knyazheskikh usypal'nits Drevney Rusi // Vostochno-khristianskie relikvii / Red.-sost. A.M. Lidov. M.: Progress-Traditsiya, 2003. S. 447–473 (in Russian).
23. Sedov V.I.V. Sakral'noe prostranstvo drevnerusskogo khrama: arkhitekturnyy aspekt // Ierotropiya. Sozdanie sakral'nykh prostranstv v Vizantii i Drevney Rusi. M.: Indrik, 2006. S. 556–575 (in Russian).
24. Sedov V.I.V., Etingof O.E. Novye dannye ob arkhitekture i freskakh Georgievskogo sobora Yur'eva monastyrya // Arkhitekturnoe nasledstvo. Vyp. 65. M.; SPb.: Kolo, 2016. S. 16–29 (in Russian).
25. Sedov V.I.V., Vdovichenko M.V., Kadeyshvili E.A. Pervonachal'nyy pol Georgievskogo sobora Yur'eva monastyrya // Restavratsiya i issledovaniya pamyatnikov kul'tury. Vyp. 9. SPb.: Kolo, 2017. S. 11–20 (in Russian).
26. Sedov V.I.V. Pogrebeniya pod kamennymi plitami v srednevekovom Novgorode // Pamyatniki srednevekovoy arkheologii Vostochnoy Evropy. K yubileyu Mariny Dmitrievny Poluboyarinovoy. M.: IA RAN, 2017. S. 80–94 (in Russian).
27. Sedov V.I.V. Sarkofag knyazya Vsevoloda Bol'shoe Gnezdo v Uspenskom sobore (po dannym N.N. Voronina) // Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii. Vyp. 248. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2017. S. 278–289 (in Russian).
28. Fedorenko T.K. Predvaritel'nye itogi issledovaniya fragmentov rospisi Georgievskogo sobora Yur'eva monastyrya (po materialam rabot 2014 goda) // Al'manakh: Kul'tura. Iskusstvo. Restavratsiya. 2015 (1). Ch. 1: Restavratsiya: Sbornik statey / Pod nauch. red. E.P. Borzovoy, A.B. Buychika. SPb., 2015. S. 69–79 (in Russian).
29. Tsarevskaya T.Yu. Novye dannye o pervonachal'noy rospisi Georgievskogo sobora Yur'eva monastyrya v Velikom Novgorode // Iskusstvo khristianskogo mira. Vyp. 13. M., 2016. S. 195–206 (in Russian).
30. Yanin V.L. Nekropol' Novgorodskogo Sofiyskogo sobora. M.: Nauka, 1988 (in Russian).
31. Marinis V. Architecture and Ritual in the Churches of Constantinople. Ninth to Fifteenth Centuries. NY: Cambridge University Press, 2014.

С.Ю. ДМИТРЕНКО*

Бахнарические языки Камбоджи: лексика, грамматика, тексты (по материалам лингвистической экспедиции)

Ключевые слова: типология, грамматика, языки Юго-Восточной Азии, кхмерский язык, семантика, русский язык

В августе 2017 г. была проведена лингвистическая экспедиция, посвящённая изучению языков бахнарической группы мон-кхмерской ветви аустроазиатской языковой семьи. Языки бахнарической группы локализованы на территории Вьетнама, Камбоджи и Лаоса. Точное число идиомов, входящих в состав группы, установить невозможно, но в качестве условной цифры можно говорить о 35–40 языках и диалектах. Наиболее крупными считаются распространённые на территории Вьетнама языки бахнар (155 000 носителей, оценка 1997 г.) седанг (97 000 носителей, 2007 г.), хрэ (127 000 носителей, 2007 г.).

Языковая ситуация в провинции Ратанакири

Местом проведения экспедиции была выбрана камбоджийская провинция Ратанакири, находящаяся на северо-востоке страны (пограничные с Лаосом и Вьетнамом районы). Именно там наблюдается наибольшее в Камбодже разнообразие бахнарических

идиомов. В настоящее время на территории Ратанакири проживают носители следующих языков бахнарической группы: тампуан (центральная подгруппа), кринг, кавет, прэу/брао (западная подгруппа), катьок (северная подгруппа). Ни один из них за пределами Ратанакири не представлен. Все перечисленные языки являются малочисленными: число говорящих даже на самом крупном из них – тампуан – не превышает в настоящее время 33–35 тыс. человек (31 000, оценка 2009 г.).

Помимо бахнарических народов и кхмеров (основной этнос на территории Камбоджи) в провинции Ратанакири проживают носители языка джарай, относящегося к чамской группе австронезийской языковой семьи, и носители южного диалекта языка лао (юго-западная группа тайской ветви таи-кадайской языковой семьи). Сегодня на территории Ратанакири имеются также компактные поселения чамов (ещё один австронезийский народ) и китайцев-хакка, не являющихся коренными жителями этих мест.

* **Дмитренко Сергей Юрьевич** — кандидат филологических наук, заместитель директора по научной работе Института лингвистических исследований РАН, руководитель проекта «Бахнарические языки Камбоджи: лексика, грамматика, тексты» (17-04-18029е)
E-mail: dmitrserg@gmail.com

Фото 1. Женщина из народа тампуан за ткацким станком

К сожалению, временные рамки экспедиции и погодные условия (сезон дождей) не позволили нам посетить деревни джараев, чамов и хакка, что принесло бы несомненную пользу для общего описания языковой ситуации в регионе. При этом участники экспедиции сочли необходимым посетить несколько деревень лао и сделать аудиозаписи речи носителей данного языка. Дело в том, что носители лао проживают в обследуемом ареале по крайней мере 400 лет и, безусловно, внесли важный вклад в формирование существующей в Ратанакири «языковой среды», в которой и существуют интересующие нас бахнарические языки.

Официальным языком и языком межэтнического общения в провинции является кхмерский – государственный язык Королевства Камбоджа (как и бахнарические языки, он относится к мон-кхмерской ветви аустроазиатской языковой семьи, образуя в ней отдельную группу). Практически все информанты, с которыми нам приходилось работать (вне зависимости от родного языка и уровня образования), владеют разговорным кхмерским на достаточно высоком уровне. Слабое знание

кхмерского языка (или отрицание факта владения им) отмечено лишь у нескольких женщин из народа тампуан, проживающих в деревне Пхум Прак-2. Полное незнание кхмерского языка отмечено также у пожилой (старше 80 лет) женщины-тампуан из дер. Патьоан Тхом, находящейся рядом с административным центром провинции г. Банлунгом. Данная информантка утверждала, что помимо родного тампуан владеет разговорным лаосским языком.

Дети, живущие в «этнических» деревнях, свободно владеют родным языком, общаясь на нём с членами своей семьи и односельчанами, а кхмерский начинают учить обычно уже в школе. С другой стороны, возможна ситуация, когда дети, переехавшие с родителями из деревни в г. Банлунг, родным языком совершенно не владеют, разговаривая со старшими родственниками, оставшимися в национальной деревне, только по-кхмерски (зафиксировано в дер. Кропуу народа кринг).

Информанты-лао, проживающие в уезде Вынгсай (деревня Поунг) и являющиеся носителями языка с относительно старой литературной традицией, не знако-

мы с лаосским алфавитом, притом что часть из них являются монолингвами, владея только родным лаосским. Обучение на родных языках в настоящее время не ведётся, хотя для языка тампуан разработаны учебные пособия (с использованием кхмерского алфавита). Обучение в школах, находящихся в местах компактного проживания лао (деревня Поунг), также ведётся только на кхмерском языке.

Тем не менее, сегодня нет оснований характеризовать бахнарические языки Камбоджи как исчезающие: они продолжают активно использоваться в рамках деревенских общин, дети дошкольного и школьного возраста, как уже говорилось, демонстрируют уверенное владение родными языками.

Некоторые особенности этнографии народов Ратанакири

Хотя наша экспедиция носила в первую очередь лингвистический характер, необходимо сказать несколько слов об образе жизни народов, языками которых участники проекта занимались в течение месяца. Мы убеждены в том, что знание этнографических реалий является обязательным условием эффективного сбора и интерпретации лингвистических данных. Ниже мы перечислим лишь несколько отличительных черт, характерных для бахнарических народов Ратанакири.

1) Традиционный образ жизни, который в течение многих столетий вели эти народы, был основан на охоте, собирательстве и мотыжном подсечно-огневом земледелии. На выжженных и расчищенных участках леса устраивались суходольные рисовые поля, разбивались огороды, где выращивались немногочисленные овощные культуры (таро, люфа, кабачки, тыквы). В настоящее время подсечно-огневое земледелие остаётся основным для народов Ратанакири, хотя в нём может применяться и малая механизация (мотокосы, неболь-

шие тракторы, электрические рисорушки и т.п.). Кроме того, значительную часть обрабатываемых земель в наши дни занимают плантации маниока, кешью, перца, бананов (в более отдалённых горных районах провинции также выращивается кофе). Лишь малая часть урожая (например, маниока и бананов) предназначена для личного потребления. Большая часть сельскохозяйственной продукции выращивается на продажу. Это же относится и к натуральному каучуку: в провинции Ратанакири значительные (и с каждым годом увеличивающиеся) площади занимают сейчас посадки гевеи. Ради расширения гевейных плантаций вырубаются тропические леса, бывшие ранее для коренных народов местом обитания и ведения хозяйства. Охота и собирательство перестали играть центральную роль в хозяйстве местных жителей (хотя на рынке Банлунга до сих пор можно увидеть разнообразную лесную дичь (кабанов, оленей разных видов, зайцев, варанов, змей), а также дикий мёд и собранные в лесу плоды).

2) Традиционное жилище малочисленных народов представляло собой дом на низких сваях (если сравнивать их, например, с домами кхмеров, которые могли иметь сваи высотой в два метра и более) (фото 3). Материалом для домов мог служить бамбук (стены дома представляли собой своеобразные «панели»,

Фото 2. Бутылы из тыквы-горлянки с процарапанным орнаментом (народ тампуан)

Фото 3. Традиционный дом тампуан (деревня Оум)

сплетённые из расщеплённого бамбука, тростника и т.п.).

Строились как индивидуальные (для одной семьи), так и «длинные» дома (предназначенные для нескольких поколений одной семьи). У тампуанов существовали так называемые общие дома (поделённые на отсеки), в которых могли проживать одновременно все жители данной общины (деревни). В последние десятилетия строительство таких домов прекратилось. Один из немногих сохранившихся семейных длинных домов нам удалось сфотографировать в деревне Ка Чхут Краом народа катьок. В настоящее время в деревнях малочисленных народов преобладают деревянные дома «кхмерского типа», которые строят на высоких сваях и покрывают жемчужной. При этом в деревнях народа кринг по-прежнему можно наблюдать небольшие домики из бамбука или тростника, предназначенные для девушек, вступающих в брачный возраст (так называемые дома девушек). Ранее существовали и специальные дома, которые строили для себя юноши, собирающиеся вступить в брак. Для таких домов был характерен малый размер и очень высокие

(5–7 метров) сваи. В последние десятилетия их больше не строят.

3) В отличие от кхмерского населения, абсолютное большинство которого составляют приверженцы буддизма тхеравады (тхеравада является основной религией в Камбодже, начиная примерно с XIV в., когда она окончательно сменила доминировавшие ранее индуизм и буддизм махаяны), малые народы Ратанакхири продолжают придерживаться традиционных культов, в основе которых лежат жертвоприношения духам предков, деревни, поля, леса и т.д. В качестве жертвенных животных используют кур, свиней, буйволов. Также обязательным компонентом жертвоприношения является рисовая брага, приготавливаемая в глиняных кувшинах путём сбраживания смеси из клейкого или рассыпчатого риса и рисовых отрубей. Изготовление и употребление этого вида алкоголя является одним из «культурных маркеров» коренных народов на территории всей Юго-Восточной Азии (как на материке, так и на архипелаге) (см., например, [1]).

4) Религиозные представления изучаемых нами народов отражают и существующие у них сложные погребальные обряды,

Фото 4. Деревянное надгробие с фигурами духов мёртвых (народ катьок)

которые в целом сохранились до наших дней. Если кхмеры, в соответствии с канонами буддизма, кремируют покойных, а затем хранят урну с прахом на территории монастыря или дома, то тампуан и катьок устраивают специальные кладбища, где тела покойных предадут земле. На могилах устраивают периодические жертвоприношения, осуществляя «кормление» духов усопших родственников. Через некоторое время в большинстве случаев воздвигается деревянное надгробие (имеющее форму украшенного навеса или беседки) и ростовые скульптуры, символизирующее духа умершего (фото 4). В настоящее время у тампуан территории кладбищ являются, как правило, табуированными для чужаков, а катьок допускают посещение этих мест кхмерами и иностранцами. Что касается народа кринг, то их погребальные обряды аналогичны существующими у тампуан и катьок, но надгробия на современных кладбищах в целом больше похожи на китайские захоронения.

Степень изученности бахнарических языков Ратанакири

Языки бахнарических народов Ратанакири изучены мало. Для сравнения ска-

жем, что ситуация с этнографическим описанием этих народов за последние десятилетия значительно улучшилась. Достаточно упомянуть недавнюю монографию бельгийской исследовательницы М.Интасс «Eating in Northeastern Cambodia: A Socio-Anthropological Approach to Highland Food in Ratanakiri» [2], посвящённую антропологии питания малочисленных коренных народов (в первую очередь, бахнарических) провинции Ратанакири, и вышедшую на кхмерском языке коллективную монографию камбоджийских исследователей «Legend and Knowledge of Minorities Ethnic Groups in Cambodia» [3]. Значительный интерес представляет и сборник сказок коренных малочисленных народов (в переводе на кхмерский язык), изданный в 2011 г. камбоджийской исследовательницей-этномузыковедом Каеу Нарум (в научных работах этого автора также содержится ценная информация по этнографии коренных народов Ратанакири). Из более ранних публикаций необходимо упомянуть книгу французского антрополога Ж.Матрас-Трубецкой [4], написанную на основе полевой работы автора в провинции Ратанакири в 1960-х гг. и посвя-

Фото 5. Пожилые крынги с традиционными гонгами

щённую сельскохозяйственным практикам и ритуалам западнобахнарического народа брао (прэу). Эта работа содержит много ценной этнографической и этнолингвистической информации (фото 5).

Совершенно иная ситуация наблюдается с описанием языков бахнарических народов Ратанакири. Наиболее серьёзное достижение в этой области — словарь языка тампуан, опубликованный в 2007 г. Дж. Кроули [5]. Этому же автору принадлежит статья по фонологии тампуан [6]. В базе данных мон-кхмерских языков «Mon-Khmer Languages Project», размещённой на сайте <http://sealang.net>, интересующие нас языки представлены минимально (это тот же тампуан, а также материалы Чарльза Келлера по языку брао, включая очерк по грамматике этого языка, защищённый в качестве диссертации в 1976 г., и статью по фонологической системе крынг [7]). Сведения о лексике бахнарических языков Ратанакири (точнее, языков западной подгруппы) представлены в монографии П. Сидвелла и П. Жака [8]. Хотя перечисленные публикации выполнены на высоком научном уровне, многие аспекты структуры и функциони-

рования бахнарических языков Ратанакири остаются не описанными или описанными фрагментарно.

Экспедиция 2017 г. и её основные цели

В состав экспедиции по изучению бахнарических языков Ратанакири в 2017 г. вошли четыре человека, представляющие ведущие научные учреждения России: руководитель экспедиции к.ф.н. С.Ю. Дмитренко (Институт лингвистических исследований (ИЛИ) РАН), И.В. Самарина (Институт языкознания РАН), к.и.н. М.В. Станюкович (Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН) и выпускник Восточного факультета СПбГУ Р.В. Фёдоров (ныне — соискатель ИЛИ РАН). Двое из участников экспедиции (С.Ю. Дмитренко и Р.В. Фёдоров) владеют кхмерским языком, который использовался в данной экспедиции в качестве языка-посредника: на нём велось интервьюирование информантов. Все участники экспедиции имеют многолетний опыт полевой работы в различных странах Юго-Восточной Азии (в том числе и совместный опыт работы на данной территории [9]).

Фото 6. Участники экспедиции с информантами-тампуанами

Экспедиция базировалась в провинциальном центре Ратанакири — городе Банлунге. Опрос информантов-носителей бахнарических языков осуществлялся в деревнях с компактным проживанием бахнарического населения, расположенных как в пределах нескольких километров от Банлунга, так и удалённых от него на 50–60 и более километров. Основной объём данных собран в деревнях Тонг Камаль, Кропуу (язык крынг), Патьюан Тхом, Кооп (язык тампуан) (фото 6), Копиа (язык катьок). Работа с информантами велась и в деревне Поунг, где проживают носители южного диалекта языка лао (юго-западная группа тайской ветви таи-кадайской языковой семьи).

При сборе материала использовались лексикографические опросники и грамматические анкеты «Советско-вьетнамских лингвистических экспедиций» (в составлении, апробации и редактировании этих анкет ранее принимала активное участие И.В. Самарина), переведённые на кхмерский язык и отредактированные С.Ю. Дмитриенко при участии носителей кхмерского языка (сотрудников Института национального языка Королевской академии на-

ук Камбоджи). При редактировании анкет, первоначально разработанных для Вьетнама, была проведена их адаптация с учётом природных и культурных реалий севера Камбоджи.

Во время работы проводилась аудиофиксация интервью с опрашиваемыми носителями языков (одновременно на 2–3 звукозаписывающих устройства с различными настройками записи). В большинстве случаев велась и видеозапись интервью.

Участники экспедиции ставили перед собой следующие основные цели:

- продолжить сбор лексики языка тампуан (уже начатый С.Ю. Дмитриенко, И.В. Самариной и М.В. Станюкович несколькими годами ранее), доведя общий объём словника до 2000 единиц;
- осуществить запись и частичную расшифровку устных нарративов на языке тампуан;
- начать сбор лексики языка крынг (планировалось собрать до 500–700 слов), а также приступить к сбору «базовой» информации по грамматике этого языка;
- собрать хотя бы минимальный объём лексики языка катьок, информация о ко-

тором в лингвистических базах данных и сводных монографиях по бахнарическим языкам совсем не представлена.

Кажущаяся «неравномерность», с которой участники проекта предполагали описывать различные бахнарические языки, имеет естественное объяснение. Язык катьок (около 3 тыс. носителей) локализован в небольшом труднодоступном районе, отдалённом от провинциального центра Банлунг на расстояние 70–80 км (дорога предполагает поездку на мотоцикле по грунтовой дороге продолжительностью до 3,5 часов, а также последующий сплав по реке Сесан). В силу этого полевая работа с носителями данного языка технически затруднена, финансово затратна и была ограничена одним рабочим днём. С другой стороны, носители языков крынг (более 20 000 носителей) и тампуан (около 35 000 носителей) проживают в районах, расположенных в непосредственной близости от г. Банлунг (ближайшие деревни расположены в 5–10 км), которые легко доступны вне зависимости от погодных условий (напомним, что время проведения экспедиции совпадало с сезоном дождей). Кроме того, С.Ю.Дмитренко, И.В.Самарина и М.В.Станюкович ранее уже работали с языком тампуан и к моменту начала экспедиции имели определённый задел и налаженные рабочие связи с представителями этого народа.

Результаты экспедиции

Анализ материала, собранного в ходе экспедиции, показывает, что бахнарические языки демонстрируют значительное число черт, характерных как для большинства мон-кхмерских языков, так и для значительной части языков Индокитайского языкового союза. Например, как и в кхмерском языке, в обследованных бахнарических языках принципиальна оппозиция «сильный слог» vs. «слабый слог» (для слогов последнего типа характерно наличие жёстких структурных ограничений: например, из всего существующего в языке

набора гласных позицию медиали «слабого слога» может занимать только гласный *ə*, а терминаль такого слога может быть или нулевой (т.е. слог является открытым), или представлена носовым сонантом).

Также для большинства бахнарических языков характерна оппозиция фонаций (например, нейтральной и придыхательной в системе языка тампуан). Отметим, что в стандартном кхмерском языке фонологическое противопоставление фонаций не закрепилось, хотя фонации как фонетический феномен и отмечаются исследователями в некоторых диалектах (например, Ж.-М. Филиппи полагает, что фонетическое разграничение нейтральной и придыхательной фонаций существует в пномпеньском диалекте кхмерского [10]).

В языке крынг, как нам представляется, также не произошло окончательного оформления системы фонаций как фонологического явления. Показательно при этом, что в крынг сохранилась оппозиция глухих и звонких шумных согласных, утраченная как в большинстве бахнарических языков, так и в кхмерском. Сказанное отчасти демонстрирует приводимая ниже таблица нескольких лексических соответствий, в которую включены данные двух бахнарических языков – тампуан и крынг, а также данные современного кхмерского языка и протомонкхмерские реконструкции Х.Л.Шорто (последние заимствованы из [11]).

Видно, что звонким шумным протомонкхмерского в тампуан соответствуют глухие шумные, а гласный при этом произносится с придыхательной фонацией. В кхмерском, как уже было сказано, оппозиция фонаций не закрепилась, однако произошло существенное расширение вокализма (разные описания фиксируют в современном кхмерском от 29 до 31 гласного). Крынг, в каком-то смысле, оказывается ближе других к протомонкхмерскому, сохраняя звонкие инициали и похожий репертуар гласных.

Что касается грамматического строя бахнарических языков, то он в целом

близок к индокитайскому «региональному стандарту». Можно констатировать, в частности, что крынг, катьок и тампуан представляют собой типичные языки изолирующего типа. Словоизменение в них полностью отсутствует. Аффиксальное словообразование развито достаточно слабо (или, скорее, уже разрушено), хотя могут быть выделены малочисленные словообразовательные аффиксы (инфиксы и префиксы). Ср., например, крынг ke:t 'умереть' → kəse:t 'убить' (-с- инфикс с каузативным значением), тампуан ɬəo 'умереть' → ranɬaw 'убить' (ran- префикс с каузативным значением, также имеется частичное изменение финали корня), крынг saŋ 'есть' → chləŋ 'еда' (-l- номинализирующий инфикс). Порядок слов в предложении – SVO, определение всегда следует за определяемым. В отличие от кхмерского языка (и лаосского, с которым бахнарические языки Ратанакири давно контактируют) в крынг и тампуан ещё меньше распространены приглагольные видо-временные показатели. Соответствующие значения чаще передаются лексически. Также можно отметить гораздо меньшую роль глагольной сериализации, хотя сериальные конструкции (как правило, двухкомпонентные) представлены в речи (ср. следующий пример из крынг):

təmə pərlu mut kunuŋ da:k
камень катиться тонуть в вода
'Камень скатился в воду'.

В обследованных языках широко распространены каузативные конструкции, возможно образование пассивной конструкции, которая строится по той же

модели, что и пассивная конструкция в кхмерском или лао (специальная синтаксическая конструкция со служебным словом или конструкция с выносом дополнения в топик-позицию). Реципрокальное значение может быть выражено аналитически и, вероятно (по крайней мере, в крынг), синтетически – с помощью аффикса.

Говоря о лексике бахнарических языков, надо отметить, что наряду с общемонкхмерскими словами в лексиконе тампуан, крынг и катьок существует значительный слой заимствованной лексики. Длительное существование в «пространстве» между двумя крупными языками (кхмерским и лаосским) привело к тому, что в их лексике обнаруживается значительное число заимствований (относящихся, по большей части, к сфере материальной и духовной культуры) из древнекхмерского (и, возможно, среднекхмерского), современного кхмерского и лаосского языков, например:

präh (тампуан), brah (крынг) 'бог' ← древнекхмерское brah 'бог' (в разных орфографических формах фиксируется с VII в.) → кхм. preah.

go: bri: (крынг) 'дикий буйвол' (bri: – общемонкхмерское слово 'лес') ← древнекхмерское go: 'корова, бык' (фиксируется с VII в., ← санскритское go) → кхм. ko: 'корова'

sambot (тампуан) 'буква, текст' ← кхмер. səmbot 'письмо'

na (тампуан) 'заливное рисовое поле' ← лао ná: 'заливное рисовое поле'

tala:t (тампуан) 'рынок' ← лао tálà:t 'рынок'

Научные результаты, полученные экспедицией 2017 г., кратко можно сформулировать следующим образом:

1. Собраны данные по лексике (более 1000 единиц) и грамматике западнобахнарического языка крынг. До настоящего времени этот идиом был описан крайне мало и фрагментарно. В лексической базе уже упомянутого проекта «Mon-Khmer Languages Project» лексика крынг присутствует минимально. Участники экспе-

Таблица

Лексические соответствия

	кхмер.	тампуан	крынг	мон-кхм.
Два	pí:	píəŋ	ba:r	*ba:r
Нога	sɔ:ŋ	sɔŋ	jiŋ	*jə:ŋ
Лес	prəj	prɨ:	bri:	*bri:ʔ
Вода	tuək	tjək	da:k	*dà:k

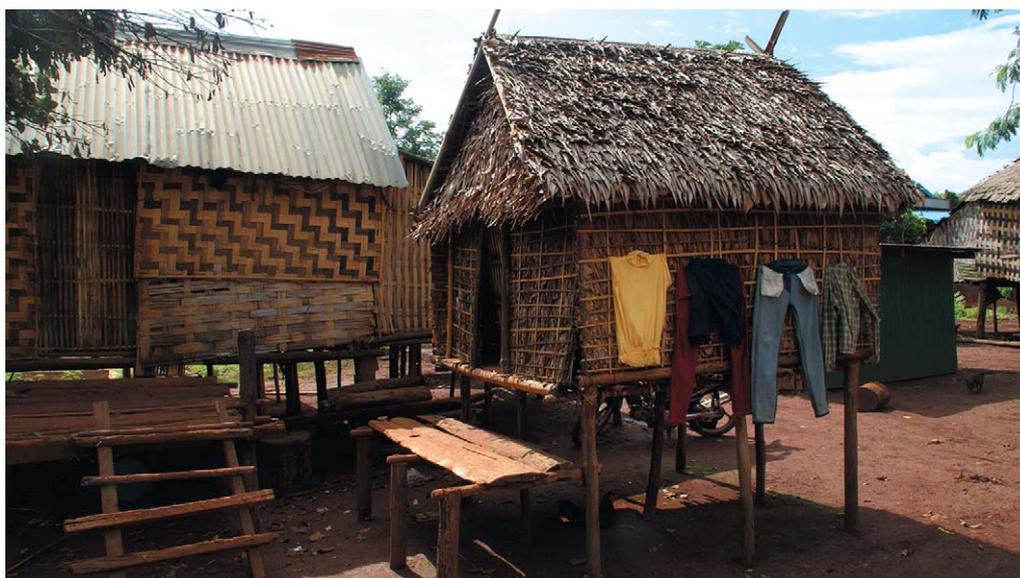

Фото 7. В деревне народа крынг (на переднем плане — «дом девушки»)

диции также записали несколько устных нарративов на крынг (тексты, посвящённые традиционному образу жизни малочисленных народов). На основе существенно доработанного словника советско-вьетнамских лингвистических экспедиций велась работа с информантами крынг (главным образом, в деревне Кропуу). Собран значительный пласт лексем из разделов словника «Животный и растительный мир», «Материальная культура» и т.д. Общее количество опрошенных информантов — 5 человек.

2. Записаны пять текстов на центрально-бахнарическом языке тампуан от разных носителей. Расшифрованы два фольклорных текста на языке тампуан, записанные И.В.Самариной и С.Ю.Дмитренко в прошлые годы (волшебная сказка и плутовская сказка). Количество зафиксированной лексики на языке тампуан приблизилось к 2000 единицам. Материал собирался в деревнях Патъоан Тхом и Кооп. Общее число опрошенных информантов — 6 человек.

3. Впервые собрана лексика языка катьок (язык северной подгруппы, локализованный в отдалённой труднодоступной части Ратанакири): записано 200 лексических единиц из так называемого расширенного списка Сводеша. Данный идиом, насколько нам известно, исследовате-

ли до сих пор практически не описывали. Следует учитывать, что катьок занимает изолированное положение: относясь к северной подгруппе бахнарической группы (и будучи единственным представителем данной подгруппы на территории Камбоджи), катьок даже в минимальной степени не является взаимопонятным с другими бахнарическими языками. Работа велась в деревне Копия.

4. Собрана лексика южного диалекта языка лао. Язык лао не имеет отношения к бахнарической группе, относясь к тай-кадайской языковой семье, но его данные представляют исключительный интерес для описания языковой ситуации на северо-востоке Камбоджи: в течение четырёх-пяти веков он оказывал существенное влияние на бахнарические языки, контактировавшие с ним. С другой стороны, в «ратанакирийском» говоре южного диалекта лаосского языка, образцы которого нам удалось записать, явно присутствуют фонетические изменения, которые можно объяснить влиянием бахнарических и кхмерского языков: наличие консонантных кластеров (невозможных в стандартном лаосском), присутствие звука [ɣ], отсутствующего в системе лаосского языка, вероятное «сглаживание» тоновой системы.

5. Собран ряд нарративов на кхмерском языке, посвящённых различным аспектам традиционной культуры тампуан, кринг и лао (изготовление рисового и пальмового вина, употребление бетельной жвачки, традиционные музыкальные инструменты, шаманские практики и др.).

В ходе полевого исследования 2017 г. была изучена большая часть бахнарических языков провинции Ратанакири. Незатронутыми остались только два идиома западной подгруппы: кавет (с данным языком участники экспедиции С.Ю. Дмитренко, И.В. Самарина и М.В. Станюкович рабо-

тали в одну из прошлых поездок в Камбоджу) и прэу/брао (его носители проживают в районах провинции, сообщение с которыми в сезон дождей практически невозможно).

В настоящее время участники проекта активно занимаются обработкой полевых материалов, собранных в экспедиции 2017 г. Эта работа осуществляется в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Памятники материальной и духовной культуры в современной информационной среде». Несколько публикаций уже увидели свет или находятся в печати [12, 13].

ЛИТЕРАТУРА

1. Станюкович М.В. Кокосовая чарка, бамбуковый стакан. Этнография и этноботаника хмельной культуры Юго-Восточной Азии // Станюкович М.В. (отв. ред.), Касаткина А.К. (ред.). Музейные коллекции и современная культура народов Индонезии, Малайзии, Филиппин, Океании. Сборник Музея антропологии и этнографии. 2018 (в печати).
2. Intasse M. Eating in Northeastern Cambodia: A Socio-Anthropological Approach to Highland Food in Ratanakiri. Bangkok: White Lotus, 2001.
3. វង្សា និព្វាន វង្សា សម្រេច ដោយ សំខ្លឹម ភាសា តំបន់ ប្រជាជន តូចតាច ក្នុង ប្រទេស កម្ពុជា (=Legend and Knowledge of Minorities Ethnic Groups in Cambodia). Phnom Penh, 2007.
4. Matras-Troubetzkoy J. Un village en forêt. L'essartage chez les Brou du Cambodge. SELAF, 1983.
5. Crowley J.D., Vay Tieng, Wain Churk. Tampuan Khmer English dictionary: with English Khmer Tampuan glossary. Phnom Penh: EMU International & National Language Institute of the Royal Academy of Cambodia.
6. Crowley J.D. Tampuan phonology // The Mon-Khmer Studies Journal, 2000. Vol. 30. Pp. 1–21.
7. Keller Ch. Brao-Krung phonology. Mon-Khmer Studies Journal. 2001. № 31. Pp. 1–13.
8. Sidwell P., Jacq, P. A Handbook of Comparative Bahnaric: Vol. 1: West Bahnaric. Canberra: Pacific Linguistics, Research School of Pacific and Asian Studies, The Australian National University, 2003.
9. Станюкович М.В. Комплексные экспедиции к малым народам Филиппин и Камбоджи 2014–2015: этнография, фольклористика, этнолингвистика, этноботаника // Тезисы научной конференции «Теория и практика исследования этнокультурных комплексов», посвящённой 65-летию со дня рождения В.А. Козьмина. СПб., 2015. С. 17–19.
10. Philippi J.M., Hiep Chan Vicheth. Khmer Pronouncing Dictionary: Standard Khmer and Phnom Penh dialect. Phnom Penh, 2016.
11. Shorto H.L. A Mon-Khmer Comparative Dictionary (Pacific Linguistics, 579). Australian National University, 2006.
12. Stanyukovich M.V. Betel leaf and betel nut in shamanistic practices of the Philippines and Cambodia / Trau cau trong cac thuc hanh shaman clao cua Philippines va Campuchia / Book of abstracts. ISARS International Society for Academic research on Shamanism. International conference 'Expanding Boundaries: Ethnicity, Materiality and Spirituality'. Vietnam Museum of Ethnology. Hanoi, 01-04/12/2017. Hanoi, 2017a. Pp. 148–149.
13. Станюкович М.В., Федоров Р.В. Неотложная полевая этнография Юго-Восточной Азии. Север Камбоджи и юг Филиппин // Кунсткамера. 2018. № 1.

ENGLISH

Bahnaric Languages of Cambodia: Vocabulary, Grammar, Texts (Based on the Materials of a Linguistic Expedition)

Sergey Yurievich Dmitrenko – Candidate of Philology, deputy director for academic work at the Institute of Linguistic Research of the RAS, head of the project “Bahnaric languages of Cambodia: vocabulary, grammar, texts” (17-04-18029e).
E-mail: dmitrserg@gmail.com

Keywords: typology, grammar, languages of South-Eastern Asia, Khmer language, semantics, Russian language

REFERENCES

1. Stanyukovich M.V. Kokosovaya charka, bambukovyy stakan. Etnografiya i etnobotanika khme-l'noy kul'tury Yugo-Vostochnoy Azii // Stanyukovich M.V. (otv. red.), Kasatkina A.K. (red.). Muzeynye kollektzii i sovremennaya kul'tura narodov Indonezii, Malayzii, Filippin, Okeanii. Sbornik Muzeya antropologii i etnografii. 2018 (*v pechati*) (in Russian).
2. Intasse M. Eating in Northeastern Cambodia: A Socio-Anthropological Approach to Highland Food in Ratanakiri. Bangkok: White Lotus, 2001.
3. Ruəŋ nitiaŋ nuŋ camneh dəŋ cən ciət phiək təc nɔw prətɛ:h kəmpucɛə (=Legend and Knowledge of Minorities Ethnic Groups in Cambodia). Phnom Penh, 2007.
4. Matras-Troubetzkoy J. Un village enforêt. L'essartage chez les Brou du Cambodge. SELAF, 1983.
5. Crowley J.D., Vay Tieng, Wain Churk. Tampuan Khmer English dictionary: with English Khmer Tampuan glossary. Phnom Penh: EMU International & National Language Institute of the Royal Academy of Cambodia.
6. Crowley J.D. Tampuan phonology // The Mon-Khmer Studies Journal, 2000. Vol. 30. Pp. 1–21.
7. Keller Ch. Brao-Krung phonology. Mon-Khmer Studies Journal. 2001. № 31. Pp. 1–13.
8. Sidwell P., Jacq, P. A Handbook of Comparative Bahnaric: Vol. 1: West Bahnaric. Canberra: Pacific Linguistics, Research School of Pacific and Asian Studies, The Australian National University, 2003.
9. Stanyukovich M.V. Kompleksnye ekspeditsii k malym narodam Filippin i Kambodzhi 2014–2015: etnografiya, fol'kloristika, etnolingvistika, etnobotanika // Tezisy nauchnoy konferentsii «Teoriya i praktika issledovaniya etnokul'turnykh kompleksov», posvyashchyonnoy 65-letiyu so dnya rozhdeniya V.A. Koz'mina. SPb., 2015. S. 17–19 (in Russian).
10. Philippi J.M., Hiep Chan Vicheth. Khmer Pronouncing Dictionary: Standard Khmer and Phnom Penh dialect. Phnom Penh, 2016.
11. Shorto H.L.A. Mon-Khmer Comparative Dictionary (Pacific Linguistics, 579). Australian National University, 2006.
12. Stanyukovich M.V. Betel leaf and betel nut in shamanistic practices of the Philippines and Cambodia / Trau cau trong cac thuc hanh shaman clao cua Philippines va Campuchia / Book of abstracts. ISARS International Society for Academic research on Shamanism. International conference ‘Expanding Boundaries: Ethnicity, Materiality and Spirituality’. Vietnam Museum of Ethnology. Hanoi, 01-04/12/2017. Hanoi, 2017a. Pp. 148–149.
13. Stanyukovich M.V., Fedorov R.V. Neotlozhnaya polevaya etnografiya Yugo-Vostochnoy Azii. Sever Kambodzhi i yug Filippin // Kunstkamera. 2018. № 1 (in Russian).

КОНФЕРЕНЦИИ. КОНГРЕССЫ. СИМПОЗИУМЫ

DOI: 10.22204/2587-8956-2018-091-02-171-175

Е.А. МЕЛЬНИКОВА*

Международная научная конференция «Восточная Европа в древности и средневековье. XXX Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто» (Москва, 17–20 апреля 2018 г.)**

Ключевые слова: Древняя Русь, международные связи, внешняя политика, дипломатия, источниковедение

Конференция, ежегодно проводимая Институтом всеобщей истории РАН, в 2018 г. была юбилейной – исполнилось 100 лет со дня рождения Владимира Терентьевича Пашуто (фото 1) – выдающегося советского историка Древней Руси, основателя новых для того времени направлений в отечественной исторической науке – изучения и публикации зарубежных источников по истории Восточной Европы и сравнительно-исторического изучения процессов образования Древнерусского и других европейских государств. Труды В.Т. Пашуто «Древнерусское государство и его международное значение» (1965 г., в соавторстве с А.П. Новосельцевым, Л.В. Черепниным, В.П. Шушариным и Я.Н. Шаповым) и «Внешняя политика Древней Руси» (1968 г.), преодолевшие господ-

ствовавший тогда изоляционистский подход в её изучении, «открыли» Русь как крупную европейскую державу, игравшую существенную роль на международной арене и связанную многочисленными экономическими, политическими, культурными нитями с государствами Европы и Азии.

К юбилею В.Т. Пашуто в Государственной публичной исторической библиотеке была развёрнута выставка «Владимир Терентьевич Пашуто и его научная школа» (фото 2). На выставке экспонировался весь спектр его многочисленных трудов: монографии, статьи, рецензии по отечественной и зарубежной истории, историографии, источниковедению, учебники по отечественной истории для вузов, а также отклики российских и зарубежных учёных на его публикации. Открытие выстав-

* Мельникова Елена Александровна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, председатель Оргкомитета конференции.
E-mail: melnikova_2002@mail.ru

** Проект 18-09-20009г.

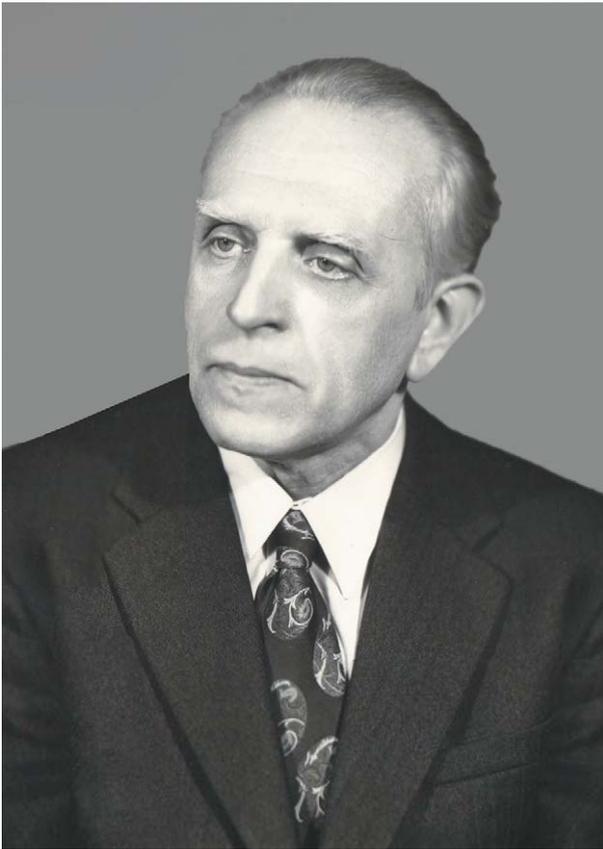

Фото 1. Владимир Терентьевич Пашуто

ки 16 апреля сопровождалось заседанием, посвящённым жизни и творчеству В.Т.Пашуто, на котором выступили автор этой статьи, А.В.Подосинов, А.С.Щавелёв.

Научное наследие В.Т.Пашуто более обстоятельно обсуждалось на первой пленарной сессии конференции. А.В.Назаренко отметил выдающийся вклад В.Т.Пашуто в возрождение историко-филологического направления в изучении зарубежных источников по истории Восточной Европы. Е.А.Мельникова подчеркнула, что В.Т.Пашуто поднимал новые, нетривиальные проблемы (внешняя политика Древней Руси), широко раздвигал рамки традиционно изучаемых вопросов (сравнительное исследование и издание памятников права разных народов в период образования государств), обращался к темам, официально запрещённым (исследование творчества русских историков-эмигрантов).

Более подробно о значении работ В.Т.Пашуто, посвящённых памятникам права,

рассказала Е.Н.Швейковская. Т.Н.Джаксон обратила внимание собравшихся на то, как в условиях господства антинорманизма В.Т.Пашуто выступил с «реабилитацией» варягов, отметив их существенную роль в процессах восточнославянского политогенеза и синтез скандинавских и славянских элементов в политической культуре Древней Руси. Ю.М.Могаричев остановился на влиянии трудов В.Т.Пашуто на изучение раннесредневековой истории Крыма.

Отклики на публикации В.Т.Пашуто польских учёных, высоко оценивавших его вклад в изучение русско-польских отношений, рассмотрел А.В.Кузьмин. Научно-организационное наследие В.Т.Пашуто подробно осветил В.Д.Назаров, подчеркнув значение для отечественной исторической науки основанных учёным и продолжающих выходить серийных изданий: свода «Древнейшие источники по истории Восточной Европы» и ежегодника «Древнейшие государства Восточной Европы».

При обсуждении международных связей народов Восточной Европы и Древней Руси был поставлен вопрос об отражении этих контактов в древнерусских и зарубежных источниках. Позднее происхождение большинства из них (прежде всего древнерусских) по отношению к описываемым событиям, а также их жанровая специфика, формы репрезентации действительности, тенденциозность и мн. др. ставят перед исследователем множество вопросов.

Источниковедческая проблематика охватила широкий круг вопросов и весь временной диапазон тематики конференции. Особенности античных текстов, содержащих сведения о Северном Причерноморье, и восприятие античными писателями народов Восточной Европы анализировали Л.И.Грацианская, И.М.Никольский, Е.В.Илюшечкина.

Способы накопления и передачи информации о землях Восточной Европы, а также конкретные сведения о Руси в арабской и еврейской традициях рас-

Фото 2. Выставка «Владимир Терентьевич Пашуто и его научная школа» в Государственной публичной исторической библиотеке

смаатривали Т.М.Калинина, Б.Е.Рашковский, В.А.Шорохов и А.С.Кибень.

Важная проблема отражения контактов с Византией в терминологии византийских памятников была поднята в докладах М.И.Дробышева и Ю.Я.Вина.

Наибольшее внимание было уделено древнерусским письменным источникам. Доклады В.Ю.Франчук и Т.В.Гимона возродили когда-то обсуждавшуюся и В.Т.Пашуто (а ранее Б.А.Рыбаковым) проблему документальных источников летописей. Обращение к ней на современном уровне крайне актуально, поскольку методами текстологического, интертекстуального, лингвистического анализа стало возможно, во-первых, показать равноценность устной речи и письменного текста, если не приоритет первой в княжеском общении, и, во-вторых, выделить несколько категорий документальных текстов: «копии реальных писем; запротоколированные речи, заучивавшиеся послами и воспроизводившиеся устно; тексты, составленные летописцем с це-

лью... передать суть переговоров и заявлений». Документирование международных связей обсуждалось также в выступлениях А.С.Щавелёва и В.И.Ставиского.

Значительная группа докладов была посвящена внешним, прежде всего византийским, влияниям на древнерусскую литературу. К.В.Вершинин представил неизвестный ранее древнерусский перевод схолий на Ветхий Завет, А.С.Кибень исследовал понятие термина «притьча» в древнерусском узусе и выявил в пророчестве Псевдо-Мефодия параллель к притче «погибоша аки обри» Повести временных лет. Новую параллель к рассказу о «выборе вер» в восточных источниках нашёл Д.Е.Мишин. Отражению мусульманских религиозных практик летописцами посвятила доклад М.Ю.Андрейчева. Отношение летописцев к иноверцам исследовали П.С.Стефанович и А.В.Лаушкин. Существенное место заняло обсуждение исторического контекста древнерусских письменных памятников (Д.Г.Полонский, Д.А.Добровольский, А.Юсупович).

Широко обсуждались международные связи Древнерусского государства и предшествующих ему этнополитических образований Восточной Европы. Основываясь на археологических материалах, Т.В. Чичко показала интенсивность торговых связей южного Урала с Прикамьем, Средней Азией, Северным Причерноморьем. Новые результаты исследования славянских поселений в контактной зоне земледельческого и кочевых народов представил В.С. Флёров. Е.А. Шинаков очертил широкий круг культурных связей славянских племён юга Восточной Европы, охватывающих сасанидский Иран, Византию, кочевой мир Северного Причерноморья.

Центральное место в программе конференции заняли международные связи Древней Руси и отдельных княжеств. В докладах подчёркивались значение внешних контактов для развития восточнославянской государственности (Д.М. Котышев), активная роль русских князей в международных делах (Е.А. Мельникова), разнообразие внешних связей русских княжеств (Е.Л. Конявская). Специфике дипломатических практик и их эволюции были посвящены доклады В.Я. Петрухина, А.А. Кузнецова, Р.П. Храпачевского. Матримониальные связи как отражение межгосударственных отношений рассматривались в докладах Т.Н. Джаксон, А.А. Горского и Ф.Д. Подберёзкина.

Новые аспекты и эпизоды связей Руси с европейскими странами были представлены на широком евразийском пространстве от Северного Кавказа до Скандинавии. Новую датировку и локализацию первого известного участия русов в военных акциях Византии предложил К. Цукерман. Сведения не использовавшегося ранее источника о русско-византийской войне Святослава представил С.А. Иванов. О.Б. Бубенок остановился на русско-аланских связях эпохи Святослава. Ранние контакты Руси и Армении рассмотрела В.А. Арутюнова-Фиданян. Новый документ по истории русско-ганзейских связей обнародовали П.В. Лукин и С.В. Поле-

хов. Е.В. Литовских исследовала сообщения о древнейших поездках исландцев в Восточную Европу. В контексте практики бегства свергнутых правителей в соседние страны была рассмотрена история экспатриации на Русь к Ярославу Мудрому малолетних сыновей английского короля Эдмунда Железнобокого (Д.В. Сухино-Хоменко).

Особый блок составили доклады, посвящённые политическим контактам Юго-Западной Руси с Венгрией (М.К. Юрасов, М. Фонт, А.В. Назаренко, В.И. Матузова). Правовые аспекты международных отношений в сравнительном аспекте освещались в докладах Н.А. Ганиной и М.Л. Лавренченко.

Церковные связи Древней Руси составили содержание выступлений Ю.А. Артамонова, который остановился на византийских влияниях на организацию монастырской жизни на Руси, и С.Ю. Темчина, выявившего кушито-химьяритскую параллель к церковной практике Древней Руси.

Живой интерес собравшихся вызвали доклады, посвящённые денежному обращению в Восточной Европе в поздне-римское время (Н.И. Храпунов) и в X в. (В.М. Пашинский и Вяч.С. Кулешов).

Символика в дипломатической практике и международных отношениях Руси рассматривалась в двух докладах. Д. Домбровский (фото 3) впервые поднял вопрос о «языке жестов» в дипломатической практике Древней Руси. На репрезентации Древнерусского государства в геральдике остановился Е.В. Пчелов.

Следующий крупный блок рассматривавшихся на конференции вопросов был связан с исследованием международных связей Северного Причерноморья в античную эпоху и Средневековье. И.Е. Суриков показал важную роль внешних контактов как цельной системы в древнегреческом мире. А.В. Подосинов, Е.В. Вдовченков, И.Е. Ермолова рассмотрели этнокультурные и политические связи греческих и римских колонистов с народами Северного Причерноморья в первые века н.э.

Фото 3. Выступает проф. Дариуш Домбровский (Польша)

Взаимодействие разноэтничных элементов в культуре и искусстве обсуждалось в докладах Ю.А. Виноградова и В. Сирбу.

Особое место занял комплекс докладов, посвящённых Крыму, где сталкивались интересы Византии, номадов Причерноморья, Хазарии и Руси. Этнокультурной ситуации в Крыму были посвящены доклады С.В. Ярцева и Е.В. Шушуновой – в первых веках н.э. и И.А. Дружининой – в XI–XIII вв. Политика Византии в Крыму рассматривалась М.М. Казанским, А.И. Айбабиным и Э.А. Хайрединовой, Н.А. Алексеенко, русско-византийские отношения – в докладах В.Е. Науменко и В.Н. Чхаидзе.

Главными результатами проведённой конференции стали введение в науку новых источников, обращение к малоисследованным вопросам, реинтерпретация сведений письменных, археологических, нумизматических источников. С докладами выступили учёные из России, из Беларуси, Литвы, Молдовы, Украины, а также из Венгрии, Польши, Румынии, Франции, Швеции. Материалы конференции были опубликованы в серийном издании «Восточная Европа в древности и средневековье: XXX Юбилейные Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва, 17–20 апреля 2018 г. / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М.: ИРИ РАН, 2018.

ENGLISH

International Academic Conference “Eastern Europe in the Ancient Times and Middle Ages. The 30th Readings to Commemorate the Associate Fellow of USSR’s Academy of Sciences V.T. Pashuto” (Moscow, April 17–20, 2018)

Elena Aleksandrovna Melnikova – Dr. of History, chief researcher of the RAS Institute of General History, chair of the organizing committee of the conference.
E-mail: melnikova_2002@mail.ru

Keywords: Ancient Rus, international relations, external policy, diplomacy, source studies

С.А. ВАСИЛЬЕВ, С.А. КУЛАКОВ*

Международная конференция «Памятники Кавказа в контексте нижнего и среднего палеолита Евразии» (Санкт-Петербург, 15–16 января 2018 г.)**

Ключевые слова: археология и история первобытного общества, ранний и средний палеолит, технология и морфология каменных изделий

В Институте истории материальной культуры РАН прошла Международная конференция «Памятники Кавказа в контексте нижнего и среднего палеолита Евразии». В работе форума приняли участие ведущие специалисты из России, Азербайджана, Бельгии, Германии, Франции.

Торжественная часть конференции была посвящена многочисленным поздравлениям доктора исторических наук профессора Василия Прокофьевича Любина (фото 1), которому 13 января нынешнего года исполнилось 100 лет. В.П.Любин — старейший из числа работающих археологов мира. Славный юбилей учёного отметили археологи-палеолитоведы многих стран.

В.П.Любин воспитал блестящую плеяду специалистов, в том числе двух членов-корреспондентов РАН, большое число докторов и кандидатов наук, занимающих ныне ведущие позиции в отечественной науке. Его ученики трудятся в различных республиках бывшего СССР и иностранных государствах.

Поздравительные телеграммы в адрес юбиляра прислали президент Российской Федерации В.В.Путин и председатель Правительства РФ Д.А.Медведев; от правительства Санкт-Петербурга юбиляра поздравил глава администрации Центрального района А.Д.Хлутков. Телеграммы с тёплыми словами и пожеланиями в адрес В.П.Любина поступили от многих академических институтов и музеев России, ближнего и дальнего зарубежья.

К началу работы конференции библиотека и архив ИИМК РАН подготовили выставки научных трудов и фотографий, иллюстрирующих деятельность В.П.Любина (фото 2).

Сделанные на конференции доклады касались разноплановой многолетней научной деятельности В.П.Любина по изучению каменного века. Тематически их можно объединить в три группы.

Первая группа — это доклады итоговые, посвящённые изложению новых результатов исследований каменного века в Старом Свете. Проблемы изуче-

* **Васильев Сергей Александрович** — доктор исторических наук, заведующий Отделом палеолита Института истории материальной культуры РАН, председатель Оргкомитета конференции. E-mail: sergevas@AV2791.spb.edu

Кулаков Сергей Александрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН, заместитель председателя Оргкомитета конференции. E-mail: kazvolg@yandex.ru

**Проект 18-09-20003.

ния первоначального расселения человечества в Евразии рассматривались в докладах проф. А. де Люмлея (Париж) и проф. М.-А. де Люмлей (Париж). Древнейшим следам человека на территории России посвятили доклады чл.-корр. РАН М.В.Шуныков (Новосибирск) и чл.-корр. РАН Х.А.Амирханов (Москва), а также к.и.н. Е.Ю.Гиря (Санкт-Петербург) и Е.В.Филатов (Чита).

Работы В.П.Любина в Африке были освещены в докладе Д.А.Пресняковой (Тюбинген, Германия). О проведённых В.П.Любиным исследованиях палеолита на Северном Кавказе рассказала к.и.н. Е.В.Леонова (Москва). В выступлении д-ра А.А.Зейналова (Баку) было освещено влияние юбиляра на становление азербайджанского палеолитоведения. Разработки учёного в вопросах анализа и классификации каменных изделий были охарактеризованы в докладах к.и.н. А.И.Таймазова (Махачкала), к.и.н. Г.Н.Поплевко (Санкт-Петербург) и Е.Осиповой (Перпиньян, Франция).

Два доклада были посвящены непосредственно результатам работ юбиляра в пещерных памятниках Северного Кавказа (д.и.н. В.П.Любин, к.г.н. Г.М.Левковская, к.и.н. Е.В.Беляева (Санкт-Петербург)), а также итогам работ российско-армянской экспедиции под руководством юбиляра (к.и.н. Е.В.Беляева, Санкт-Петербург).

Вторая группа докладов касалась открытий новых памятников каменного века в Евразии. Два доклада были посвящены открытиям новых памятников раннего и среднего палеолита в Крыму: к.и.н. С.А.Кулаков, д.и.н. Н.К.Анисюткин (Санкт-Петербург), д.г.-м.н. А.Л.Чепалыга (Москва), к.и.н. К.Н.Гаврилов, д.и.н. М.Г.Жилин, к.и.н. Д.В.Ожерельев, к.и.н. А.Б.Селезнёв (Москва). В докладе проф. Е.Г.Дэвлет (Москва) сообщалось о результатах новых работ на памятнике. В.П.Любин отдал много сил исследованиям этого единственного памятника палеолитического наскального искусства на Урале.

Фото 1. Василий Прокофьевич Любин

В докладе к.и.н. Д.В.Ожерельева (Москва) уделено внимание ранним публикациям В.П.Любина о перспективном потенциале этого района в изучение палеолита Западной Азии.

К третьей группе можно отнести доклады смежников – специалистов естественно-научных дисциплин. В.П.Любин на протяжении всей своей деятельности активно использовал и развивал комплексный междисциплинарный подход к изучению памятников каменного века. Исследованиям фаунистических коллекций памятников археозоологическим методом были посвящены доклады д.б.н. Г.Ф.Барышникова (Санкт-Петербург) и к.б.н. М.В.Саблина (Санкт-Петербург). О непреходящей ценности исследований классическими методами физической антропологии человеческих останков из археологических памятников шла речь в докладе к.и.н. М.М.Герасимовой, д.и.н. С.В.Васильева и д.и.н. С.Б.Борущкой (Москва).

Особо отметим доклады геологов, работающих с археологами, в которых были представлены новые результаты совместных исследований на территории

Фото 2. На выставке научных трудов и фотографий, иллюстрирующих деятельность В.П. Любина

Евразии: проф. П.Эзартс (Брюссель) и проф. М.Отт (Льеж), проф. В.Г.Трифонов, к.и.н. Д.В.Ожерельев, к.г.-м.н. А.С.Тесаков, к.г.-м.н. А.Н.Симакова (Москва), к.г.-м.н. Я.И.Трихунков (Москва).

При подведении итогов конференции её участники отметили, что полностью было выполнено всё, что планировалось. За два дня заседаний было заслу-

шано и обсуждено 25 научных докладов по актуальным проблемам палеолитоведения. Учитывая высокую научную значимость представленных на форуме докладов и большой объём введённых в научный оборот материалов, принято решение об издании сборника статей докладчиков и других участников конференции.

ENGLISH

International Conference “Monuments of Caucasus in the Context of the Lower and Middle Paleolithic Periods of Eurasia” (St. Petersburg, January 15–16, 2018)

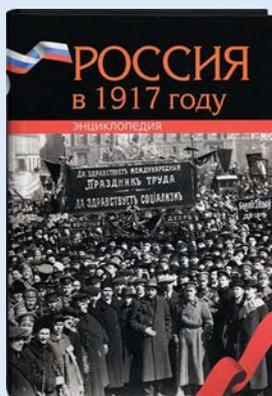
Sergey Aleksandrovich Vasilyev – Dr. of History, head of the Department of the Paleolithic Age, the RAS Institute of History of Material Culture, chair of the organizing committee of the conference.
E-mail: sergevas@AV2791.spb.edu

Sergey Aleksandrovich Kulakov – Candidate of History, senior researcher at the RAS Institute of History of Material Culture, deputy chair of the organizing committee of the conference.
E-mail: kazvolg@yandex.ru

Keywords: archeology and history of the primitive society, Lower and Middle Paleolithic Periods, technology and morphology of stone items

МИР КНИГИ РФФИ

DOI: 10.22204/2587-8956-2018-091-02-179-182

О.А. ШАШКОВА*

**Россия в 1917 году:
Энциклопедия / Отв. ред. А.К. Сорокин.
М.: Политическая энциклопедия,
2017. — 1095 с.: ил. ****

Ключевые слова: публикация источников, археография, источниковедение, историография, научное книгоиздание, правила публикации документов, публикаторская деятельность архивов, оппозиционные издания

Минуло столетие «нашей», как её называл В.И. Ленин, революции, но в исторической науке — «революция продолжается». Обилие конференций, сборников документов и монографических исследований, появившихся в ушедшем году, отнюдь не поставило точки над «i». Скорее, выявилось состояние концептуального поиска, которое испытывает российская историография фактически весь постсоветский период.

Что считать точкой отсчёта в истории нового общества? В чём скрыта феноменальная популярность коммунистической идеи, охватившей едва ли не все континенты почти на полстолетие?

И, наконец, «революция во время Войны» или «Война как преддверие Революции»: как революционный процесс «дирижировал» событиями на фронте? Эти вопросы по-прежнему актуальны, и ответить на них призваны, в том числе, такие фундаментальные труды, как энциклопедии. Самые первые объективные подобные издания, посвящённые либо целиком, либо частично 1917 г., вышли в 1990-е гг. [1].

Продолжением традиции, с иной шкалой измерения, стал трёхтомник «Россия в Первой мировой войне. 1914–1918» [2], где в формате научно-справочного издания было осмыслено *состояние страны* в годы войны,

* Шашкова Ольга Александровна — кандидат исторических наук, главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории, доцент Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета.
E-mail: o-shashkova@yandex.ru

** Проект 17-04-16099д.

а не войны для государства — как само-довлеющего фактора. Сегодня, зная «итог» и «эпилог» обоих взаимосвязанных событий, с этим сложно не согласиться.

Именно в таком ключе — представлении широкой картины жизни империи в период революционных потрясений — формировалась концепция нового юбилейного энциклопедического издания «Россия в 1917 году». Оно вышло под эгидой Российского исторического общества, Федерального архивного агентства, Росийского государственного архива социально-политической истории, Института российской истории РАН и издательства «Политическая энциклопедия». Редакционный коллектив энциклопедии (Ф.А.Гайда, М.И.Одинцов, Ю.А.Петров, А.В.Репников, А.С.Сенин, К.А.Соловьёв, А.К.Сорокин, О.В.Чистяков, В.В.Шелохаев) рассматривал свою задачу как презентацию полноценной картины жизни империи в год революционных потрясений.

Как известно, история создания любого научного проекта — это «отдельная история». Замысел «России в 1917 году» родился одновременно с вышеназванным трёхтомником, и некоторое время работа велась параллельно. Важной задачей любой энциклопедии является формирование словника, фиксирующего концепцию. Здесь он стал, по сути, историческим осмыслением драмы 1917 г. «не как события, а как процесса» (с. 5). Такая культура восприятия революции восходит к утраченному представлению о ней, свойственному первой четверти ушедшего столетия. Чрезвычайно важна и другая идея проекта: понимание революционных событий как «кризиса развития», оборотной стороны быстрой модернизации.

Эти особенности позволили редакционному коллективу сформировать несколько блоков (разделов): военный, экономический, по истории культуры, общественной мысли и церковной жизни, реализовавшиеся в почти 700 статьях. К исследованию были привлечены более

ста ведущих историков из крупных университетов, исследовательских институтов, музеев и архивов из России, Грузии, Украины, Белоруссии, Казахстана.

Большинство задуманных разделов можно считать представленными в той мере, в которой позволял формат одно-томного издания. Специалисту по периоду революции и истории начала XX в. даётся редкая возможность охватить в сравнительно сжатом виде наиболее существенные стороны жизни империи, хотя определённая «кооперация» с энциклопедическими словарями постсоветского периода необходима. Безусловно, излишне искать в нынешнем проекте всех, хотя бы как-то проявивших себя думских деятелей или членов Госсовета, все политические партии, оставившие даже незначительный след в истории 1917 г. Однако в противоположность традиционным (условно говоря, «отраслевым» или «хронологическим») словарям здесь полноценно представлены не только главные политические, государственные и военные организации и события, но и поднят значительный пласт деятельности промышленных, железнодорожных предприятий. Весьма информативные статьи о большинстве оборонных заводов, фабрик, средствах связи и путях передвижения — от западных окраин до Владивостока, насыщенные статистикой, удачно дополняются обобщающими. В меньшей степени освещено сельскохозяйственное производство, однако учитывая ряд суммирующих статей, получается достаточное представление о занятиях подавляющей части населения и основе экспорта.

Экономическая составляющая энциклопедии вообще является сильной стороной издания и концептуально важной. Она в значительной степени формирует представление о России как динамично развивающейся державе, революционный взрыв в которой стал своего рода «расплатой» за быстроту и неравномерность эволюции. В энциклопедии показана широкая палитра художественной,

литературной и даже кинематографической жизни страны, отражены основные политические организации, которые конструировали политическую систему страны в 1917 г. Большой ценностью издания следует считать статьи, посвящённые религиозной сфере, причём в её многоконфессиональном измерении.

В ряде случаев редакционный коллектив шёл по пути укрупнения проблемных блоков, и такой опыт в отечественной историографии уже был [3]. В нынешнем проекте масштабно сформулирован целый ряд статей: «Внешняя политика России в 1917 году», «Высшая школа России в 1917 году», «Городское хозяйство России в 1917 году», «Законодательство России в 1917 году» и др., где суммарно очерчивается итог развития тех сфер жизни страны, которые не могли в силу, прежде всего, объёма быть прописанными более подробно. Аналогичный подход сделан при освещении состояния национальных окраин или регионов: «Белоруссия», «Туркестанский край», «Закавказье», «Поволжье», «Украина» и др.; при этом дополнительно высвечивался ряд организаций, учреждений и лиц, действовавших на местах.

Вместе с тем ограничение объёма издания сказалось на разработке некоторых отраслей, которые нашли отражение в эскизном виде. Так, статья «Банкирские заведения» только обобщает информацию о таком важнейшем регуляторе политической жизни революционной России, как банки. Аналогичное замечание относится к средствам массовой информации, научным, общественным организациям (не партиям), представленным выборочно.

Другой особенностью проекта является некоторая неровность в стилистическом отношении: где-то сохраняется эмоциональная окраска материала, не всегда соответствующая формату энциклопедического издания. Имеет место «перетекание» статей по военному разделу

из предыдущей энциклопедии по истории Первой мировой войны, что могло быть устранено при расширении круга авторов. Есть редкие погрешности «механического» характера; также мог быть расширен собственный научно-справочный аппарат энциклопедии (хотя, вероятно, этому мешал изначально заданный объём проекта).

Большой удачей редакционного и издательского коллективов является художественное оформление проекта. Оно может рассматриваться как презентация нового формата энциклопедий вообще. Помимо высокого полиграфического уровня, качества печати, нельзя не сказать о почти 550 иллюстрациях. Это не только портреты известных политиков, военных, общественных деятелей, но нередко карикатуры на них же. Представлены фотографии известных архитектурных сооружений и интерьеров (Таврического дворца, Быховской тюрьмы или дома Кшесинской, ряда заводов и др.), боевых орудий и кораблей, артефактов, обложек известных изданий и пр.

Подводя краткий итог, надо сказать, что проект «Россия в 1917 году» — одно из значимых событий в череде мероприятий к 100-летию юбилею Революции. Неслучайно в феврале нынешнего года издание стало лауреатом Национальной премии Министерства культуры РФ «Лучшие книги и издательства года—2017» в номинации «Энциклопедии».

Действительно, «пространство революции» в огромной империи получило в проекте не только объективное освещение, но и само его исследование удалось дистанцировать от политики и псевдоаналогий с современностью. Можно сказать, что «классовый» подход к отечественному прошлому, долгое время свойственный отечественным энциклопедическим изданиям, действительно уступил место гражданскому, оправдав титульный подзаголовок: «Посвящается памяти всех граждан России 1917 года».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Одни из них концентрировали внимание на хронологическом периоде; другие — на изучении истории общественных или государственных учреждений, организаций: Политические деятели России 1917 г.: Биографический словарь / Гл. ред. П.В.Волобуев и др.; Под общ. ред. В.В.Журавлёва и др. М.: Большая Российская энциклопедия, 1993; Политические партии России. XIX – первая треть XX в.: Энциклопедия. М.: Политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996; Государственная Дума Российской империи 1906–1917: Энциклопедия / Ред. Б.Ю.Иванов, А.А.Комзолова, И.С.Ряховская. М.: РОССПЭН, 2008.
2. Россия в Первой мировой войне. 1914–1918: Энциклопедия: В 3 т. / Отв. ред. А.К.Сорокин. М.: Политическая энциклопедия, 2014.
3. См., напр.: Критический словарь Русской революции: 1914–1921: (систематизированный свод аналитических статей) / Э. Актон, У.Г. Розенберг, В. Черняев (сост.). СПб.: Нестор-История, 2014.

ENGLISH

**Russia in 1917: Encyclopedia / Editor-in-Chief A.K. Sorokin.
M.: Politicheskaya Entsiklopediya, 2017. – 1095 p.: ill.**

Olga Aleksandrovna Shashkova – Candidate of History, chief specialist of the Russian State Archive of social and political history, Associate Professor of the Historical and Archive Institute of the Russian State University of Humanities.

E-mail: o-shashkova@yandex.ru

Keywords: publication of sources, archeography, study of sources, historiography, academic book publishing, rules for publication of documents, publishing activities of archives, opposition editions

REFERENCES

1. Odni iz nikh kontsentrirovali vnimanie na khronologicheskom periode; drugie – na izucheni istorii obshchestvennykh ili gosudarstvennykh uchrezhdeniy, organizatsiy: Politicheskie deyateli Rossii 1917 g.: Biograficheskiy slovar' / Gl. red. P.V. Volobuev i dr.; Pod obshch. red. V.V. Zhuravlyova i dr. M.: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya, 1993; Politicheskie partii Rossii. XIX – pervaya tret' XX v.: Entsiklopediya. M.: Politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 1996; Gosudarstvennaya Duma Rossiyskoy imperii 1906–1917: Entsiklopediya / Red. B.Yu. Ivanov, A.A. Komzolova, I.S. Ryakhovskaya. M.: ROSSPEN, 2008 (in Russian).
2. Rossiya v Pervoy mirovoy voyne. 1914–1918: Entsiklopediya: V 3 t. / Otв. red. A.K. Sorokin. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2014 (in Russian).
3. Sm., napr.: Kriticheskiy slovar' Russkoy revolyutsii: 1914–1921: (sistematizirovanny svod analitycheskikh stately) / E. Akton, U.G. Rozenberg, V. Chernyaev (sost.). SPb.: Nestor-Istoriya, 2014 (in Russian).

DOI: 10.22204/2587-8956-2018-091-02-183-186

Ю.Л. КОСЕНКОВА*

Кобышева Е.В. Европейские архитекторы в советском градостроительстве эпохи первых пятилеток. Документы и материалы. М.: БуксМАрт, 2017. — 360 с.: ил. **

Ключевые слова: советское градостроительство и архитектура, иностранные архитекторы в советской проектной системе, соцгород, градостроительная политика

Автор книги кандидат искусствоведения Евгения Владимировна Кобышева — одна из немногих (точнее сказать, уникальных) современных российских учёных, рассматривающих советскую градостроительную практику 1920–1930-х гг. в контексте мировой градостроительной культуры, в частности, через те новации, которые были привнесены работавшими в СССР западными архитекторами. История приглашения в СССР в начале 1930-х гг. ведущих западных архитекторов, профессиональные трудности их работы в течение почти десятилетия и драматичный конец этой деятельности — весь этот сложный и во многих своих аспектах неизвестный материал впервые был выявлен, систематизирован и проанализирован автором этой книги.

Исследование вводит в научный оборот обширный массив новых архивных материалов из фондов про-

ектных организаций, органов управления, общественных организаций. Анализируется советская и зарубежная периодика, используются многочисленные источники личного происхождения, в том числе из зарубежных архивов. Документы, сгруппированные в пять тематических разделов, сопровождаются большим числом авторских научных комментариев, биографическими сведениями о западных архитекторах, работавших в советских проектных организациях, их дальнейшей судьбе, а также справочными материалами, отражающими динамику приезда и отъезда западных специалистов, их распределение по различным проектным организациям и т.п. Весь этот первичный слой информации составляет бесценный материал для учёных, занятых изучением социальной истории, архитектуры, искусства и в целом культуры эпохи сталинизма.

* **Косенкова Юлия Леонидовна** — доктор архитектуры, член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук.
E-mail: jkosenkova@yandex.ru

**Проект 17-04-16041д.

Не менее значимой представляется обшая часть монографии, занимающая примерно треть её объема и включающая архивные документы (публикуемые далее) в сложный социокультурный контекст эпохи. Авторский текст – сжатое, предельно концентрированное изложение результатов крупного, новаторского по своему характеру научного исследования, которому автор посвятила свыше 10 лет.

Тема деятельности зарубежных архитекторов в СССР эпохи первых пятилеток долгие годы сознательно замалчивалась, лишь во второй половине 1970-х – начале 1980-х гг. стали появляться отдельные небольшие исследования. Общая картина работы иностранных специалистов, главным образом в градостроительном проектировании и гражданском строительстве, созданная Е.В. Коньшевой, впервые показала истинный масштаб этого явления, его роль в формировании тех передовых принципов и профессиональных приёмов проектирования, которые эхом отзывались в советской градостроительной практике последующих десятилетий. Это происходило несмотря на то, что уже через несколько лет после приглашения советским правительством крупнейших европейских и американских архитекторов с их «командами» первые же итоги их работы были встречены неодобрительно, осуждены и затем преданы забвению.

Автор на основе исторических источников очень убедительно и точно раскрывает не только причины приглашения архитекторов (в основном немецких) в СССР и поставленные перед ними задачи, но и причины, побудившие самих специалистов оставить свои, подчас высокие, должности, и приехать в страну, обещавшую столь широкие перспективы для осуществления самых дерзких профессиональных идей. В книге показано, как в течение всего лишь нескольких лет нарастал трагический вал взаимного непонимания, недоверия, возмущения и неоправданных ожиданий, усугублявшихся

с советской стороны плохой организацией работы и, что самое главное, кардинальным изменением первоначально поставленных целей и задач.

В частности, происходил общий поворот советской архитектуры к ретроспективизму; попытки всесторонней разумной организации жизни людей, удобной и гармоничной, всё больше подменялись демонстрацией архитектурных символов «процветания» советского общества. В этих условиях разработанные «иностранными» функционалистские проекты новых городов, реализованные искажённо и фрагментарно, всё меньше связывались с понятием «социалистический». Расхождения быстро обнаружились и в общем понимании роли нового города. Для иностранных архитекторов это была возможность «с чистого листа» осуществить социальные, гигиенические, планировочные и конструктивно-технологические идеи, наработанные к этому времени мировой архитектурно-градостроительной мыслью. В рамках советской градостроительной политики новые города и их население, несмотря на распространённую риторику, были, безусловно, вторичны по отношению к промышленному производству, что сказывалось, в том числе, и на проектных подходах.

Эти различия в состоянии проектного сознания, естественно, не были тогда осознаны. Обучение советских специалистов у иностранцев происходило в основном на уровне «инструментария». Достаточно быстро возникла иллюзия, что советские специалисты уже овладели западными методами и технологиями проектирования и строительства и незачем дальше тратить валюту на иностранную помощь. В условиях тотального огосударствления начала 1930-х гг. советский архитектор всё более превращался из человека творческой профессии в служащего. Иностранные специалисты – с их принципиально другой проектной идеологией, с их внутренней творческой свободой – оказались лишними.

Как справедливо отмечает автор, взгляды западных и советских архитекторов расходились в вопросах о путях рождения архитектурного объекта. Как он развивается — от замысла (замысел архитектора считался самоценным, как и творческое высказывание вообще) — к воплощению или от экономической целесообразности, технических возможностей и потребностей — к замыслу с соответствующими ограничениями свободы творчества? Точка в сотрудничестве была поставлена с началом агрессивной государственной политики против «иностранный влияния», за «повышение бдительности», ясно обозначившейся с 1934 г. и достигшей апогея в 1937–1938 гг. В результате многие иностранные проектировщики оказались за пределами СССР, а другие — были репрессированы и погибли.

Творчество зарубежных архитекторов не ограничивалось лишь проектированием новых городов при производстве или строительством отдельных зданий, многие из которых были затем утрачены: снесены или перестроены. В монографии подробно освещено участие крупных архитекторов-планировщиков, таких как К.Майер, Э.Май, Х.Майер и членов их проектных бригад в конкурсе на перепланировку Москвы 1931–1932 гг., который предшествовал разработке нового генерального плана столицы. И здесь, как показал автор, европейским мастерам были выдвинуты претензии в основном идеологического характера, связанные с отсутствием «монументального стиля» московской планировки.

Заслуга Е.В.Коньшевой видится и в том, что корпус иностранных специалистов, работавших в СССР, во многом перестал быть «белым пятном». Если ранее это сообщество представлялось почти анонимным, за исключением самых известных мастеров, то теперь каждый приехавший архитектор или инженер, занятый в планировке или гражданском строительстве (а отчасти и в промышленном строительстве), обрёл имя, биографические сведе-

ния и точную «прописку» в советских проектных организациях. Более того, в отношении некоторых мастеров, ранее находившихся в тени известных фигур, была проанализирована их собственная творческая позиция.

Примером могут служить градостроительные идеи В.Швагеншайдта, не выделявшегося ранее исследователями из коллектива иностранных специалистов, которым руководил Э.Май. Персонификация отдельных творческих личностей, входивших в команду «иноспецов», — закономерный этап научной работы, доказывающий, что в СССР были привнесены наиболее передовые методы и достижения западной градостроительной мысли с надеждой на скорую и полную реализацию в стране социализма.

На этом фоне серьёзнее, глубже и трагичнее предстаёт «раскол» советского и западного градостроительства в первой половине 1930-х гг. Автор показывает на конкретном примере деятельности В.Швагеншайдта, что это был сложный, далеко не однозначный процесс, связанный в первую очередь с взаимным непониманием, с неустойчивостью социокультурных и технико-экономических оснований градостроительной деятельности в СССР. Представляет значительный интерес и то, что автор прослеживает дальнейшее развитие градостроительных идей В.Швагеншайдта на Западе, уже во второй половине 1940-х гг., и их «вторичные отголоски», когда после войны в СССР отмечался новый, хотя и быстро подавленный всплеск интереса к западной градостроительной практике.

Одним из важнейших аспектов исследования стала система оценок зарубежными архитекторами советской практики, причём взятая в динамике, на протяжении небольшого, но очень значимого отрезка времени — 1930–1937 гг., когда кардинальным образом менялся культурный контекст. Иностранные специалисты выражали своё мнение разными путями: публиковали статьи в советской и евро-

пейской прессе, выступали на совещаниях в проектных организациях, на архитектурных собраниях и конференциях, обращались в советские инстанции либо выражали своё отношение в частных письмах и дневниках. Весь этот разрозненный корпус документов впервые был собран и проанализирован как единое целое.

Автор исследовал не только восприятие и оценку зарубежными архитекторами происходивших в советских архитектуре и градостроительстве процессов, но и ответную реакцию советского архитектурного сообщества. Этот двуединый аспект проблемы в его системном изложении до сих пор находился за пределами архитектуроведческих отечественных и зарубежных исследований, касавшихся в основном отдельных архитекторов и групп специалистов.

Рассматриваемая монография восполняет существовавший до сих пор весьма значительный исследовательский пробел и, что особенно ценно, в плане обращения к ключевым понятиям профессии, таким как творческий метод, принципы и задачи градостроительного и архитектурного проектирования и методы их организации. Через призму восприя-

тия и оценки в исследовании выявляются ключевые противоречия или, напротив, моменты общности в методологии, принципах, задачах градостроительного проектирования и архитектурного творчества в советской и европейской практике 1930-х гг.

С выходом монографии Е.В.Коньшевой современная историография архитектуры и градостроительства советского времени обогатилась необычайно умным, тонким и весьма своеобразным по своим научным подходам исследованием. Одним из его достоинств стало то, что в фокусе внимания оказались социально-психологические, ценностные аспекты архитектурного профессионального сознания как с советской, так и с западной стороны. Зачастую «предметная», фактологическая сторона «коллективного творчества», каким является по сути архитектурно-градостроительная деятельность, заслоняет собой анализ внутренних «ментальных установок» профессии, условий их формирования на том или ином историческом этапе. Е.В.Коньшева показала фундаментальное, непреходящее значение такого анализа как инструментария историка советской архитектуры.

ENGLISH

E.V. Konysheva. European architects in Soviet Urban Construction of the Epoch of the First Five-Year Plans. Documents and Materials. M.: BooksMArt, 2017. – 360 p.: ill.

Yulia Leonidovna Kosenkova – Dr. of Architecture, Advisor of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences.

E-mail: jkosenkova@yandex.ru

Keywords: Soviet urban construction and architecture, foreign architects in Soviet design engineering system, social city, urban construction policy

DOI: 10.22204/2587-8956-2018-091-02-187-190

В.Б. ВАЛЬКОВА*

**А.Т. Гречанинов
Воспоминания. Публикации.
Переписка. В 2 т. Т. 1 / Сост.,
вступ. статья и комм.
Е.Б. Сигейкиной. М.: Музыка,
2017. — 720 с.: ил. ****

Ключевые слова: история русской музыкальной культуры конца XIX-начала XX в., Русское зарубежье

В 1954 г., отмечая 90-летие Александра Тихоновича Гречанинова, известный критик, музыковед и композитор Л.Л. Сабанеев писал: «За его долгий жизненный путь сколько переменялось в музыкальном мире тенденций, теорий и направлений! <...> Сколько имён погасло и впало в неизвестность! И сколько новизн музыкальных успело стать невыносимой тривиальностью! А имя Гречанинова теперь уже не вычеркнешь из истории русской музыки, хотя он и не желал блистать новизной технических приёмов» [1].

Последующие десятилетия подтвердили справедливость этих слов. Музыка А.Т. Гречанинова ныне широко известна и любима, значение его наследия — особенно хоровых и камерных вокальных произведений — давно признано на его родине и за её пределами. После долгого периода подозрительного отношения к «композитору-эмигранту»

вышли в свет две крупные монографии о его жизни и творчестве — О.М. Томпаковой [2] (первое издание — М., 2002) и Ю.И. Паисова [3] (2004). В 2009 г. впервые в России опубликована автобиографическая книга А.Т. Гречанинова «Моя жизнь» [4], ранее вышедшая в Париже (1934) и в Нью-Йорке (1951).

Однако до сих пор остаются без специального осмысления многие стороны творчества композитора. Новые пути к дальнейшему освоению наследия А.Т. Гречанинова открывает опубликованный в 2017 г. издательством «Музыка» двухтомник, в котором собраны разнообразные материалы о композиторе: воспоминания, прижизненные публикации, переписка. Появление двух книг, посвящённых Гречанинову, — одному из выдающихся представителей русского Серебряного века, — большое событие в отечественной музыкальной культуре.

Автор-составитель этого издания Е.Б. Сигейкина проделала огромную

* **Валькова Вера Борисовна** — доктор искусствоведения, профессор Российской академии музыки им. Гнесиных.
E-mail: veraval@yandex.ru

** Проект 17-04-16061д.

работу по сбору и систематизации материалов, представив их в удобной для читателя форме. Первый том издания включает четыре больших раздела: I. Воспоминания об А.Т.Гречанинове, II. Статьи А.Т.Гречанинова в периодической печати, III. Статьи о А.Т.Гречанинове в периодической печати, IV. Переписка композитора с разными корреспондентами. Второй том целиком посвящён переписке композитора.

Настоящим открытием для читателя, безусловно, будут впервые публикуемые воспоминания о Гречанинове, а также статьи из современной композитору российской и зарубежной прессы. В них содержатся интересные новые факты и детали, касающиеся разных сторон жизни самого А.Т.Гречанинова, его окружения. Эти материалы многое дают и для понимания путей развития русской музыкальной культуры, для воссоздания атмосферы жизни творческой интеллигенции в России и за рубежом — в условиях эмиграции.

Особая заслуга составителя книг — первые публикации материалов из зарубежных архивов, труднодоступных для отечественных специалистов. В Библиотеке Конгресса США (Вашингтон) и Бахметевском архиве Колумбийского университета (Нью-Йорк) Е.Б.Сигейкина обнаружила и включила в российское издание целый ряд ранее неизвестных ценных исторических свидетельств: переписку А.Т.Гречанинова с С.А. и О.А.Кусевицкими, письма А.Т.Гречанинова к Н.Л.Слонимскому и другие эпистолярные материалы.

Из переписки с С.А.Кусевицким, которую в 1940-е гг. вёл не только сам Александр Тихонович, но и его супруга Мария Григорьевна, мы узнаём об интересе, который проявлял знаменитый дирижёр к творчеству своего соотечественника, об обстоятельствах исполнения под его управлением «Экуменической мессы» Гречанинова. К О.А.Кусевицкой [5] (и в бытность её секретарём Кусевицкого, и уже после того, как она стала его второй супругой) Гречанинов обращался не только по деловым поводам, но и с просьба-

ми о помощи русским друзьям-эмигрантам. Письма к Н.Л.Слонимскому связаны с серьёзной заинтересованностью адресата в изучении и издании сочинений Гречанинова.

Впервые публикуются письма и документы, хранящиеся в отечественных архивах: в Российском национальном музее музыки (бывшем ВМОМК им. М.И.Глинки), в Российском государственном архиве литературы и искусства, Архиве Российского фонда культуры и др. Особенно интересен обширный корпус писем к В.А.Ламму [6], старшему брату известного музыковеда-текстолога П.А.Ламма. С Владимиром Александровичем Ламмом Гречанинова связывала долгая дружба, их переписка продолжалась в течение нескольких десятилетий [7]. В доверительных письмах к В.А.Ламму обсуждаются и творческие планы, и художественные впечатления, и политические события. Исключительно интересна и важна для историков впервые публикуемая обширная переписка со знаменитыми адресатами — С.В.Смоленским, Р.М.Глиэром, А.Н.Римским-Корсаковым, А.А.Саниным.

Существенно дополняют и расширяют «горизонты» издания материалы, уже издававшиеся раньше, но тесно связанные с общим замыслом книги. Среди них — переписка Гречанинова с его учителем Н.А.Римским-Корсаковым (вошедшая в Полное собрание его сочинений 1970 г.), с Д.Р.Рогаль-Левицким (впервые опубликованная Е.Б.Сигейкиной в издании: Труды ГЦММК им. М.И.Глинки. Вып. 1, 1999; Вып. 2, 2003), некоторые статьи самого А.Т.Гречанинова о проблемах русской духовной музыки из многотомного собрания «Русская духовная музыка в документах и материалах». Благодаря этим включениям становятся более полными представления читателя о важных событиях жизни и творческих замыслах героя книги. При этом убедителен отказ Е.Б.Сигейкиной от включения в двухтомник публиковавшейся ранее книги самого Гречанинова «Моя жизнь», поскольку

фрагменты из неё постоянно возникают на страницах воспоминаний о композиторе, используются в комментариях составителя.

Пожалуй, наиболее ёмким источником новых сведений о Гречанинове (и не только о нём) являются впервые обнаруженные страницы из дневника Веры Ивановны Гречаниновой (первой жены композитора) с выдержками из писем к разным лицам и от разных лиц (среди авторов и адресатов писем — Ф.И. Шаляпин, Н.А. Римский-Корсаков, Л.В. Собинов, С.В. Калинин, жена композитора). Не случайно этот большой свод документов занимает почётное место в собрании Е.Б. Сигейкиной, открывая первый том её труда. Материал этот хранится в Российском национальном музее музыки (фонд 22), охватывает период с 1898 по 1935 г. и до сих пор широко читателю был неизвестен. Здесь можно найти интересные подробности о создании и исполнении ряда произведений Гречанинова (музыки к сказке Островского «Снегурочка», опер «Добрыня Никитич» и «Сестра Беатриса»), отрывки из рецензий, отклики на политические события 1905 и 1917 гг. Мы узнаём, например, что во время первой русской революции в полемическом запале Гречанинов, автор проникновеннейшей духовной музыки, мог позволить себе неожиданно резкое высказывание: «Церковь стала как бы врагом всего лучшего, передового» (Т. 1, с. 39).

Воспоминания Д.Р. Рогаль-Левицкого могут сообщить много интересного не только о самом Гречанинове, но и о деятельности Музыкальной школы Гнесиных.

В собранных Е.Б. Сигейкиной материалах постоянно возникает одна непростая тема — сочетание высокого композитор-

ского авторитета Гречанинова с явной недооценкой его творчества многими коллегами. Рогаль-Левицкий прямо пишет «...о поразительном недоброжелательстве музыкальных кругов к А.Т. Гречанинову...» (Т. 1, с. 113), признавая при этом, что Гречанинов был «человек, избалованный успехом и поклонением» (Т. 1, с. 118). Представленные в двухтомнике материалы способны заметно продвинуть заинтересованного читателя в осмыслении этих противоречий, реальных и мнимых обид знаменитого мастера, коснувшихся даже С.В. Рахманинова, ни разу никем не замеченного в каком-либо недоброжелательстве по отношению к своим братьям по искусству (см. Воспоминания Рогаль-Левицкого — Т. 1, с. 111–112). Думается, в этих сложных отношениях проявились какие-то до сих пор не привлекавшие внимание историков особенности уклада жизни художественной элиты того времени. Интересные суждения об этом можно найти и в статье Л. Сабанеева «О Гречанинове» (Т. 1, с. 182–184).

Опубликованные Е.Б. Сигейкиной документы содержат множество имён и фактов, зачастую новых для читателя. Ориентироваться в них было бы удобнее, если бы в книгу был включён аннотированный именной указатель. Правда, в современных условиях любознательный читатель легко может восполнить некоторые информационные лакуны, имея под рукой Интернет.

Выход в свет двух томов с историческими материалами о А.Т. Гречанинове несомненно станет новым стимулом к изучению творчества выдающегося русского музыканта. Ценным источником будет эта публикация и для всех интересующихся историей русской культуры Серебряного века и русского «музыкального зарубежья».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сабанеев Л.А. Т. Гречанинов (К его 90-летию). Новое русское слово. Нью-Йорк, 1954. 24 октября. Цит. по: Гречанинов А.Т. Воспоминания. Публикации. Переписка. В 2 т. Т. 1 / Сост., вступ. статья и комм. Е.Б. Сигейкиной. М.: Музыка, 2017. С. 303.

2. Томпакова О.М. Певец русской темы Александр Тихонович Гречанинов. СПб.: Композитор, 2007.
3. Паисов Ю.И. Александр Гречанинов. Жизнь и творчество. М.: Композитор, 2004.
4. Гречанинов А.Т. Моя жизнь. СПб.: Петербургское Пушкинское о-во; Певческая капелла Санкт-Петербурга, 2009.
5. Ольга Александровна Кусевицкая (урождённая Наумова), племянница первой жены С.А. Кусевицкого, в течение многих лет была его личным секретарём, а через 5 лет после смерти его первой жены в 1947 г. стала его супругой.
6. См. интересные свидетельства о В.А. Ламме в публикации: Ламм Виктор. 1905 год. Глазами очевидца // Литературный интернет-портал proza.ru. /2009/07/26/867 (дата обращения: 26.03.2018).
7. Автор-составитель издания во вступительной статье сообщает о произошедшей между друзьями ссоре, однако эпистолярные свидетельства об этом в книгу не вошли и, вероятно, будут представлены в последующих публикациях автора.

ENGLISH

A.T. Grechaninov. Memoires. Publications. Correspondence. In 2 Vol. Vol. 1 / Composition, Introductory Article and Comments by E.B. Sigeykina. M.: Muzyka, 2017. – 720 p.: ill.

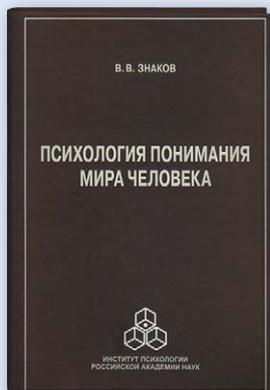
Vera Borisovna Valkova – Dr. of Art History, Professor at the Gnesin Russian Academy of Music.
E-mail: veraval@yandex.ru

Keywords: history of the Russian musical culture of the late 19th – early 20th centuries; Russian émigré community

REFERENCES

1. Sabaneev L.A. T.Grechaninov (K ego 90-letiyu). Noye russkoe slovo. N'yu-York, 1954. 24 oktyabrya. Tsit. po: Grechaninov A.T. Vospominaniya. Publikatsii. Perepiska. V 2 t. T. 1 / Sost., vstup. stat'ya i komm. E.B.Sigeykinoy. M.: Muzyka, 2017. S. 303 (in Russian).
2. Tompakova O.M. Pevets russkoy temy Aleksandr Tikhonovich Grechaninov. SPb.: Kompozitor, 2007 (in Russian).
3. Paisov Yu.I. Aleksandr Grechaninov. Zhizn' i tvorchestvo. M.: Kompozitor, 2004 (in Russian).
4. Grechaninov A.T. Moya zhizn'. SPb.: Peterburgskoe Pushkinskoe o-vo; Pevcheskaya kapella Sankt-Peterburga, 2009 (in Russian).
5. Ol'ga Aleksandrovna Kusevitskaya (urozhdyonnaya Naumova), plemyannitsa pervoy zheny S.A.Kusevitskogo, v techenie mnogikh let byla ego lichnym sekretaryom, a cherez 5 let posle smerti ego pervoy zheny v 1947 g. stala ego suprugoy (in Russian).
6. Sm. interesnye svidetel'stva o V.A.Lamme v publikatsii: Lamm Viktor. 1905 god. Glazami ochevidtza // Literaturnyy internet-portal proza.ru. /2009/07/26/867 (data obrashcheniya: 26.03.2018) (in Russian).
7. Avtor-sostavitel' izdaniya vo vstupitel'noy stat'e soobshchaet o proizoshedshey mezhdru druz'yami ssore, odnako epistol'yarnye svidetel'stva ob etom v knigu ne voshli i, veroyatno, budut predstavleny v posleduyushchikh publikatsiyakh avtora (in Russian).

DOI: 10.22204/2587-8956-2018-091-02-191-194

Е.А. СЕРГИЕНКО*

Знаков В.В. Психология понимания мира человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. — 488 с. **

Ключевые слова: психология развития, психология субъекта, саморегуляция, когнитивное развитие, психогенетика, модели психического

Междисциплинарная фундаментальная проблема понимания изучается практически во всех социогуманитарных науках. Между тем книг, в которых обобщены результаты многих исследований и отражены разные грани многоликого феномена понимания, в современной науке очень мало. Одной из них является монография В.В. Знакова. Она представляет собой труд, в котором синтезируется понимание основных компонентов психического, духовного мира человека и способов, механизмов понимания субъектом относящихся к нему явлений и событий. В книге осуществлён выход за границы традиционных подходов к изучению содержания понимания в отечественной и зарубежной психологии. Положенная в основу методологического анализа проблемы взаимосвязь человеческого бытия и понимания в сочетании с субъектно-деятельностным,

системно-субъектным и субъектно-аналитическим подходами приводит к новой, расширенной, многоуровневой онтологии психологии понимания мира человека.

Категория «мир человека» в современном человекознании является одной из основополагающих. В российской психологии это понятие получило содержательное наполнение и развитие главным образом в трудах С.Л. Рубинштейна. Мир человека, по Рубинштейну, представляет собой такую совокупность вещей и явлений, которая соотносена с людьми и является организованной иерархией различных способов человеческого существования. Иерархия способов существования предполагает их отнесённость к различным реальностям и, соответственно, уровням человеческого бытия. В монографии В.В. Знакова обосновывается представление о неоднородности мира человека. Мир многомерен и состоит,

* **Сергиенко Елена Алексеевна** — доктор психологических наук, главный научный сотрудник Института психологии РАН.
E-mail: elenas13@mail.ru

**Проект 16-06-16009д.

по меньшей мере, из трёх реальностей: эмпирической, социокультурной и экзистенциальной.

Эмпирический тип реальности включает два вида окружающей человека среды: природную, состоящую из объектов и явлений, и природную, созданную людьми. Эта реальность воспринимается и понимается людьми как совокупность фактов, допускающих опытную проверку. При знании соответствующих измерительных процедур субъект без труда может оценить истинность описывающих её суждений (например, что больше по массе и величине – Луна или Земля?).

Экзистенциальная реальность, в отличие от эмпирической, не объективируема. Она не имеет явных референтов в предметном мире, поскольку включает в себя опыт, переживание, бессознательное, постижение. Понимание направлено на постижение экзистенциального опыта переживания значимых для человека событий и ситуаций. Экзистенциальная реальность человеческого бытия основана на таком единстве познания и переживания, в результате которого порождается опыт, имеющий смысл для субъекта.

Именно через опыт человек понимает всё, что связывает его с людьми и событиями. Экзистенциальный опыт направляет весь ход жизни человека, осуществляет ценностно-смысловую регуляцию. Поэтому автор подчёркивает, что основаниями понимания событий и ситуаций в экзистенциальной реальности являются переживание и опыт.

В.В. Знаков отмечает, что в психологической науке эмпирическая реальность изучается, прежде всего, в когнитивной традиции психологических исследований, выражается в парадигматическом способе понимания, а также в форме понимания-узнавания, в типе понимания-знания, основывается на знаниях и значениях. Социокультурная реальность изучается преимущественно в герменевтической традиции, выражается в нарративном способе понимания, в форме по-

нимания-гипотезы, в типе понимания-интерпретации, основывается на мнениях и смыслах. Экзистенциальная реальность исследуется в экзистенциальной традиции в психологии, выражается в тезаурусном способе понимания, в форме понимания-объединения, в типе понимания-постижения, основывается на переживаниях и личном опыте.

Следовательно, многоуровневость человеческого бытия предопределяет и неоднородность процессов понимания мира человека: субъект в одних ситуациях использует для понимания достоверные знания, в других – интерпретации людей, в третьих – параметры бессознательного и экзистенциального опыта.

В книге проанализировано большинство исследований психологии понимания, описанных как в отечественной, так и в зарубежной научной литературе: о связи понимания и психологии человеческого бытия, традициях исследования понимания мира человека, о взаимосвязи мышления, познания, понимания и самопонимания, о понимании мудрости, моральных дилемм, критических ситуаций, террористической угрозы, эвтании.

Заключительная глава посвящена описанию принципиально новой, авторской модели понимания. Модель соотносится с выделенными типами реальности: эмпирической, социокультурной, экзистенциальной. Многомерность человеческого бытия отражается в понимании, которое различно и не может быть единым, по мнению автора, во всех ситуациях.

Книга состоит из двух взаимосвязанных частей – психологии человеческого бытия и психологии понимания, на что указывает и сам автор. Понимание рассматривается в качестве центральной проблемы человеческого бытия. Понимание направлено на смыслообразование, на приписывание смысла знанию, полученному в процессе мыслительной деятельности. Содержание понимания включает не только познавательный аспект, оно само есть

часть и способ бытия человека, строится на его основе (бытия) и ориентировано на формирование значимых ценностей и смыслов субъекта. Понимание является не только познавательным, но и экзистенциальным явлением.

В целом содержание книги логически структурировано – от рассмотрения психологии человеческого бытия к психологии понимания, от него – к модели понимания (от общего к частному, от частного к общему). Автору удалось связать воедино результаты своих исследований, проводившихся в течение длительного периода. Связующей нитью является интегративная идея понимания мира человека и психологии человеческого бытия, творчески реализованная в русле субъектно-аналитического подхода к психологическому исследованию понимания мира человека.

При этом В.В. Знаков подчёркивает, что изучение бытия и понимания в единстве открывает путь к решению основных теоретических проблем современной психологии.

Важную роль в понимании ситуаций человеческого бытия играет опыт. Он не подменяет собой достоверного знания, но в отличие от знания опыт не требует проверки на истинность. В.В. Знаков считает, что не все события и ситуации нашей жизни память сохраняет как опыт – нужна, по его мнению, ещё и внутренняя умственная работа.

Именно опыт субъекта обуславливает психологические основания его ценностей. Умственный ментальный опыт реализуется, прежде всего, в познании, экзистенциальный – преимущественно в бытии. Ментальный опыт лежит в основании познавательного отношения человека к миру. Экзистенциальный опыт субъекта формируется в процессе проживания приобретённого знания о мире в человеческом бытии. В экзистенциальном опыте сконцентрировано не познавательное, а личностное ценностно-смысловое отношение субъекта к миру. А внутрен-

ние условия представляют собой такой сплав ментального и экзистенциального опыта, на основе которого происходит не только понимание субъектом мира, но и метакогнитивная регуляция его поведения.

Вероятно, впервые в отечественной психологии мы встречаемся со столь системной и глубокой разработкой экзистенциального опыта субъекта. На современных примерах из политической, экономической, социокультурной, духовной жизни, которые в последние годы обсуждались многими, убедительно показана необходимость включения экзистенции в содержание понимания, несводимость экзистенциального переживания и знания к когнитивному. Выделены обобщённые компоненты экзистенциального опыта субъекта: тезаурусный (неявное знание), интенциональный (интеллектуальные интенции, задающие направленность и избирательность психической активности), этический (нормы поведения представителей разных общественных и профессиональных групп).

В работе раскрывается метасистемная организация экзистенциального опыта, осуществлён оригинальный анализ внепнятийного, иррационального пласта понимания (когнитивного и аффективного бессознательного), представлена проблема «свое–чужое» в экзистенциальном опыте на материале трёх экспериментальных исследований образа врага у россиян по отношению к террористам. Данные разделы читаются с интересом, имеют большое практическое значение, основаны на современном фактологическом и эмпирическом материале.

Монография В.В. Знакова представляет собой серьёзное и глубокое теоретико-методологическое исследование, которое объединяет как психологию понимания, так и психологию человеческого бытия, показывая возможность посредством субъектно-аналитического подхода связать оба направления работ в единое концептуальное поле психологической науки.

Новизна рецензируемой монографии состоит также и в том, что она является существенным вкладом в развитие психологии субъекта, выделяя в нём посредством анализа составляющие разного вида знаний, понимания и опыта. Обобщая самые современные работы

в разных психологических направлениях, автор логически безупречно и чётко выстраивает обоснование своего подхода.

Безусловно, монография В.В. Знакова является научным достижением в психологической науке и имеет важное значение для всего комплекса социогуманитарных наук.

ENGLISH

**V.V. Znakov. Psychology of Understanding the World of a Human.
M.: Publishing house "Institute of Psychology of the RAS", 2016. – 488 p.**

Elena Alekseevna Sergienko – Dr. of Psychology, chief researcher of the Institute of Psychology of the RAS.
E-mail: elenas13@mail.ru

Keywords: psychology of development, psychology of a subject, self-adjustment, cognitive development, psychogenetics, models of the psychic

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ

Очередное заседание Глобального исследовательского совета (Global Research Council — GRC) состоялось в Москве 14–16 мая. Организаторами этого крупного международного научного форума выступил Российский фонд фундаментальных исследований совместно с Национальным исследовательским фондом Республики Корея.

Цифры и факты

Представители 60 научных фондов и других финансирующих науку организаций из более чем 50 стран приняли участие в заседании GRC.

В рамках саммита состоялись:

- пленарные заседания;
- круглый стол «Соседи по исследованиям»;
- заседание рабочей группы «Женщины в науке».

Общее число принявших участие в работе форума превысило 160 человек с учётом участников круглого стола и рабочей группы, а также приглашённых гостей и докладчиков.

Основные темы для обсуждения: «Научная дипломатия» и «Научная экспертиза».

По итогам работы саммита приняты документы, публикуемые ниже.

Председателем Управляющего Совета GRC на период до следующего саммита, который состоится в мае 2019 г. в Бразилии, избран председатель Совета РФФИ академик В.Я. Панченко.

Официальные документы саммита GRC

1. BACKGROUND PAPER ON THE REVISION OF GLOBAL RESEARCH COUNCIL STATEMENT OF PRINCIPLES ON SCIENTIFIC MERIT REVIEW

Introduction

In simple terms peer/merit review involves the assessment of a research proposal or the research outcomes by researchers or others who have the requisite knowledge, training and experience to judge the subject matter. Its success relies on those engaged in the scientific system believing peer review to be fair and equitable.

Assessment of the research excellence of a proposal, as judged by scientific peers, has long been the primary criterion by which research proposals and outputs have been assessed in almost all peer/merit review systems, and especially in those operated by Global Research Council (GRC) participants.

As custodians of public funds, research councils have a duty to maintain trust and demonstrate excellence in the assessment of proposed research and that systems of peer/merit continue to be both as effective and as efficient as possible. Peer/merit review remains the dominant method used by research councils worldwide to ensure that public funds are expended on the projects with the greatest potential to advance the progress of science and/or to address societal challenges.

In 2012, the GRC endorsed its first statement of principles on merit review, also referred to as 'peer review', following a Global Summit on Merit Review hosted by the U.S. National Science Foundation¹.

The Statement was developed with two primary objectives. First, to provide agreement on high-level principles to foster international cooperation among research funding agencies. Secondly, for those countries developing new funding agencies, to provide a global census on the key elements of a rigorous and transparent review system.

Revision of the Statement of Principles

Since then, participation has expanded beyond the original fifty countries represented at the 2012 Global Summit, and the GRC has held 6 Annual Meetings and agreed to statements of principles on a wide range of subjects, many of which relate to the topic of peer/merit review.

The global scientific landscape is also rapidly evolving. Science produces new and unanticipated knowledge, brings new solutions to societal challenges and provides new possibilities for technological innovation. This brings both challenges and new opportunities to funding agencies. Increasingly, the innovation ecosystem – including public funding agencies – are called on to be agents and facilitators of change, within increasing expectations for publicly funded research to demonstrate societal impact, such as economic growth and job creation. In resource-constrained contexts, the drive for research that demonstrates impact is particularly strong.

GRC participants recognise the need to demonstrate that the research they fund contributes to the quality of life and well-being of the citizens who have ultimately paid for it. Where appropriate, research councils are increasingly considering additional criteria such as the relevance and potential impact of the research in their decision making processes. Alongside this, frontier research still also represents the investment of a society in a knowledge base for solutions to yet unknown societal challenges in the future; without centuries of frontier research building such a knowledge base, society would be defenceless to the known challenges we are facing today. Consequently, any system evaluating impact must be sufficiently long-term to not limit research to applications of or innovations based on the already known.

¹ Statement of Principles for Scientific Merit Review, Global Research Council, 2012.
https://www.globalresearchcouncil.org/fileadmin//documents/GRC_Publications/gs_principles-English.pdf.

This changing research context includes an increased focus on inter-, trans- and multi-disciplinary, or convergent research which calls for improved peer/merit review processes to eliminate biases, promote measured risk taking, and overcome limitations that emerge from single-discipline review processes. As new fields of study with initially small numbers of experts emerge, they face challenges in the traditional review system, and the availability and capacities of reviewers at the nexus of discipline and geographic location are uneven.

International collaboration is crucial to addressing global challenges. Therefore, an increasing number of cross-border collaborations are being initiated. Such agreements arise as a result of and for the desire to establish strategic scientific alliances and to leverage knowledge and resources. Such cross-border collaborations require agreements involving several basic principles. In addition, a common lexicon, to which collaborating partners can refer, are important prerequisites for mutual trust, review efficiency, and legal certainty.

At the same time almost all research councils are confronted with an increase in the number of applications and a decrease in success rates, challenging the effectiveness of existing peer/merit review systems¹. This problem is compounded by increasing reluctance of the best scientists to engage in review processes given the increasing, and often competing, demands placed upon reviewers by multiple agencies.

Therefore, several organisations are exploring and experimenting with new approaches to peer/merit review, as well as looking at ways to work with applicant organisations to improve the quality of applications, limit demand and manage the burden placed on the peer review system. Many are introducing unconscious bias training for both staff and peer/merit reviewers to ensure equality of opportunity. Others are looking to make the peer review process more transparent, with greater feedback and the opportunity for applicant rebuttal of peer reviewer comments.

Advances in technology also present opportunities for innovation and greater efficiency in peer/merit review systems, as well as challenges to it. The GRC will continue to provide a forum for participant organisations to exchange information and debate the potential use of such alternatives.

The Global Research Council therefore decided to revisit the topic of peer/merit review in 2018, to examine the applicability of the principles from 2012 and ensure they remain relevant to the changing strategic context and evolving nature of the global scientific enterprise.

While the principles endorsed by the Global Research Council in 2012 were deemed still to be largely relevant by participants, they have been revised and updated to ensure they reflect the changing context and evolving nature of the Global Research Council. As well as the Statements of Principles the Global Research Council has published since 2012 on other related topics.

¹ NWO International peer-review conference – Main Outcomes, Amsterdam 29-30th June 2017, Netherlands Organisation for Scientific Research.
<https://www.nwo.nl/en/policies/nwo+conferences+2017/international+conference/report>.

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА ОТНОСИТЕЛЬНО ПЕРЕСМОТРА ЗАЯВЛЕНИЯ ГИС О ПРИНЦИПАХ НАУЧНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

(неофициальный перевод документа 1)

Введение

Выражаемая в простых терминах научная экспертиза включает оценку заявки на исследования или на результаты исследования, подаваемой исследователями или теми, кто обладает требуемым знанием, подготовкой и опытом, чтобы разбираться в предмете исследования. Её успешное прохождение зависит от тех, кто вовлечён в научную систему, предполагая, что научная экспертиза осуществляется на основе честности и равенства.

Заключение о ценности исследования, указанного в заявке, при её экспертизе научными специалистами долгое время было главным критерием, на основе которого происходила оценка исследовательской заявки и результатов исследования почти во всех системах научной экспертизы, особенно тех, которые функционировали в организациях, входящих в Глобальный исследовательский совет (ГИС).

Как распорядители государственных средств исследовательские советы обязаны обеспечивать доверие и демонстрировать научную ценность применительно к претендующим на поддержку исследованиям, а также к тому, что системы научной экспертизы продолжают оставаться, насколько это возможно, эффективными и достаточными. Научная экспертиза остаётся ведущим методом, используемым научными советами во всем мире, чтобы гарантировать использование государственных средств на финансирование проектов, обладающих наибольшим потенциалом для обеспечения прогресса науки и (или) достижения интересов общества.

В 2012 г. ГИС принял своё первое заявление о принципах научной экспертизы (именовав её также экспертизой достоинств) по итогам Глобального Саммита по научной экспертизе, проведённого Национальным научным фондом США¹).

Это Заявление было подготовлено с двумя главными целями. Во-первых, чтобы добиться согласия относительно принципов высокого уровня для налаживания сотрудничества между финансирующими науку организациями. Во-вторых, в интересах стран, создающих новые финансирующие науку организации, чтобы достичь глобального согласия по ключевым элементам строгой и прозрачной системы научной экспертизы.

Пересмотр Заявления о Принципах

С того времени число участников ГИС превысило первоначальные пятьдесят стран, представленных на Глобальном Саммите 2012 г., а на 6-м годовом собрании ГИС договорились подготовить заявления о принципах по широкому кругу вопросов, многие из которых относятся к теме научной экспертизы.

Быстро меняется и глобальный научный ландшафт. Наука рождает новое непредсказуемое знание, предлагает новые решения проблем, стоящих перед обществом, открывает новые возможности для технологических инноваций. Всё это ставит перед финансирующими науку организациями новые проблемы и открывает перед ними новые возможности. Инновационные экосистемы, включая государственные научные фонды, призваны во всё большей степени быть инициаторами и вдохновителями перемен, связанных с растущими ожиданиями того, что финансируемые государством исследования обеспечат такие необходимые обществу результаты, как экономический рост и создание рабочих мест. В контексте ограниченности ресурсов особенно востребованы исследования, приводящие к подобным результатам.

¹ Statement of Principles for Scientific Merit Review. Global Research Council, 2012.

https://www.globalreserchcouncil.org/fileadmin///documents/GRC_Publications/gs_principles-English.pdf.

Участники ГИС признают необходимость демонстрировать, что финансируемые ими исследования способствуют росту качества жизни и благосостояния граждан, оплативших такие расходы государства. Там, где это возможно, научные фонды в процессе принятия решений о финансировании во всё большей мере учитывают дополнительные критерии, относящиеся к потенциальному влиянию исследований на решение указанных проблем. Наряду с этим передовые исследования всё ещё представляют собой инвестиции общества в основанные на знании решения ещё не известных общественных проблем будущего. Без веками проводимых передовых исследований общество оказалось бы беззащитным перед вызовами, с которыми оно сталкивается сегодня. Соответственно, любая система, оценивающая подобное влияние исследований, должна быть достаточно долговременной, чтобы на ограничивать исследования заявками или инновациями, основанными на уже известном.

Такой контекст меняющихся исследований включает возросший акцент на меж-, транс- и мультидисциплинарные или конвергентные исследования, для которых необходима улучшенная научная экспертиза, свободная от предвзятости, поощряющая допустимые риски, преодолевающая ограниченность монодисциплинарной экспертизы. По мере возникновения новых областей исследований, в которых компетентно первоначально малое число экспертов, приходится сталкиваться с новыми вызовами в традиционной системе рецензирования, неравномерным распределением имеющихся компетентных экспертов на стыке дисциплин и в географическом плане.

Международное сотрудничество является важнейшим для решения глобальных проблем современности. Поэтому растёт число трансграничных коллабораций. Такие соглашения появляются благодаря стремлению создавать стратегические научные альянсы и мобилизовывать знания и ресурсы. Подобные трансграничные коллаборации требуют согласия по поводу нескольких базовых принципов. К тому же важной предпосылкой взаимного доверия, эффективности экспертизы и юридической определённости является общий словарь, к которому могут обращаться сотрудничающие партнёры.

В то же время почти все научные фонды сталкиваются с ростом числа направляемых им заявок и снижением коэффициента их прохождения, что бросает вызов эффективности существующим системам научной экспертизы¹. Эта проблема переплетается с растущим числом высококлассных учёных, колеблющихся выступить экспертами, учитывая растущие и часто взаимоисключающие требования, налагаемые на рецензентов со стороны многих заинтересованных организаций.

Поэтому фонды экспериментируют с новыми подходами к научной экспертизе, а также рассматривают методы работы с организациями, откуда приходит заявка, призванные улучшить качество заявок, ограничить требования и облегчить нагрузки, существующие в системах научной экспертизы. Многие организации проводят обучение своего персонала и экспертов, направленное на избавление от неосознанной предвзятости в целях обеспечения равенства возможностей. В других организациях ищут способы придать процессу экспертизы большую прозрачность, отзывчивость и возможность для заявителя возразить по поводу заключения эксперта.

Развитие технологий также создаёт возможности для инноваций и большей эффективности в системах научной экспертизы, но является для них вызовом. ГИС будет продолжать служить форумом для обмена информацией и дебатов о потенциальном использовании подобных альтернатив.

Учитывая это, ГИС принял решение вернуться к рассмотрению в 2018 г. темы научной экспертизы с целью изучения применимости принципов 2012 г. и чтобы убедиться, что они остаются отвечающими меняющемуся стратегическому контексту и эволюции природы глобальной научной деятельности.

Хотя принципы, принятые ГИС в 2012 г., видимо, всё ещё разделяются участниками, они были пересмотрены и обновлены, чтобы быть уверенными в том, что они отражают меняющийся контекст и развитие ГИС, а также Заявления о Принципах ГИС, опубликованные после 2012 г. по поводу других связанных с ними тем.

¹ NOW international peer-review conference – Main Outcomes, Amsterdam 29-30th June 2017, Netherlands Organization for Scientific Research (<https://www.nwo.nl/en/policies/now+conferences+2017/international+conference/report>).

2. STATEMENT OF PRINCIPLES ON PEER / MERIT REVIEW 2018

Preamble

In 2012 the Global Research Council (GRC) endorsed its first statement of principles on scientific merit review, also referred to as 'peer review', following a Global Summit on Merit Review hosted by the U.S. National Science Foundation¹.

In 2018 the GRC revisited the topic of merit review and revised the Statement of Principles to ensure they remained relevant and reflected the changing strategic context and evolving nature of the global research enterprise².

These revised Statement of Principles are intended to provide worldwide agreement on the core, high-level principles necessary for a rigorous and transparent review system. Adherence to them is therefore a central prerequisite for building trust between trans-nationally collaborating funding agencies and also serves as the foundation for tolerance to differences in the peer/merit review system.

Principles

Expert Assessment

Collectively, reviewers should have the appropriate knowledge and expertise to assess the proposal both at the level of the broad context of the research field(s) to which it contributes and with respect to the specific objectives and methodology. Reviewers should be selected according to clear criteria. Appropriate review mechanisms that are sensitive and responsive to the purpose and potential impact of interdisciplinary research should be established.

Transparency

Decisions must be based on clearly described rules, procedures and assessment criteria that are published in advance. All eligible proposals should be treated in the same manner. Applicants should receive appropriate feedback on the review of their proposal.

Impartiality

Proposals must be assessed fairly and on their merit and in the context of other national and international research. It must be ensured that assessments are free from biases.

Conflicts of interest must be declared and managed according to defined, published processes. Guidance and training to staff and peer reviewers must be provided on both the definition and the management of conflict of interest and potentially unconscious bias.

Appropriateness

The peer/ merit review process applied must be appropriate for the research area and call objectives with respect to the size and complexity of the call.

Confidentiality

All proposals, including related data, intellectual property and other documents, must be treated in confidence by reviewers and organizations involved in the review process.

¹ Statement of Principles for Scientific Merit Review, Global Research Council, 2012.

² For more information see accompanying 'Background Paper on the Revision of the Global Research Council Statement of Principles and Approaches on Scientific Merit Review, Global Research Council, 2018.

Integrity and Ethical Considerations

The responsible conduct of research is at the very essence of the scientific process and is intrinsic to society's trust in science. Therefore, ethics and integrity are paramount to the review process.

Gender, Equality and Diversity

The quality of science depends on the inclusion of the brightest minds in our society, and the quality of the review process will be improved by exploiting the talent and resources offered by reviewers from under-represented groups such as women, early career researchers, and members of all ethnicities.

Additional Considerations

The above principles pertain to the peer/merit review process. While these principles state that proposals must be evaluated according to clear criteria that are published in advance, the GRC recognizes that additional considerations may be considered which are not universal and may vary depending on the particular scope of the programme or call. Next to the criterion of scientific quality, which will almost always apply, additional criteria may be used along the following lines of recommendation.

Where appropriate, applicants should be encouraged to consider the potential broader impacts of their research. In such cases, funders should consider asking applicants to address these impacts and provide information on how this information will be considered during the review process. Impact should be conceptualised broadly within the definition or merit/peer review.

Funders should develop ways to balance risk in review processes to ensure that potentially transformative and high risk/ high reward research proposals can be fairly considered.

Where appropriate, proposals should be assessed by international reviewers, particularly where proposals are either global in nature, addressing global challenges, or the focus of the research is on other countries.

A note on distinguishing between Peer and Merit Review

The terms Peer and Merit Review are often used interchangeably, and sometimes have slightly different meaning for participants of the Global Research Council.

For some participants the term Merit Review is used to distinguish the wider assessment of the merits of a proposal, beyond just the 'peer review' of scientific excellence by scientific peers, such as the potential relevance to beneficiaries or potential impact of the proposal.

Other participants simply use the term Peer Review to describe the assessment of proposals by relevant 'experts' depending on the nature of the project, scope of the call, or organisational mandate. In such cases, while the assessment of scientific excellence by scientific peers remains central, where appropriate, it can also incorporate assessment of the wider 'merits' of the proposal by other qualified non-academic experts or peers.

The Global Research Council recognises the different use of the terms by participant organisations. Therefore, the principles and actions set out in this Statement are intended to be applicable regardless.

ЗАЯВЛЕНИЕ О ПРИНЦИПАХ НАУЧНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ 2018

(неофициальный перевод документа 2)

Введение

В 2012 г. Глобальный исследовательский совет (ГИС) принял первое заявление о принципах научной экспертизы по итогам Глобального Саммита по научной экспертизе, организованного Национальным научным фондом США.¹

В 2018 г. ГИС вернулся к этой теме и принятому по ней документу, чтобы убедиться, что они остаются актуальными и отражают меняющийся стратегический контекст и эволюцию глобального сотрудничества научных фондов.² Данное пересмотренное Заявление о Принципах составлено с намерением достичь глобального согласия по ключевым, наиболее важным принципам, которые требует строгая и прозрачная система научной экспертизы. Приверженность им поэтому является центральной предпосылкой установления отношений доверия между сотрудничающими фондами разных стран, а также служит основой для допущения различий в их системах научной экспертизы.

Принципы

Экспертная оценка

Как коллектив эксперты должны иметь соответствующие знания и умение оценивать заявки как на уровне общего подхода к области (областям) исследования, которой она посвящена, так и с учётом её особых целей и методологии. Эксперты должны отбираться на основе ясных критериев. Для этого необходимо разработать соответствующий механизм экспертизы, способный чувствовать и реагировать на цели и потенциальные последствия междисциплинарных исследований.

Прозрачность

Принимаемые решения должны основываться на чётко сформулированных и предварительно опубликованных правилах, процедурах и критериях оценки. Все отвечающие условиям конкурса заявки должны рассматриваться единообразно. Подавшие должны быть соответствующим образом информированы о рассмотрении их заявки.

Беспристрастность

Заявки должны рассматриваться честно, с учётом их достоинств в контексте существующей национальной и международной практики ведения исследований. Должна быть обеспечена их экспертиза, свободная от предвзятости.

Конфликты интересов должны выявляться и разрешаться в соответствии с установленным и заранее опубликованными процедурами. Управление и обучение этому персоналу и экспертов должны осуществляться путём как определения, так и урегулирования конфликта интересов и потенциально неосознанной предвзятости.

Соответствие

Применяемый процесс научной экспертизы должен соответствовать области исследования и целям конкурса с учётом его масштаба и сложности.

¹ Statement of Principles for Scientific Merit Review, Global Research Council, 2012.

² For more information see accompanying 'Background Paper on the Revision of the Global Research Council Statement of Principles and Approaches on Scientific Merit Review, Global Research Council, 2018.

Конфиденциальность

Обращение вовлечённых в экспертизу специалистов и организаций со всеми заявками, включая связанные с ними данные, интеллектуальную собственность и другие документы, должно происходить на конфиденциальной основе.

Добросовестность и этические соображения

Ответственное ведение исследований является самым ключевым в научном процессе и существенным для доверия общества к науке. Поэтому этика и добросовестность крайне важны для процесса экспертизы.

Пол исследователей, равенство и многообразие

Качество науки зависит от вовлечённости в неё самых светлых умов нашего общества, а качество экспертизы повышает таланты и возможности, предлагаемые экспертами, представленными женщинами, молодыми учёными и выходцами из малых этнических групп.

Дополнительные соображения

Вышеприведённые принципы относятся к процессу научной экспертизы. Хотя они устанавливают, что заявки должны рассматриваться в соответствии с чёткими и заранее опубликованными критериями, ГИС признаёт, что могут рассматриваться и дополнительные соображения, не такие универсальные и разнящиеся в зависимости от конкретной программы или конкурса. В дополнение к критериям научного качества, которые применяются почти всегда, могут использоваться другие критерии с учётом следующих рекомендаций.

Там, где это уместно, автору заявки следует порекомендовать изложить потенциально более широкое воздействие, которое может иметь его исследование. В таких случаях фондам следует запрашивать обращающихся, каким будет это влияние, и требовать информацию о том, как её учитывать в процессе экспертизы. Влияние должно быть широко концептуализировано его характеристикой или научной экспертизой.

Финансирующие организации должны добиться сбалансированности риска в процессе экспертизы, обеспеченного справедливым рассмотрением заявок на высокорисковые исследования, заслуживающие щедрого финансирования.

Там, где это уместно, заявки должны рассматриваться международными экспертами, особенно если они направлены на решение глобальных проблем или если исследование посвящено другим странам.

По поводу различий между научной экспертизой и экспертизой достоинств

Оба эти термина часто используются как взаимозаменяемые, но иногда они приобретают неодинаковый смысл для участников ГИС.

Некоторые из них используют термин «экспертиза достоинств», чтобы опираться на широкую оценку качеств заявки, выходящую за пределы её только лишь научной ценности, выявляя, в частности, её потенциальное соответствие интересам выгодополучателей.

Другие используют лишь термин «научная экспертиза», чтобы описать оценку заявки соответствующими экспертами в зависимости от природы проекта, характера конкурса или организационных условий. В таких случаях, хотя оценка научной ценности экспертами-учёными остаётся центральной, когда это необходимо, она может включать оценку широких достоинств заявки другими квалифицированными экспертами из ненаучной среды.

ГИС признаёт различное использование терминов участвующими организациями. Поэтому принципы и действия, заложенные в этом Заявлении, признаются применимыми вне зависимости от этих различий.

3. DISCUSSION PAPER

SCIENCE DIPLOMACY: THE ROLE OF RESEARCH COUNCILS AND THE GLOBAL RESEARCH COUNCIL

Introduction

Scientists have always been at the forefront of international collaboration, and, for centuries, science has been used for international relations purposes around the world. Hence science diplomacy is a new term for an old concept.

Science diplomacy needs to adapt to varying contexts and circumstances. There are today neither commonly accepted guidelines on how to perform science diplomacy nor a precise definition of what the concept describes. However, in 2010, the Royal Society and the American Association for the Advancement of Science (AAAS) issued a report describing three forms of science diplomacy: science in diplomacy - informing foreign policy objectives with scientific advice; science for diplomacy - using science cooperation to improve diplomatic relations; and diplomacy for science - facilitating international science cooperation.¹

Responsibility for science diplomacy, within any country, is typically shared across institutional structures especially science and foreign ministries. Science diplomacy can aim to: Advance domestic needs; Address cross-border or regional interests; Tackle global needs and challenges.² Science Diplomacy occurs in the respect of all applicable law and regulations at national and international levels.

Through a series of five regional meetings (October 2017 – January 2018), GRC Participants have initiated a reflection about their role as research councils in science diplomacy, about the role of international collaboration amongst research councils in general and collaboration within the GRC in promoting and advancing science diplomacy. This initial phase resulted in the identification of key guiding principles and suggested approaches. The latter will be up for discussion at the seventh GRC Annual Meeting on 14–16 May 2018 in Moscow.

Principles

Safeguarding scientific values

Freedom of inquiry, meritocracy, scientific rigor, rationality, recognition of contributions, scientific independence and transparency are critical elements in ensuring the soundness of science. These remain unaltered in the context of science diplomacy.

Fostering openness

Fostering openness in science is key in overcoming geographical borders, and in yielding benefits that go beyond the scientific research. To the maximum extent practicable, research collaborations, the mobility of experts, open access to scholarly content, data sharing, and unconstrained access to knowledge in general should be encouraged.

Building trust and relationship

Scientific collaboration can play an important role in building bridges between countries. The science must be sound and open; and in addition the adequate relationships, within and beyond academia, must also be maintained and nurtured over the long-term. In this context the notion of trust, among scientists, between scientists and political decision makers and the wider public, is central to science diplomacy.

¹ Royal Society and AAAS, "New Frontiers in Science Diplomacy" (London: Royal Society, 2010).

² P.D. Gluckman, V. Turekian, R.W. Grimes, and T. Kishi, "Science Diplomacy: A Pragmatic Perspective from the Inside", *Science & Diplomacy*, Vol. 6, No. 4 (December 2017).

Suggested Approaches

The remit, mission and portfolio of tools vary strongly among research councils and national research systems. The following are examples of approaches that research councils may find useful to engage in science diplomacy and contribute to fostering the principles above as well as the support of their communities when doing so. Some of these approaches are best pursued independently while others lend themselves to collaborative joint exploration. Discussions at the 2018 GRC Annual Meeting can help identify approaches that research councils would like to collaborate on and identify possible ways for GRC to support this, for instance by revisiting this topic in the future.

- **Support approaches**

Developing a shared understanding of science diplomacy

A shared understanding of science diplomacy is needed. The GRC provides a global platform for its Participants to share experience and good practice, compare definitions of science diplomacy they use, and explore how science diplomacy connects to their work as research councils.

Expanding capacity to leverage the potential of science diplomacy

The GRC encourages Participants to enhance their own understanding of science diplomacy through activities, such as lectures, workshops, courses, prizes and collaborations with other actors engaged in science diplomacy. GRC Participants can support researcher's training and "encourage the acquisition of diverse skill sets and outreach activities" also in the context of science diplomacy.¹ GRC Participants could also reward and incentivize science diplomacy related activities.

- **Operational approaches**

Supporting science on science diplomacy

GRC Participants can, within their mandates, support research and innovative thinking in this area. This could include support for research into areas such as: creating the right conditions for scientific evidence to inform bilateral and multilateral negotiations; and impact assessments to bolster the potential of science diplomacy at global, regional and national levels.

Opening up of schemes

GRC Participants are encouraged to increase access to their research funding schemes to non-national scientists, support researcher mobility and staff exchange, launch joint calls for research projects with international partners, jointly develop large research infrastructures and promote access to facilities in general, where practicable and allowable under statutory authorities. Such an internationalisation not only strengthens national, regional, and global research systems, but can also enable science diplomacy initiatives.

- **Strategic approaches**

Framing science diplomacy in the context of shared challenges

GRC Participants should encourage science diplomacy approaches to address shared challenges across borders, or in non-jurisdictionally controlled areas. Such challenges can only be tackled through a holistic approach, and science must play its part in this process. GRC Participants are encouraged to increase their collaboration with their national foreign policy apparatus to provide evidence-based advice to related policy developments.

¹ GRC Statement of Principles and Actions for Shaping the Future: Supporting the Next Generation of Researchers (2014).

НАУЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ: РОЛЬ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ СОВЕТОВ И ГЛОБАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО СОВЕТА

(неофициальный перевод документа 3)

Введение

Учёные всегда были на переднем крае международного сотрудничества, и наука веками использовалась во всём мире в целях международных отношений. Таким образом, «научная дипломатия» – это новый термин старой концепции.

Научная дипломатия нуждается в том, чтобы адаптироваться к различным обстоятельствам и в разном контексте. Сегодня нет общепринятых установок, как её осуществлять и точно установить, что эта концепция определяет. Тем не менее, в 2010 г. (Лондонское) Королевское общество и Американская Ассоциация развития науки (AARN) выпустили отчёт, в котором описываются три формы научной дипломатии: наука в дипломатии – научный анализ задач внешней политики; наука для дипломатии – использование научного сотрудничества для улучшения дипломатических отношений и дипломатия для науки – содействие международному научному сотрудничеству¹.

Ответственность за научную дипломатию в любой стране обычно распределена между ответственными структурами, в первую очередь министерствами науки и иностранных дел. Научная дипломатия может быть направлена на то, чтобы решать внутренние задачи, заниматься пограничной и региональной проблематикой, решением глобальных задач и вызовов².

В ходе пяти региональных встреч (с октября 2017 г. по январь 2018 г.) участники ГИС разработали свой подход к определению роли научных советов в научной дипломатии, к роли их сотрудничества на международной арене в целом и внутри ГИС, содействующего и продвигающего научную дипломатию. Эта начальная фаза имела результатом выявление ключевых установочных принципов и предложенных подходов, которые прошли обсуждение на 7-й ежегодной встрече ГИС 14–16 мая 2018 г. в Москве.

Принципы

Сохранение научной ценности

Меритократия, научная смелость, рациональность, признание вклада, научная независимость и прозрачность – всё это критически важные элементы, создающие здоровую науку. Эти подходы остаются неизменными и в контексте научной дипломатии.

Утверждая открытость

Утверждение открытости в науке играет ключевую роль в преодолении географических барьеров и завоевании достижений, приходящих вслед за научными исследованиями. Следует в максимально доступной степени поощрять исследовательские коллаборации, открытый доступ к научным результатам, обмен научными данными и мобильность научных экспертов.

Устанавливая доверие и связи

Научное сотрудничество может играть важную роль в наведении мостов между странами. Наука должна быть здоровой и открытой; кроме того, такие же связи должны поддерживаться и развиваться на долгосрочную перспективу внутри и за пределами сообщества учёных. В этой связи центральным принципом для научной дипломатии является утверждение доверия между учёными и в самой науке.

¹ Royal Society and AAAS, “New frontiers in Science Diplomacy” (London: Royal Society, 2010).

² Gluckman P.D., Turekian V., Grimes R.W. and Kishi T. Science Diplomacy: A Pragmatic Perspective from the Inside. Science&Diplomacy. Vol. 6. № 4 (December 2017).

Предлагаемые подходы

Сфера применения, предназначение и набор инструментов далеко неодинаковы в отдельных фондах и национальных научных системах. Ниже приводятся примеры подходов, которые фонды могут считать полезными, занимаясь научной дипломатией и способствуя соблюдению вышеприведённых принципов и поддержке сотрудничающих с ними учёных. Некоторым из этих подходов лучше следовать независимо, тогда как другие требуют коллективного изучения и следования. Дискуссии на годовом собрании ГИС 2018 г. могут помочь найти подходы, на почве которых фонды могли бы сотрудничать и определить пути их поддержки со стороны ГИС, например, вновь возвращаясь к этой теме в будущем.

Подходы поддержки

Добиваться единого понимания научной дипломатии

Единое понимание научной дипломатии необходимо. ГИС предоставляет своим участникам глобальную площадку для обмена опытом и примерами успешной деятельности, сравнения используемых ими определений научной дипломатии и изучения того, как научная дипломатия сочетается с их деятельностью в качестве научных фондов.

Расширять возможности использования и усиления потенциала научной дипломатии

ГИС побуждает своих участников более глубоко воспринимать научную дипломатию посредством такой деятельности, как лекции, семинары, курсы, премии и сотрудничество с другими «акторами» в сфере научной дипломатии. Участники ГИС могут организовывать соответствующие курсы для учёных и «поощрять приобретение различных навыков и направленную во вне активность», в том числе в контексте научной дипломатии¹.

Действующие подходы

Поддержка науки о научной дипломатии

Участники ГИС могут в рамках своих полномочий поддерживать исследования и новаторские инициативы в русле научной дипломатии. Это может включать такие исследования, как сбор научных доказательств аргументам при двусторонних и многосторонних переговорах, в порядке содействия дипломатам — оценка тех или иных действий на глобальном, региональном и национальном уровнях.

Внедрение специальных схем

Призвать участников ГИС расширить доступ иностранных учёных к своим грантовым программам, поддержку мобильности исследователей и обменов между сотрудниками фондов, проведения совместных конкурсов исследовательских проектов с международными партнёрами, совместного развития крупной исследовательской инфраструктуры и доступа к таким установкам, где это практически возможно и допустимо согласно действующим правилам. Такая интернационализация не только укрепит национальные, региональные и глобальные исследовательские системы, но и будет способствовать инициативам в области научной дипломатии.

Стратегические подходы

Подходить к научной дипломатии в контексте общих вызовов

Участникам ГИС следует искать такие подходы к научной дипломатии, которые отвечают общим вызовам, не имеющим государственных границ, или же в сферах, на которые не распространяется чья-либо юрисдикция. Такие проблемы могут быть урегулированы путём целостного подхода, и наука должна играть свою роль в этом процессе. Участники ГИС призываются к укреплению сотрудничества с национальными ведомствами, осуществляющими внешнюю политику, путём их консультирования и обеспечения научными доказательствами разрабатываемых ими политических документов.

¹ GRC Statement of Principles and Actions for Shaping the Future: Supporting the next Generation of Researchers (2014).

Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

Гуманитарные и общественные науки

2018, № 2 (91)

Адрес редакции: 119334, Москва, Ленинский пр-т, д. 32а
Тел.: +7 (499) 941-01-15 (доб. 3003)
E-mail: rovir@rfh.ru
<http://www.rfbr.ru>

Оригинал-макет ООО Издательство «ЭМПРЕСС»
105082, г. Москва, Рубцовская набережная, д. 3, стр. 3
Тел.: +7 (499) 677-18-71
E-mail: id-empress@mail.ru

Технический редактор Ю.М. Шилова
Верстка К. Страховинский
Корректор В.В. Тихонова

Подписано в печать 20.06.2018. Формат 60×90 ¹/₈.
Усл. печ. л. 24,9. Уч.-изд. л. 18,0.
Печать офсетная. Бумага мелованная. Тираж 300 экз.